

ВЛАДИМИР УГЛОВСКИЙ

МУЛЬТИКЛАСС

ТОМ I

Что сделает уважающий себя бог из похожей на фэнтези-игру вселенной, если его мир будет в опасности? Конечно, призовет попаданца, которым мне и выпало стать. И, в принципе, не сказать, чтобы я был против, тем более, что ни умирать, ни пропадать без вести для этого не потребовалось. Однако, как насчёт объяснить мне, что здесь вообще происходит и чего от меня ждут?

Глава 1

Первый удар голем-фехтовальщик почти всегда наносил справа. Не сказать, конечно, чтобы это знание само по себе являлось залогом успеха — бил колдунский андроид очень быстро, и среагировать, даже заранее представляя направление, было весьма непросто. Не говоря уже о том, что будь у него в руках настоящий меч вместо учебного, шансов выявить эту закономерность у меня бы не имелось никаких. Однако, что же теперь, не пользоваться таким опытом?

На этот раз я выставил блок заранее, едва изуверский конструкт только шевельнулся в мою сторону. И только успел подумать, что крайне досадно будет, если мой бездушный спарринг-партнёр решит ударить слева, как глухой стук столкнувшихся деревяшек оповестил меня об успехе моей авантюры. Который я тут же закрепил, успев закрыться от удара в голову, и попытался развить, контратаковав на шаге вбок. В этот момент, когда мой меч уже летел к затылку голема, и не просматривалось ничего, что могло бы его остановить, я даже успел ощутить первобытное кровожадное ликование от близкой победы над сильным и опасным врагом. Которое, впрочем, моментально рассеялось, когда мою атаку прервал сильнейший укол в грудь, опрокинувший меня наземь. Что голем небезосновательно счёл своей безоговорочной победой и не спеша зашагал на исходную. Я поднялся на ноги.

— Уже лучше, а? — сказал я, подкрепив свои слова широкой улыбкой крутого несгибаемого оптимиста. — С настоящими мечами это могла быть обоюдка. Ещё немного — и я его сделаю.

Обращался я, понятное дело, не к конструкту, равно как и не сам с собой разговаривал. Адресатом моих слов был худощавый дядька с аккуратно подстриженной рыжей окладистой бородой, наблюдавший за очередным моим избиением со стороны. И, судя по выражению лица поверх его породистой физиономии, моего натужно-боевитого настроения он не разделял. Высказываться он, однако, не спешил, предпочитая вместо этого уничтожать меня сочувственно-страдальческим взглядом. Таким, с которым хозяин мог бы смотреть на щенка, радостно виляющего хвостиком посреди свежесделанной лужи: вроде и наругать надо, и огорчать этот комок жизнерадостности неловко.

— Так, ясно, — сказал я. — Прошу, поведай мне, Вик, где я накосячил на этот раз.

— Прямо сейчас — в том, что обкорнал моё имя, — ответил Виктран. — Я не против общения без церемоний, но в разумных пределах. А в бою... Да всё не так. С самого начала.

Обратная связь, конечно, получилась офигительная, а главное — полная. С такой самое то работать, если на выходе хочешь получить не пойми что. Я, однако, промолчал — привычка этого деятеля сперва припечатать подобной заявкой и лишь затем снизить до разъяснений мне была уже хорошо знакома.

— Видишь ли, Максим, — продолжил Виктран, — ты пытаешься биться с големом сам. Пробираешь просчитать его удары, успеть среагировать, иногда атаковать. И временами, не стану отрицать, что-то из этого у тебя даже получается. Но это путь в никуда. Големы разработаны так, чтобы заведомо быть сильнее обычного человека. И если приходится, в крайнем, замечу, случае, чернь выходит против одного такого минимум втроём. Причём, не абы как, обрати внимание, без идеальной слаженности действий и тщательной подготовки голем их перебьёт. А у нас с тобой на такую нет времени. Зато, чтобы ты понимал, средней руки авантюрист, использующий свои таланты, вполне способен в одиночку уничтожить от

трёх до пяти таких големов. У тебя же внутри — все таланты, навыки и знания паладина высочайшего уровня. Тебе не нужно пробовать справиться без них. Просто сосредоточься. Найди их внутри себя, и делай так, как они подскажут.

— Ага, — кивнул я, не без труда удерживая в себе замечание насчёт того, в который уже раз я слушаю эту лекцию. — Не пробуй, а делай. Используй силу. Я всё понял, магистр. Ещё заход?

— Отсылки такие, — усмехнулся Виктран, — улавливать способен вполне я, падаван юный. В вашем мире есть вещи, которые не захочешь, а всё равно узнаешь. Нет, ещё захода сейчас не нужно, толку не будет. Лучше присядь. Очисти голову и прислушайся к себе. А как услышишь то, о чём я тебе говорю — сосредоточься.

— Медитация называется, — не без ехидства отозвался я, но рекомендации последовал. — Что, вот прямо совсем «не захочешь»?

— Первые шесть частей вполне себе «захочешь», — ответил Вик. — Потом досадно сделалось. Давай-ка не отвлекайся.

И принялся я со страшной силой очищать свою голову, всякие залётные мысли от неё старательно отгоняючи. Что по-первости получалось, прямо скажем, не очень — мысли оказались вёрткими, шустрыми и назойливыми. Но со временем я в этом деле всё-таки преуспел. Ну, или мыслишкам надоело впустую вокруг меня роиться и они улетели на поиски более благодарного носителя — здесь уж не так важно. В любом случае, они ушли, и настала пустота. К которой я и стал присматриваться.

Как водится, быстро сказка сказывается, да долго дело делается. Так и я дольше рылся в своей сущности, чем это можно сколько-нибудь интересно описать. Вы же уже наверняка задались вопросом, а что тут вообще творится и как оно всё так получилось. Так что, полагаю, самое время дать немного вводных.

Зовут меня, как вы уже знаете, Максим, для друзей — Макс. Крайне избитое имя для попаданца, хлеще только если «Макс» ещё и «сэр». А уж если автор — тоже Максим, то это и вовсе туши свет. Вообще, по моим наблюдениям, авторы-Максимы — они ребята такие, тщеславные... Но это я что-то отвлёкся. В любом случае, уж как мама с папой назвали, с тем и живу. Кем был раньше — не так важно, поскольку на мою историю это всё равно никак не повлияло. То есть, я не десантник-спецназовец, не гениальный инженер, не акула бизнеса и даже не мастер текстолитового меча из какой-нибудь ролевой тусовки. Обычный парень с обычной работой и обычными увлечениями, в меру довольный своей жизнью. В общем, никакого приличествующего попаданцу багажа из родного мира я с собой не притащил.

Да и, строго говоря, я не попаданец, так как на самом деле никуда и ниоткуда не перемещался, ни в пространстве, ни во времени. Просто Виктран каким-то образом снял с моего сознания копию и воплотил в своём мире. Почему он выбрал именно меня, а не какого-нибудь супермена локального масштаба — толком не понимаю. Сам он объяснил это тем, что по сумме всех факторов обычный я подошёл для его целей лучше, чем какой-нибудь геройский майор Рэмбо. Не знаю, что там за факторы такие, но ему виднее, наверное.

Здесь стоит сказать, кто такой Виктран. Если вкратце — он бог. Точнее «богоподобный», авантюрист, некогда раскачавшийся до гомерической мощи и перешедший в силу этого на новый уровень существования. И да, коли уж речь зашла: законы этого их мироздания очень конкретно напоминают механику какой-нибудь многопользовательской фэнтези-игрушки. Рождаются у них иногда особые люди, способные усваивать опыт от убийства монстров и конвертировать его в свои характеристики и умения. То есть, те самые

авантюристы. У авантюристов, как положено, есть уровни и разные врождённые классы. Вот чего нет — так это бездонного инвентаря и интерфейса, из за чего пожитки им приходится таскать на своём горбу, а количество опыта до следующего уровня прикидывать на кукишах. Плюс, монстрариум здесь весьма бедный и ограничен сугубо теми самыми големами различных модификаций. То есть, мочить-то авантюристы технически могут не только их, но никакого опыта от этого они не получают.

Что до целей, с которыми Вик вознамерился отправить меня во всё это поиграться, то распространяться о них он не стал. И объяснил это тем, что для успеха дела крайне важно, чтобы я узнал всё строго в нужное время и, в идеале, сам. Понятно, что с такими вводными дело начало казаться донельзя мутным, и у меня поначалу возникло конкретное нежелание в это ввязываться. На что Вик предложил мне по завершению миссии выбрать любую награду, вплоть до персонального райского мини-мирка. И ещё он пообещал обеспечить мне относительно комфортный старт. Для чего и подсадил в моё сознание некий на тот момент непонятный мне источник тех самых знаний и навыков высокоуровневого паладина. С такими дополнениями я согласился. К тому же, делать мне всё равно было больше нечего, разве что развоплотиться обратно, а я оригинальный от этого всё едино ничего не терял.

Вот только сначала надо было научиться пользоваться дарованным мне читом, а с этим вышел затык. Мне никак не удавалось пробудить эти способности, я просто не понимал, как это сделать. От Виктрана же советов было, если по сути, всего два: тренировки и медитации, медитации и тренировки, смыть и повторить. Наверное, у него и самого не было какого-то готового действенного рецепта, всё же, подобных мне кадавров, по его словам, раньше не водилось. Так что оставался только долгий и тернистый путь научного тыка.

Который на этот раз, похоже, всё-таки начал приносить долгожданные плоды. Возможно, потому, что я наконец научился действительно медитировать, а не просто пялиться внутренним взором в пустоту, аки баран на новые ворота. Как бы то ни было, в процессе медитации я что-то почувствовал. Некую силу, вроде разрядов статического электричества, которые, однако, не доставляли мне никаких неприятных ощущений, а напоминали скорее микро-порывы в меру свежего ветра в неоновых искрах. Звучит малость ку-ку, но с ощущениями от паранормальных энергий, как я впоследствии убедился, оно всегда так. Оно реально чувствуется, как всякие там зелёные на вкус наждачно-карамельные лучи бетонной юриспруденции, или что-то типа того. Подозреваю, что пациент с шизофазией в попытке описать такой опыт начнёт говорить нормально.

Некоторое время мне потребовалось, чтобы к обнаруженной силе приспособиться. Осознать, что она не морок, соткавшийся из моего желания разглядеть уже хоть что-нибудь, и растворяться в небытии от первого же неосторожного чиха не собирается. Открыть, что она отзывается на мои мысли и следует им. Что это в общем-то — часть меня, которая теперь, когда я узнал о её существовании, никуда уже от меня не денется.

— Кажется, я нашёл, — сказал я, открывая глаза. Виктран посмотрел на меня с некоторым скепсисом, мол, опять торопишь события. Однако, всё же молча кивнул в сторону голема, предлагая мне наглядно всё продемонстрировать.

Я встал на ноги и поднял меч в классической для катаны позиции, знакомой мне, справедливости ради, больше по аниме, нежели из хоть какого-то боевого опыта. То есть, меч в две руки вертикально перед собой, взгляд решительный, морда кирпичом, а что с этим делать дальше — не очень ясно. Разве что новооткрытая сила уже по ситуации подскажет?

Голем истолковал мою стойку вполне однозначно и двинулся навстречу. Что было,

признаюсь, страшновато. Не в плане очередного избияния твердой деревяшкой, будто в первый раз, в конце концов. Скорее нервировало незнание, что конкретно мне стоит делать, в купе с нежеланием опять облажаться. Не сейчас. Не на этот раз, когда я наконец начал что-то усваивать — вот только знать бы ещё, что именно. Впрочем, а нужно ли было знать? Виктран же говорил, что мне не следует биться с големом самому. Не следует думать, что сделать следующим. Просто довериться своей силе, которая намного лучше меня знает, как быть.

В этом, пожалуй, было что-то не столько даже джедайское, сколько конкретно религиозное, и это смущало меня донельзя. Но вариантов лучше всё едино не было. Оставалось только действовать по наитию, не сомневаясь. И потому я интуитивно вновь закрылся от удара справа.

Полной чужью оказалась эта интуиция, поскольку голем решил для разнообразия рубануть сверху. Однако, ноги будто сами собой понесли меня в сторону, и меч прошёл мимо. С запозданием я выставил верхний блок — и едва не пропустил удар справа, от которого ушёл шагом назад, исполненным, опять же, помимо воли.

В том же духе развивался весь последующий бой, скатившийся в какое-то шипито. Всё, что я пытался исполнить мечом, будь то блок, или попытка атаки, стабильно оборачивалось лажей, и лишь та самая сила не давала мне в очередной раз проиграть, каждый раз выводя из-под вполне заслуженного воздаяния за криворукость. Достать меня у голема не получалось, но и только. Складывалось ощущение, что деревяшка в моих руках силе чем-то не нравилась, отчего последняя наотрез отказывалась их направлять. И полагать такой расклад ничейным было бы изрядно самонадеянно. Голем, в отличие от меня, не уставал. Я же мог рано или поздно накосячить так, что никакая сила уже не помогла бы мне уклониться.

По сути дела, это и произошло, когда в попытке изобразить контратаку я потерял меч. И увернуться от удара, под который я тем самым себя подставил, мне даже в теории не могла помочь никакая сила.

Вот только она и не стала. Вместо этого моё тело вдруг рванулось вперёд и залепило кулаком голему в голову. Что было больновато, вообще говоря. Но и голем оказался несколько более хрупким, чем от него ожидалось. Забрало, заменявшее конструкту лицо, пересекла крупная трещина, и где-то на секунду колдунский дроид завис. Упускать такую возможность было нельзя, и неважно, что я не в полной мере понимал, что делаю. То есть, на самом поверхностном уровне там и понимать было нечего: обрушившийся на голема град ударов вполне себе сочетался и с моими желаниями, и с моими намерениями. Я даже их направление в целом контролировал. Но вот откуда у меня вдруг завелись богатырская силушка и боксёрская техника а-ля Мухаммед Али, с её характерными порхающими бабочками и жалящими пчёлами... По крайней мере, мне хватило мозгов осознать, что задуматься об этом я могу и позже. Или не хватило, а я просто слишком хотел как следует посмаковать причинение чертовой жестянке давно заслуженного ей воздаяния. Но если на выходе результат один, то какая разница?

Результат, кстати, меня несколько удивил и даже озадачил, несмотря на глубочайшее удовлетворение от свершившейся мести. Поскольку, когда голем таки рухнул на пол, стало видно, насколько мне удалось его размочалить — при том, что мои кулаки хоть и были изрядно отбиты, но сколько-нибудь серьёзных травм не получили.

— А выглядел прочнее, — задумчиво пробормотал я. — Или это он учебный, вот и без

брони?

— Без брони он потому, что броня тяжёлая, — ворчливо пояснил Виктран, — а мощность типового двигателя не безгранична. А у тебя, похоже, талант концентрироваться на второстепенном.

Я с недоумением посмотрел на Виктрана, тщетно пытаясь прикинуть, что же такое я упустил.

— Игры в вашем мире применительно к нашему — в большинстве своем полная чепуха, — нарочито терпеливо пояснил рыжий. — Но всё же, тебе не показалось, что твои навыки малость не паладинские? Ты — авантюрист, Макс. Судя по тому, что я увидел — монах. И это объясняет, почему у тебя не заладилось с мечом.

— То есть, — произнёс я, — мой класс блокирует все оружейные навыки, которые ты мне подсадил? Монах у вас — чистый рукопашник?

Виктран покачал головой.

— Нет, так-то всё верно, — сказал он. — Но с уточнением. Дело не конкретно в твоём классе. Дело в том, что он в принципе у тебя есть. Больше одного класса не может быть ни у кого. И даже если найти способ посадить второй, как вот в твоём случае, то он всё равно будет подавлен.

Тут у меня, конечно, возник вопрос, куда же смотрел мудрый богоподобец, когда проводил надо мной эту операцию. Но, немного поразмыслив, я оставил его при себе. В конце концов, я всю жизнь был без понятия, какой там у меня класс и есть ли он вообще, как, осмелюсь предположить, и любой другой человек из нашего мира. Мало ли где оно там запрятано? Так что не мне было, наверное, что-то говорить о компетенциях в подобных делах.

— В любом случае, цель же достигнута? — вместо этого сказал я. — Класс у меня есть, пусть и не тот, что планировался. Против этих бидонов големообразных с их ковырялками я теперь не беззащитен. Не пора ли провести брифинг и отправить меня уже приключаться?

— Не пора, — отрезал Виктран. — Ты всё ещё ничего толком не знаешь о нашем мире. Объяснять это тебе будет слишком долго, а отпустить тебя как есть, чтобы ты тратил время на выяснение общеизвестных вещей и тем самым привлекал к себе лишнее внимание — не лучшая идея. Именно поэтому я поместил в тебя не только класс, но и память, где ответы на большинство вопросов уже есть. И пробудить её тебе всё-таки сначала придётся.

— Опять медитировать?! — воскликнул я.

Виктран лишь молча развёл руками.

Глава 2

— Да блин! — не удержался я от недовольного возгласа, когда очередная попытка посмотреть, что же скрывается в моей личности под способностями авантюриста, окончилась провалом. — Оно просто вышвыривает меня, как поплавок с глубины. Ещё немного — и я так кессонку заработаю. Ну, или её психический аналог. Он, кстати, бывает?

Виктран задумчиво пригладил бороду, что-то припоминая.

— Вообще, бывает, — помолчав, сказал он. — Но, пользуясь твоей же аналогией, не на той глубине, на которую ты сейчас забрался, даже не близко. Здесь дело больше в том, что ты недостаточно сосредоточился.

— Только в этом? — с напором произнёс я. — Там точно не может быть чего-то, типа моего внезапно обнаружившегося класса? С ним, напомню, я тоже убил кучу времени, пытаюсь лбом стену продавить.

Богopodobный вздохнул.

— Может, — сказал он. — В том как раз и дело, что может. Но, напомню, свой класс ты обнаружил как раз потому, что эту самую стену всё же продавил. Речь именно о твоём сознании, сколько бы ты не называл его «оно», тем самым от него же и отстраняясь. Это не «оно», это ты. И никто тебя вглубь тебя же за ручку провести не может, это попросту невозможно.

— А техники всякие? — продолжил упорствовать я. — Ну, вонючие палочки там, поющие чашки, гипноз? Это всё не вариант? Тебе же это ничего не стоит, в самом-то деле.

— Чашки и палочки — чушь, — безапелляционно заявил Вик. — Для того, чтобы копаться в себе, тебе нужен только ты сам. Что до гипноза, то это способ всё узнать мне, а не тебе. Я же всё и так знаю.

— Так расскажи! — попытался настоять я, уже зная ответ.

— Долго, — произнёс Виктран именно то, что я ожидал. — Лучше ты сам.

Признаться, я не бог весть какой опытный попаданец. Со мной это в принципе было единожды. Однако, всё же рискну заявить, что это было самое унылое начало попаданской истории из всех, что мне известны. Однако, вариантов не было. Только обратить свой внутренний взор на себя же и пытаться разглядеть там что-нибудь новенькое.

До своей некогда скрытой сущности, которую Вик именовал моим классом, я добрался быстро. Сказывался опыт, пусть и недавний, но вполне себе стабильный. За последнее время я направлял своё сознание в это облако мелких молний со странными свойствами дикую кучу раз. И не сказал бы, чтобы это было совсем неинтересно — почти из каждого захода я возвращался или с новеньким навыком, или хотя бы со знанием, что он такой там есть и когда-нибудь я смогу его разблокировать. Цель моя, однако, была дальше. Там, где молнии заканчивались и начинался густой туман, прямо-таки кисельной консистенции. В котором полбеда, что ничего не выходило разобрать, он как будто ещё и рад мне не был. По крайней мере, именно такой вывод можно было сделать из того прискорбного факта, что эта область сознания отторгала меня самым немилосердным образом, как будто не желала допускать до себя кого-то столь мало знакомого. И вот это психоаналитическое кокетство мне приходилось когда перебарывать банальным напором, а когда и обходить по широкой дуге, прикидываясь, что просто прогуливаюсь мимо, а на его секреты и не покушаюсь. Чему хранилище памяти внутри меня, разумеется, не верило. Но множество попыток спустя,

которые я не буду пересказывать, чтобы вас не утомить, эта сущность всё же решила, что проще один раз дать посмотреть, чем бесконечно гнать прочь. И в этот момент я почувствовал себя настолько радикально не собой, что на мгновение утратил контроль вообще над всем, включая сюда и тело, и мысли, и всё к этим двум вещам прилегающее.

— Госпожа? — донёлся до меня голос. — Вы в порядке?

— Да, — ответил я неожиданно для себя самого. — Просто покровитель откликнулся на мои мольбы. Он с нами, потому не тревожьтесь.

Не знаю, что меня шокировало больше. Может, то, что это было нахальнейшим враньём, простительным, однако, для человека заведомо обречённого, коим я в этот момент объективно себя ощущал. А может, и это скорее всего, поразило меня то, что мой голос, обычный такой виски-баритон, пограничный с простонародным пиво-тенором, вдруг сменился на проникновенное меццо-сопрано, к которому я прежде объективно не был способен. И, украдкой оглядев себя, я обнаружил, что изменения во мне коснулись не только вокальных данных. Тело, в котором я находился, самым недвусмысленным образом принадлежало женщине. Которой, впрочем, было объективно не до того, чтобы уделять хоть крупицу своего драгоценного внимания моему внезапному появлению.

— Отступайте к порталу, — вновь заговорил я. — Меня не ждите. Я выиграю вам немного времени, а затем догоню. Не беспокойтесь. Владыка Виктран с нами, и он уберезёт нас.

Снова враньё. Правильное, и в этот момент, пожалуй, нужное, но всё равно причинявшее прямо-таки физическую боль где-то за рёбрами. Правда же заключалась в том, что эта женщина, чьими глазами я сейчас смотрел на мир, была в ужасе. Страх, что она испытывала, был так силён, что на какое-то время попросту меня дезориентировал. Однако, эта железная леди каким-то невозможным образом умудрялась хотя бы внешне держать себя в руках. Я не знал, чем она отгородилась от страха, её мысли, в отличие от эмоций, были мне недоступны. Но само то, что ей это удавалось, вызывало уважение.

Лично мне в этот момент помогло довольно-таки элементарное соображение, смысл которого сводился к тому, что это не мои чувства. Что на самом деле я просто копаюсь у себя в сознании, и все эти страхи — они со мной не по-настоящему. Условно говоря, что я просто смотрю кино с несколько расширенными функциями, и не более. В общем, я тоже с этим справился. Таким, правда, способом, который и близко не позволял мне поставить себя на одну доску с этой героической барышней, поскольку слишком уж благоухал трусливеньким эскапизмом. Но на результате это сказалось не сильно, и я смог наконец оценить, где оказался.

Здесь была ночь. Не такая вот южная, в которой не зги не видно, но заначку стратегического продукта лучше всё-таки перепрятать. Скорее этакий затянувшийся за полночь вечер, как оно бывает летом в Карелии или под Архангельском. Скорее, впрочем, в Карелии — на это отчётливо намекал ещё различимый пейзаж, сложенный из вековых мачтовых сосен на гранитных скалах и невесомой вечерней дымки над ломаной формы озерцом в низине по левую руку. Привычно, знакомо и даже приятно. Одна деталь, правда, выбивалась из ностальгического образа. Это была сплошная стена густейшего белёсого тумана, начинавшаяся почти сразу от подошвы холма, на котором расположилась моя носительница, и протянувшаяся вверх и во все стороны, насколько только хватало глаз. Выглядело это очевидно паранормально и откровенно дико. Что-то не то было с этим туманом, и «не то» опасное. Именно такой вывод напрашивался при виде освещённой

одиноким факелом горстки отосланных носительницей людей, спешно удалявшихся вдоль белой стены и заметно её сторонившихся. Задевать её даже случайно они явно не желали, причём, как мне показалось, намного более акцентировано, чем если бы вопрос касался просто местных суеверий.

Что до самой носительницы... Понятно, что многого я не разобрал, в сумерках-то, без зеркала и в явно неподходящих обстоятельствах. Но из того, что понял, она была этакой девой-воительницей, принцессой-рыцарем из аниме, во многом даже стереотипной. Такая, знаете, в доспехах поверх платья, под которым всё едино нацеплен поддоспешник, но в глаза не бросается. Без шлема, как и подобает сюжетно-важному персонажу, просто с убранными в стильный хвост длинными волосами. При мече — довольно-таки классического вида готическом полуторнике. Нет, не то, чтобы я в таковых всерьёз разбирался, просто в медиа именно этот тип растиражирован основательно. Равно как и в целом такой образ, который я так-то не счёл бы особенно реалистичным. Однако, барышня производила впечатление тренированной, причём, не для показухи или ради досужего фитнеса. На мощную бойцовую амбальшу тоже, правда, не походила. Это, однако, могло компенсироваться наличием класса. И в принципе, другой мир, другие правила, так что мерить привычным аршином и на сем основании придирааться мне, пожалуй, не стоило.

В этот момент до меня кое-что дошло. Разумеется, у барышни был класс, и я даже знал, какой именно. Паладин. Прежде я не успел об этом задуматься, но вообще выглядело очевидным, что класс и память, загруженные в меня Виктраном, были не с нуля созданы. А раз они вдруг оказались бесхозными, то и финал воспоминания, которое я сейчас смотрел, был скорее всего трагичным. Честно говоря, от осознания этого мне стало очень неудобно.

Тем временем под холмом мелькнула аномально подвижная тень, и паладинша начала действовать. Она буквально спорхнула вниз, кажется, ни разу не коснувшись ногами склона, и, когда перед ней вырос тёмный силуэт, наискось перечеркнула его мечом, будто по собственной воле выпорхнувшим из ножен. Силуэт захрипел и рухнул. Я же отметил про себя, что то ли, несмотря на наличие классов, очков жизни сюда не завезли, то ли у моей носительницы прошла критическая атака, ваншотнувшая противника. И я соглашусь, что это было весьма циничное соображение, за которое мне потом было даже стыдно. Но тогда... Тогда, видимо, щёлкнул какой-то предохранитель в психике, заблокировавший мне всю рефлексивную насчёт убийства, коему я стал невольным и незванным свидетелем.

В любом случае, в тот момент мне было не до общих мыслей, поскольку события стали развиваться весьма стремительно. К холму вышли ещё враги, число которых я в темноте затруднился быстро определить. Сказалось и то, что паладинша, чьими глазами я всё это наблюдал, явно не собиралась останавливаться и пересчитывать их. Вместо этого она сразу бросилась к ближайшему противнику. Тот оказался расторопнее покойного товарища и, шагнув навстречу, попытался ударить сам, настолько быстро, что я едва разглядел его движение. Которое паладинша, однако, прочитала, и, отбив падающую сверху широкую саблю, прямо из блока перешла в выпад. С одной стороны, крайне успешный, если судить по тому, как лихо она проткнула противника. Но с другой быстро высвободить меч теперь не виделось возможным, чем тут же попытался воспользоваться зашедший с фланга бугай с секирой. И, глядя на то, как он с диким рёвом несётся в атаку, я успел подумать, что сейчас передо мной разыграется финал этой драмы. Но я ошибся. Паладинша выставила перед собой раскрытую ладонь — и громила кубарем покатился прочь, как будто бы подхваченный ветром. Я же от такого нахального плагиата джедайских фокусов, признаюсь, опешил, и

твёрдо решил при следующей встрече задать Виктрану пару неудобных вопросов.

Меч свой паладинша из трупa всё же вытянула, причём, быстрее, чем я опасался, и банальнее, чем я ожидал: просто упёрла ногу в проткнутого сабельщика и что было сил дёрнула за рукоять. И едва успела заблокировать стремительную атаку злобного вида дамочки с мечом в каждой руке. А затем ещё одну, и град последовавших за ней, что можно было бы счесть успехом, если бы моей носительнице не пришлось уйти в глухую оборону и попятиться, чтобы не дать другим нападавшим обойти её. Ситуация снова начала выглядеть опасной. И снова паладинша выкрутилась. На этот раз без паранормальных штучек, просто подловила оберукую ложным замахом, и, провернувшись на месте, снесла ей голову. После чего перешла в контратаку. Но не напрямик. Она стала перемещаться так быстро, что у меня в глазах бы зарябило, будь они тогда в полной мере моими, бить, и затем сразу отступать, чтобы через долю секунды вновь ударить оттуда, где её не ждали. Уцелевшие враги, впрочем, тоже были не так просты, и сходу вывести из игры удавалось далеко не всех. Зато в полной мере выходило их задержать, что, как я понял, и было её главной целью. На мгновение я даже подумал, что она может и победить. Потом, правда, свалиться с сердечным приступом от перенапряжения — я ощущал, чего ей стоило настолько интенсивное применение таланта, и иллюзий на этот счёт не питал. Но всё-таки.

Вышло иначе. Один из противников попытался проскочить, со всех ног рванув к тропе, по которой ранее ушли союзники моей носительницы. Она, само собой, позволить такого не могла, и кинулась ему наперерез. Но тот, похоже, на то и рассчитывал.

Он принял удар на щит и покатился кубарем, не удержав равновесие, почти тут же вскочил на ноги и изготовился к атаке. Паладинша же попробовала вновь уйти на скорости — но смогла сделать лишь пару обычных шагов в выбранную сторону. Вдруг ощутило потяжелели доспехи и меч. Но самое худшее — в полную мощь развернулся страх, так, будто вдруг исчезла стена, что прежде его сдерживала.

Показалась причина этого состояния — фигура в мантии с капюшоном, опиравшаяся на посох и наставившая на девушку светящуюся багровым ладонь. Маг. Причём, крайне специфичный, не то редкий, не то запретный, не то оба сразу, судя по изумлению паладинши, прорвавшись даже через охвативший её ужас. Который тут же многократно усилился, и толкнул девушку к шагу, лучше всего объяснимому паникой. Не дожидаясь, пока враги расправятся с ней, она со всех ног бросилась назад, прямо в туманную стену. И исчезла в ней.

Вернее, не так. Она начала медленно исчезать, как только пересекла границу тумана. Не физически, здесь как раз ничего такого не было. Туман как будто пожирал личность паладинши, можно даже сказать — её душу. Постепенно угасли её эмоции. Стали исчезать и более простые чувства, такие как всё равно почти бесполезное здесь зрение, как слух или обоняние. Перестала ощущаться почва под ногами, а затем пропало и само ощущение ног, понимание, движутся они, или стоят. И, наконец, несчастная девушка пропала окончательно, словно её и не было.

А затем чувства разом вернулись, и я обнаружил себя в том же самом тумане. Сказал бы ещё «на том же самом месте», но отличить его от любого другого здесь было затруднительно, хоть и видеть я стал немного подальше, чем прежде. Но главное, я снова был собой. Чтобы понять это, мне даже не требовалось увидеть себя со стороны — в своём теле я так-то прожил всю жизнь, и потому сразу его узнал.

— Итак, ты увидел.

Я обернулся. Виктран стоял у меня за спиной, сложив руки на груди, и взгляд его был покровительственно-сочувственный, как у родителя, чьё наивное чадо только что со всего размаху вляпалось в жизнь.

— Ты же говорил, что не можешь, — с укоризной произнёс я.

— Провести тебя за ручку — нет, — ответил богоподобный. — Пройти следом — могу.

— А помочь ей? Это ведь была твоя паладинша, из твоей паствы. Кстати, кто она?

Виктран печально усмехнулся и покачал головой.

— Из всех возможных вопросов ты задал именно этот, — пробормотал он. — Нет, я не мог. Нам нельзя вмешиваться напрямую. Но, поверь, я очень хотел. Её звали Кайара. Она была лучшей авантюристкой своего поколения. И в иных условиях я поручил бы твою задачу или ей, или кому-то из её учеников, которые к этому моменту наверняка бы у неё были. Но ты видел, как вышло на деле, и мне пришлось импровизировать.

Получалось иронично: это всё-таки я был носителем Кайары, не наоборот. Причём, не только по факту, что и так было очевидно, но и по назначению.

— И что теперь? — спросил я. — Она заберёт мою личность и возродится? Ты это планировал?

— Нет, — ответил Виктран, как мне показалось, даже с некоторой обидой. — Это было бы подло, знаешь ли, не говоря уже о том, что это невозможно. По моему плану ты должен был подчинить себе то, что от неё осталось, сделать своими её силу, знания и навыки. И ты точно не должен был попасть сюда. Но с тобой вечно всё идёт не по плану.

— И что теперь?

— Теперь?.. — Виктран вздохнул. — Теперь она тебя уничтожит. Утянет туда, где находится сама. Не из злобы, Кайара такого бы никому не пожелала, что бы с ней самой не произошло. Просто сейчас она этого не контролирует. Извини, Максим, но это конец. Я сожалею.

Туман возле меня вдруг сгустился и сплёлся в образ девушки в доспехах поверх платья. Длинные каштановые волосы убраны в высокий хвост. На вид тренированная, но не амбальша, утратившая женственность. И красивая, хотя сейчас впечатление конкретно портил пустой отсутствующий взгляд. Это если не считать меча, поднятого в высокой стойке параллельно земле и нацеленного остриём мне в грудь.

— Чёрта с два, — неожиданно для себя самого произнёс я и, встав вполоборота, поднял кулаки. — Это ещё только начало.

Сложно сказать, на что я рассчитывал. Да и, честно говоря, не помню, чтобы я строил планы или прикидывал какие-то шансы. Ими, шансами, то есть, там даже не пахло. Ну серьёзно, практически легендарная мечница, способная в одиночку покрошить множество авантюристов, против обалдую, ещё недавно получавшего на орехи от рядового монстра и буквально только что обнаружившего у себя класс. Развязка, право слово, выглядела малость очевидной. Так что я ни на что особо не надеялся. Просто у меня вдруг самозародилась мысль, что если я хотя бы не попробую потрепыхаться, то напрочь потеряю всяческое самоуважение. Не очень, правда, понятно, что бы я с ним делал в грозящих мне сумерках сознания, но об этом в тот момент мне как-то не подумалось. В бою вообще рефлексировать трудно, инстинкты мешают.

Именно они, взвыв обезумевшим парктроником, уберегли меня от первого выпада. Ладно, не только они — без полагавшейся по классу увёртливости я не успел бы ни качнуться вправо, уходя от молниеносного укола, ни присесть, пропуская над головой последовавший за этим горизонтальный рубящий. А вот удар сверху я честно просчитал сам, и уклонился от него вполне зряче. Сказался, видимо, опыт спаррингов с големом. Времени погордиться собой Кайара мне, впрочем, не дала, тут же повторив атаку и вернувшись в исходную стойку после коварного восходящего взмаха, что в теории должен был развалить меня снизу доверху. И так бы оно и произошло, если бы не включилось какое-то из моих классовых умений, переместившее меня на полторы длины меча назад. На что паладинша отреагировала зеркально — то есть, аналогичным умением, перенёсшим её ко мне за спину. Если бы я не оступись, потеряв с непривычки равновесие после своего мгновенного перемещения, и весьма неизящно шлёпнувшись на пятую точку, то мне бы представился редкий шанс посмотреть, как острие меча выходит у меня из груди. Вместо этого я увидел его над собой, во всю длину, в крайней точке выпада. И, по наитию хватанув клинок обеими руками чуть выше гарды, где он толком заточен не был, со всей своей немалой дури дёрнул его вперёд.

Нельзя сказать, что этот самодеятельный фехтовальный приём прошёл для меня полностью безнаказанно. Как минимум, в порядке мгновенной кармы я весьма чувствительно получил паладиншей по темечку. Что далеко не так забавно, как оно звучит, поскольку кираса, знаете ли, штука весьма твёрдая. Да и сама Кайара, едва успев шлёпнуться наземь, тут же начала пребольно лупить ребристыми коваными поножами мне по хребту. Тем не менее, несмотря на боль, всё это можно было назвать тактическим успехом. Правда, было не очень понятно, что теперь с ним делать.

— Поднимайся! Забьёт!

Виктрану легко было говорить — хотя то, что он решил вмешаться хотя бы с этим советом меня слегка обрадовало. Значит, не списал ещё, что при его-то опыте наводило на мысль о неких вполне реальных шансах выкрутиться. Однако, чтобы последовать его рекомендации, пришлось поднапрячься. Кайара изо всех сил упиралась и силилась высвободить меч, который я, в свою очередь, пытался не выпустить. Встать из такого положения было крайне непросто. Поменять же его, сменив заодно и хват, оказалось попросту страшновато. И если поначалу страх мотивировал и придавал лишних сил, то позже, когда мои мышцы начали деревенеть, он стал работать скорее в обратную сторону,

обратившись мерзким шёпотом в подсознании, вещавшем о бесполезности сопротивления.

Впрочем, я же находился внутри собственного сознания. Какие здесь, к чертям собачьим, мышцы? Кроме того, хозяин я в своей голове, или как?

Это несложное умозаключение придало мне достаточно сил, чтобы решиться перехватить меч поудобнее, развернувшись лицом к Кайаре, и всё-таки попробовать встать. Последнее далось намного легче, чем ожидалось — воительница, даже будучи не в сознании, никаких преимуществ от борьбы в партере для себя не видела, и потому поднялась сама, не вынуждая меня прилагать для этого лишние усилия. Ситуация, однако, всё равно оставалась патовой. Я держал волка за уши, вернее, пардон, паладиншу за меч, и выпускать по понятным причинам не рисковал. В сходном положении была и моя соперница. Уж не знаю, насколько она распознала во мне представителя мордобойного класса, но разоружаться девушка точно не спешила. В результате наше противостояние продолжилось, только теперь оно приобрело более киногеничные формы, лицом к лицу. Точнее, моей пыхтящей от напряжения мордой к её бесстрастной маске, на которой абсолютно не читалось хотя бы малейшего следа прикладываемых усилий. И хоть головой я понимал, что в дуэли, где сошлись в первую очередь наши сознания, ориентироваться на такое не стоит, но всё же где-то в глубине души это меня уязвляло. Как-никак, я был крупнее, и в чистой теории банальной силушки у меня должно было быть больше. Вот только моей сопернице об этом как будто забыли сообщить. Или она этого просто не поняла из-за своего состояния?

— Да очнись же ты!

Ничего особенного я от этой фразы не ожидал. Собственно, я даже не сразу сообразил, что произнёс её вслух — это было лишь судорожное эмоциональное продолжение моих отрывистых раздумий на тему засады, в которую я изволил угодить. Однако, именно она, похоже, что-то кардинально изменила. Во всяком случае, лицо Кайары, ни капли по сути не поменявшись, вдруг стало похоже непосредственно на лицо, а не на переднюю часть головы фарфоровой куклы, и её сопротивление, как мне показалось, немного ослабло. На что я отреагировал немного подло — резко дёрнул мечом из стороны в сторону, пытаясь стряхнуть свою визави с его рукояти. И это мне даже удалось. Ладони Кайары разжались, и она кубарем откатилась назад. Но тут же вскочила на ноги и уставилась на меня взглядом, в котором в равных долях встречались непонимание, настороженность, и вместе с ними — тень той механической сосредоточенности, что безраздельно владела ей ещё секунду назад. Атаковать она не спешила. Скорее за ней можно было заподозрить желание в принципе понять, что происходит.

Я тем временем перехватил меч за рукоять и поднял его перед собой. Прежде возможности как следует разглядеть его у меня не было, зато теперь, когда в битве вроде бы как наметилась пауза, я не смог отказать себе в удовольствии присмотреться к сему благородному воинскому инструменту. И, не могу отрицать, он был хорош. Довольно простой с виду, без особых декоративных излишеств, этот меч держался в руке, как влитой, и, видимо, благодаря прекрасному балансу, послушно отзывался на любое движение. Его вес, при этом, прекрасно ощущался, и впечатление производил весьма солидное. Однако, не было сомнений, что при необходимости этот увесистый клинок сможет и порхать бабочкой, и жалить пчелой, и прочим подобным метафорам самым наилучшим образом соответствовать. В общем, превосходный был меч. Вот только не возникало у меня того ощущения, что было в воспоминаниях Кайары, будто меч — продолжение руки и мало что не ещё одна часть тела. Не моё это было, не про мой класс. Отчего мне вдруг так досадно стало,

что я размахнулся как следует...

— Нет, стой!

... и, не успев среагировать на предупреждающий окрик Виктрана, запустил мечом куда-то в туман.

В чём конкретно я облажался, до меня дошло почти сразу. Практически за миллисекунду до того, как Кайара выставила руку в сторону, и улетающий меч вдруг изменил траекторию, стремясь вернуться к законной владелице. А ещё я понял, что огромный мешок с оправданиями, вроде «ну, непривычен я к этим джедайским штучкам», в случае возобновления драки никак меня не защитит, так что надо действовать, хоть как-то, и пусть по наитию, зато немедленно. Потому я послушался первой же мелькнувшей в голове мысли, и, моментально сократив дистанцию, обвил Кайару руками и прижал её к себе. Чем, похоже, опять её капитально завесил, поскольку, поймав меч, она так с ним и застыла. Не двигался и я, вновь совершенно не представляя, что теперь делать.

— Так-так, — сказал Виктран, обходя нас по кругу. — Должен признать, ты по меньшей мере везучий. Я думал, тебе не уцелеть. Но я рад, что ошибся.

— И я тоже за нас обоих очень рад, — не удержался я от сарказма. — Прямо ног под собой не чувствую от счастья, что мне всё-таки удалось не отбросить коньки и не стать овощем. А что ты палец о палец не ударил, дабы немного мне в этом посодействовать, так я же всё понимаю, наверняка опять какие-то ограничения, или там требования честной игры. Не так ли?

Вместо ответа Виктран выставил вперёд руку, как будто намереваясь похлопать Кайару по спине. Это ему, однако, не удалось — рука прошла и через девушку, и через меня, не встретив ни малейшего сопротивления и не вызвав абсолютно никаких ощущений.

— Мы в твоём сознании, — пояснил он. — Здесь у меня нет власти, и воздействовать я ни на что не могу. Зато можешь ты. И вместо того, чтобы со мной переговариваться, тебе бы лучше придумать, что именно. Вообще, тебе бы для начала не на меня обратить внимание.

Что же, в этом он был прав. Пусть Кайара и решила почему-то повременить с моей ликвидацией, в полном душевном здравии она сейчас явно не находилась, и уверенности, что она не возьмётся за старое, если её отпустить, у меня не было и быть не могло. Возникла, правда, идея, что ничего делать и не нужно. Вик правильно сказал — это же всё в моей голове. А раз так, то почему бы мне просто не прервать медитацию? Сосредоточиться на мысли, что на самом деле я не здесь, и, образно выражаясь, всплыть. Мысль была такой простой, что стало аж обидно, как она не пришла ко мне в голову раньше.

Вот только ничего из неё не получилось.

— Нет, это так не работает, — покачал головой Виктран, догадавшись, что я пытаюсь сделать. — Сейчас ты не сможешь очнуться, Кайара удерживает тебя. Это ведь и её сознание тоже. Я бы предположил, что тебе нужно одолеть её, чтобы вернуться. Последствия у этого, правда, будут непредсказуемы. Однако, лучше так, чем провести здесь остаток вечности.

— Логично, — нехотя согласился я. — Но как-то противно. Знаешь, как перерезать привязанную к тебе верёвку, на которой висит над пропастью другой человек. Вроде и есть резон, иначе упадёте оба. Но до последнего хочется без этого обойтись. Просто чтобы не проверять, каково оно будет — жить с этим.

Даже не знаю, с чего меня вдруг пробрало на такие пафосно-идеалистичные рассуждения. Может, от переизбытка излишне оригинальных впечатлений у меня понемногу начала ехать крыша. Или же это начали подтекать высокие паладинские идеалы моей

соседки по черепу. Но что бы это ни было, оно, судя по всему, ещё не успело полностью разесть мой мозг, и потому мне практически сразу сделалось крайне неловко. И от того, что я ляпнул, и от соболезнающей физиономии, что в ответ на мои излияния состроил Вик.

— Послушай... — начал было я, намереваясь высказать богоподобному всё, что я думаю о его мимических выкрутасах. И осёкся, когда совсем рядом вдруг зазвенел упавший на землю меч.

— Послушай, — повторил я уже совсем другим тоном, — а может такое быть, что она ещё здесь? Что её сознание не стёрло этим туманом? Такое возможно?

Виктран задумался.

— Не знаю, — сказал он настолько удивлённым тоном, что мне даже не захотелось нахамить в ответ. Богоподобный не рисовался и не испытывал меня, он правда не знал. И вполне искренне был этим поражён.

— Вообще, — поразмыслив, заговорил он, — туман как таковой сознанию не вредит. Скорее он высвобождает его. Переводит вошедшего на иной уровень существования. Однако, это очень специфичный опыт. Он смущает, шокирует, лишает всех прежних точек опоры. Это серьёзное испытание, даже если специально к нему у готовился и примерно представляешь, чего ждать. Если же испытать переход неподготовленным, то рассудок скорее всего не выдержит. Но из этого состояния ещё никто не возвращался. Потому я не знаю, гибнет сознание, оставляя после себя осколок, движимый последними сильными эмоциями, или же оно просто прячется. Точнее, я уже вижу, что верно скорее второе. Вопрос, вся ли там прежняя личность. Вот в этом я не уверен.

Действительно, вопрос был хороший. Кто сейчас находился в моих руках? Тень, почти полностью состоявшая из предсмертного ужаса и всё воспринимающая, как подлежащую уничтожению угрозу? Или женщина, чьих моральных качеств хватило на самопожертвование, просто слишком напуганная для адекватного восприятия действительности? Мне был приятнее второй вариант — по тому, что я успел увидеть в воспоминаниях Кайары, я успел её зауважать. Да и, кроме моих пожеланий, были причины предполагать именно это. Я мог заблуждаться с толкованием того, что видел, но сами по себе прорывы нормального человеческого поведения, что бы там за ними не стояло, были объективным фактом. Означало ли это наличие где-то там человека? Пожалуй, мне оставалось только рискнуть и проверить.

— Ты ведь меня слышишь, да? — произнёс я вполголоса. — Не бойся. Всё уже закончилось. Всё... Врать не буду, скорее оно «сложно» и «запутано», чем «хорошо». Но сейчас ничего тебе не угрожает. И я тебе не угрожаю. Я не желаю тебе никакого зла. Даже наоборот, я очень не против тебе помочь, ведь это и мне самому сильно поможет. Мы сейчас в одной лодке, и ты даже не представляешь, насколько. Я бы сам не представил, если бы мне о таком рассказали. То есть, допустил бы теоретически, наверное, но чтобы вообразить во всех красках... Ладно, извини, я забалтываюсь. Сейчас я отпущу тебя. Я доверяю тебе, и надеюсь, что ничего плохого ты мне не желаешь. Поверь и ты мне, хорошо?

Кайара не ответила, а считать какую-то невербалику, не видя её лица и осязая её сугубо через доспехи, мне что-то не удавалось. Но и тянуть время, учитывая, что я наговорил, мне было неправильно. Даже слова словами, с учётом брошенного ранее меча, сейчас была моя очередь делать жест доброй воли. Потому я осторожно развёл руки в стороны, медленно сделал шаг назад... И столкнулся с тем, что я, оказывается, не совсем корректно понимал ситуацию. Если точнее — смотрел на неё только со своей стороны.

Нет, паладинша не стала атаковать меня, даже наоборот. Она просто шагнула ко мне, обхватила руками и пристроила голову на плечо. То, что я её удерживал, Кайара, похоже, восприняла, как обнимашки — и, очевидно, её потребность в них пока была закрыта не полностью. Что меня в целом скорее устраивало — всяко не мордобой, да и барышня весьма симпатичная. Однако, это оказалось так неожиданно, что я малость опешил, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не стоять, как дурак, а хотя бы обнять девушку в ответ. И найти паникующим взглядом Виктрана — как раз чтобы увидеть, как он, ухмыляясь аки последняя сволочь, машет мне рукой и растворяется в воздухе. Что же, по крайней мере, это можно было трактовать, как отсутствие у богоподобного опасений за мою жизнь. Но дальше-то что? Нет, будь я немного большим гадёньшем, чем я есть, например, несколько более типичным книжным попаданцем, это было бы понятно и даже прямо очевидно. Вот только как человек, иногда всё-таки думающий головой, я осознавал, насколько неуместны сейчас будут какие-либо поползновения. Хотя, не буду строить из себя святого, на мгновение я о них подумал.

Зато следующая мысль была несколько более конструктивной. И в основе она имела несколько эгоцентричное, но всё-же не лишённое оснований предположение, что именно мои слова толкнули Кайару немного поменять поведение. А раз так, то, возможно, стоило продолжать говорить. Поддерживать контакт, который, в теории, должен был стать чем-то вроде нити Ариадны для её заблудшего сознания. И я заговорил. Для начала — представился. Затем в общих чертах обрисовал, кто я такой и в какой ситуации мы находимся. Потом, правда, поток моего красноречия малость прервался, поскольку новые темы для разговора запаздывали, а Кайара всё ещё не спешила как-то на мою болтовню реагировать. Однако, я вышел из положения, спев ей «Балладу о борьбе». В конце концов, попаданец я, или так, за хлебушком вышел? Сам я, правда, от этого несколько смутился, и потому вместо продолжения песенного фестивался принялся рассказывать ей истории — просто что в голову приходило, благо что память у меня неплохая, а всяческого медиа я за свою жизнь поглотил изрядно. И когда спустя весьма немалое время я добрался до рассказа, как Бог-Император угодил на Золотой Трон, это наконец-то произошло.

— Замолчи, — раздалось у меня возле уха мелодичное меццо-сопрано. — Я в сознании, и уже давно. Просто мне нужно собраться с силами, а ты очень много говоришь. Скоро мы отсюда уйдём, только помолчи немного.

Я с готовностью заткнулся, даром, что к тому моменту безостановочно трепаться малость подустал.

— И ещё, — Кайара прижалась ко мне ближе. — Спасибо тебе.

И вот, наконец, мы отправились в большой внешний мир.

Здесь самые внимательные из вас могут удивлённо воскликнуть:

— Макс, что за ерунда? Только что ты рассказывал, как вы впервые встретились с Кайарой у тебя в голове. Откуда вдруг внешний мир? Ты, часом, не пропустил ничего?

Что же, воскликнувшие будут абсолютно правы. Пропустил. Ровно одну декаду, если считать остаток того знаменательного дня, когда я отправился искать чужую память в своём сознании, а вернулся вместе с её, памяти, законной хозяйкой. Однако, в оправдание своё замечу, что там ничего выдающегося и не происходило. Немного тренировок, позволивших мне чуть лучше разобраться в моих классовых умениях. Самая базовая ликвидация моей безграмотности в части устройства этого мира. Ну, и потребность нам обоим немного освоиться. Уж поверьте, когда делишь своё сознание с кем-то, в особенности — противоположного пола, что-нибудь неловкое случается постоянно. Повезло ещё, что моей мозговой пассажирке хватило чувства такта никак на этом не концентрироваться. Однако, всё равно мне потребовалось определённое время, чтобы перестать тупить от смущения на ровном месте, плюс, щадя чувства Каи, привыкнуть в ответственные моменты отводить взгляд на что-то нейтральное. И тут уж, с вашего позволения, я воздержусь от подробностей. Хотя, нет, вру. От подробностей я воздержусь вне зависимости от вашего позволения, ибо нечего тут.

И да, чуть не забыл. Кроме всего перечисленного, напоследок Виктран впервые сказал хоть что-то определенное насчёт нашей миссии.

— Пока, — заявил он, — вам много знать и не нужно. Иначе, с вашими-то характерами, сразу броситесь этот вопрос решать раньше времени, и мало того, что пропадёте зря, так ещё и предупредите, кого не нужно. И не говорите, что не будете, я вас, всё-таки, именно по этому признаку и отбирал. Потому начните с малого. Вам в дальнейшем потребуются влияние и авторитет, вот их и заработайте. И да, я не имею в виду, что вам нужно добиться тёплого места на побегушках в каком-то клане. В дальнейшем вам потребуется изрядная свобода действий. Потому сами что-нибудь придумывайте.

То есть, нашей первой задачей был самый что ни на есть классический путь наверх, в лучших традициях всякого нормального попаданца. Прямо даже привычно — жаль только, что исключительно в теории, сиречь, по книжкам.

И вот... Ах, да, про большой внешний мир я уже говорил.

Стартовой точкой в нашем маршруте стала уютная просторная поляна посреди осеннего березняка, выглядевшего так знакомо, что аж захотелось запеть Безруковым. С характерным таким придыханием на слове «берёзы». Чего я, однако, сделать не мог, поскольку чуть раньше, при отправлении, успел достать Каю, фальшиво насвистывая «Покорение рая» Вангелиса, и сдуру пообещал ни к чему сегодня больше саундтрек не приделывать. Чем свалял ваньку, конечно. Однако, мужик, дав слово, его держит — тем более, когда от девушки, которой он это слово дал, всё едино нигде ни на секунду не спрятаться.

— *Килемарские равнины, северо-восточные локации,* — опознала местность Кая. — *Гадкий край.*

— *Ну уж сразу «гадкий»,* — возразил я, несколько обидевшись за почти родной ландшафт. — *По-моему, здесь вполне себе симпатично.*

— Да что там, даже красиво, — не стала спорить Кая. — И умиротворяюще. Ровно до того момента, пока не полезут големы. А они здесь особые. Не сильнее обычных, вроде, но ведут себя немного иначе. Этак с хитрецей. Засады очень любят. Могут ложным бегством в ловушку заманить. Да и орудуют уж больно слаженно, так, будто ими общий дух руководит. Те, кто на их уловки попадался, но выжил, здешние виды любить сразу перестают.

— Вот как? — я улыбнулся. — А у них есть чему поучиться.

— Будь серьёзнее, — Кая моего веселья не поняла, и потому не поддержала. — Их нельзя недооценивать.

Вот с этим я спорить не собирался. Хитрый и тактически грамотный противник вполне заслуживал того, чтобы отнестись к нему настороженно. Однако, это всё-таки были големы. Хитрость была не в них самих, а, выражаясь привычным мне языком, в их программе. Которой вполне можно было воспользоваться, если уловить её основные принципы.

Правда, я пока что в душе не представлял, как именно это можно сделать. Но о чём-то подобном мне до поры особо и думать не хотелось. После утомительной подготовки я наконец выбрался на волю. Неплохо экипированный — собирая нас в путь, Виктран не поскупился, хотя и совсем увешивать ценным барахлом не стал, чтобы мы не привлекали лишнего внимания. При мне были волшебные навыки и опытный инструктор, а впереди меня ждало удивительное приключение. И нет, последнее я сверх меры, конечно, не романтизировал. Чай не малолетняя бестолочь, чтобы совсем уж безалаберно отнестись к грядущим трудностям, тревогам и опасностям. Однако, прежде времени омрачать мыслями о них своё приподнятое настроение я тоже не считал нужным, рассудив, что это ещё точно успеется, а порадоваться впрок явно лишним не будет.

Судьба в этот раз оказалась вполне благосклонной к моим желаниям, и не стала помещать на пути каких-либо опасностей. Големов вокруг видно не было, притом, что окружавшее нас белое с золотом редколесье просматривалось достаточно далеко. Земля под ногами была достаточно твердой и ровной, чтобы по ней было приятно идти. Осень здесь оказалась мягкой, так что прохлада была вполне умеренной. В кронах деревьев, что почти не сдерживали тёплых солнечных лучей, беззаботно щебетали птицы, вокруг одуряюще пахло прелой листвой, а рюкзак с пожитками пока ещё несколько меня не тяготил. В общем, атмосфера была как в турпоходе. Единственное, что смазывало общее благостное впечатление, так это постоянный зудёж Кайары на тему бдительности и сосредоточенности. Который, наверное, всё же был необходим, мы же не в парке каком прогуливались. И не важно, что на этом этапе нашего пути он так и не пригодился.

Спустя минут двадцать неспешной прогулки впереди показалась граница локации — сплошная стена молочно-белого тумана, вздымавшаяся до самых небес и, как рассказывала Кая, уходившего под землю глубже, чем мог зарыться даже самый целеустремлённый крот. Такова была, если кроме наличия магии в принципе, ключевая особенность этого мира: он не был сплошным. Большую часть их планеты покрывал этот самый туман, в котором жизнь, в её привычном понимании, была невозможна. Она сохранилась только в локациях — отдельных свободных от тумана островках, раскиданных по всему миру. Обособленных — но не изолированных.

У самой границы тумана мы обнаружили сложенную из тёмно-серого камня приземистую усечённую пирамиду, увенчанную короной из восьми обелисков, окружавших антрацитово чёрный куб раза в полтора выше среднего человеческого роста. Портал. Пока

неактивный — он включался где-то раз в час, минут на пятнадцать, и за один раз — только в одну сторону, или на вход, или на выход. Ну, и не универсальный, чай не звёздные ворота какие. Только на смежную локацию, или, соответственно, из неё. Но и это вполне позволяло торговцам курсировать между обжитыми локациями, а авантюристам — прогуливаться по ещё не зачищенным, ради опыта, лута и славы.

— Ну что? — спросил я. — К цивилизации?

— Рано, — отозвалась Кая. — Авантюрист без добычи во всём чистом, взявшийся неведомо откуда, вызовет вопросы. И подозревать будут вещи намного приземлённее и гаже, чем оно есть на самом деле. Так что предлагаю сперва поохотиться.

— Ты же говорила, — припомнил я, — что это не самое удачное место.

— Зато на смежной локации слишком удачное, — пояснила паладинша. — Там других авантюристов пруд пруди, на собрата можем прямо у портала наткнуться. Здесь же у нас нет задачи поднять тебе уровень или набить сердечников на особняк с фонтаном, так что рисковать, надеюсь, ты не будешь.

Возражать я не стал. Всё-таки, и опасения Каи звучали вполне резонно, и навыки в деле, честно говоря, хотелось уже опробовать. То есть, под надзором Виктрана я успел сломать где-то с десятков големов, однако, те были ручные, специально для тренировок. От настоящих, надо полагать, они должны были отличаться, тем более от хитрованов конкретно с этой локации. Что же до несколько повышенного риска... Совать голову в самое пекло я как-то и не планировал, да и имелось у меня немного соображений по контрхитростям. Правда, с Кайарой я их не обсуждал. Счёл, что если я не хочу в нашем дуэте быть просто ходячим послушным туловищем, то надо и своим умом периодически обходиться. Тем более, что аж целый богоподобный изначально счёл его вполне пригодным к одиночному плаванию.

Отправляться на охоту прямо как есть, конечно же, не стоило. И нет, понятно, что монах, полагающийся в бою на кулаки, в непомерном количестве снаряги не нуждался. Однако, и с этим уточнением имелись вещи не только полезные, но и даже необходимые. Как минимум, доспех.

У меня он был несколько специфичный, мало похожий на какой-то реальный прототип. Что, впрочем, и было ожидаемо от такой экстравагантной штуки, как броня для боксёра. Наплечники и наручи в его составе выглядели солидно, поножи и набедренники — полегче, но тоже серьёзно. Перчатки были и вовсе крутыми, с основательной защитой для костяшек, посуровее иного кастета. А вот тело защищала только плотная куртка, внутрь которой скорее для приличия, нежели в порядке усиления, зашили пару тонковатых железяк. Шлем же и вовсе смотрелся смешно. Фактически, это была своего рода вариация на тему хатиганэ. То есть, повязки анимешного ниндзя, только доросшей до банданы и снабжённой, кроме налобной пластины, ещё одним сегментом, пошире, слегка прикрывавшим темя. Итого получался доспех, приспособленный к тому, чтобы активно лупить супостатов конечностями, на них же в случае острой необходимости принимать удары, но в идеале — уклоняться от них, дабы не испытывать лишней раз подчёркнуто хлипкую основную защиту. То есть, виноват, лёгкую, не мешающую обзору и не сковывающую движений. Хотя, это получалось, извините, однофигственно. Ну, и в целом, как по мне, выходило какое-то извращение. Но если его подобрали товарищи авторитетные и понимающие в местной специфике, то что же я, спорить буду?

Кроме доспеха из интересных штук нам достался амулет имевший, если выразаться

понятным языком, функцию радара. Штука не то, чтобы копеечная, но и не слишком дорогая, однако, другими авантюристами носимая редко. Причина была в том, что за те же средства можно было раздобыть себе что-нибудь более сердитое, на усиление там, на энергетический щит, или что-то вроде того. Таскать же на себе по несколько висюлек было нельзя, так как они в этом случае наводили друг на друга помехи. Зато на шее человека, хорошо умеющего с ним обращаться, это украшенье становилось просто зверски эффективным. По крайней мере, так утверждала Кая, которая и настояла на его наличии.

Кроме того, в наше снаряжение входил подсумок с пробирочками, по которым были разлиты всякие полезные зелья, и небольшой тряпичный рюкзачок для добычи, к которому сбоку крепились два факела со встроенным алхимическим поджигом. Основной же рюкзак я прикопал в куче листьев возле портала и разломил над ним специальную палочку, сделавшую его незримым — на всякий случай, мало ли мимо будет проходить какой-нибудь воришка.

И вот мы двинулись на охоту. Которая по началу как-то не заладилась, поскольку отыскать потенциальную добычу оказалось проблемой. То ли здесь ранее прошёл какой-то манчкин, под корень вырезавший всё, что могло принести хоть крупицу опыта, то ли у злобных магических конструкторов нашлось дело поинтереснее, вроде празднования дня убиения Джона Коннора. Или же это была одна из их хитростей, как опасалась Кая. В любом случае, погулять впустую нам пришлось изрядно, и пусть окружающая местность вполне себе радовала глаз, сейчас это как-то особо не утешало. Я уже готов был наполовину в шутку предложить вернуться к порталу, ибо под доспехом я упрел достаточно, чтобы сойти за помятого долгой дорогой странника. Но в этот момент удача нам наконец улыбнулась.

— *Трое*, — сообщила Кая, когда амулет малопонятным для меня образом задёргался. — *Прямо и чуть направо.*

Сделав себе зарубку в памяти, что неплохо будет приучить моего внутреннего штурмана объяснять направление по циферблату, я двинулся, куда было сказано. Никакого намёка на аж сразу трёх противников я там, правда, не видел. Однако, и причин не доверять Кае в таких вопросах у меня не было.

Светло-серый с жёлтыми вставками голем, вооружённый коротким копьём, выпрыгнул из-за берёзы с таким шумом, что это даже отдавало издевательством. У меня прямо аж зачесалось наглядно ему показать, к чему приводит настолько корявое исполнение атаки из засады. Однако, предупреждения о коварстве местных конструкторов не пропали даром, и вместо этого я активировал Поступь ветра. Или, как я сам это про себя называл, врубил форсаж, и на огромной скорости перенёсся затейнику за спину. Откуда и увидел другого голема, чья булава как раз пронеслась ровно там, где мгновение назад был мой затылок. Это немного скорректировало мои планы, и вместо того, чтобы как следует наподдать копейщику, я просто отшвырнул его в сторону, а основной удар, бронебойный с правой, адресовал новому участнику драки. В полной мере поставленных целей я этим не достиг, ибо паршивец успел закрыться щитом. Результат, однако, всё же можно было считать приемлемым: щит треснул и не в меру предприимчивый бидон кубарем укатился туда, откуда вылез.

— *Справа!* — раздался у меня в голове окрик Кайары. — *Рубящий сверху!*

От неожиданности я аж тут же без раздумий повиновался, и не глядя выставил блок в указанном направлении. Не напрасно, как оказалось — метившая мне в голову тяжеленная секира обрушилась вместо неё на правый наруч. Который, надо отдать ему должное,

выдержал. Но от боли у меня всё равно потемнело в глазах. Инстинктивно я ткнул левым кулаком туда, где должен был быть враг, и, когда почувствовал, что удар прошёл, от всей души добавил правой, тоже, по ощущениям, небезуспешно.

— *Уходи!*

Врубать форсаж, не видя, куда несёшься, было, признаюсь, боязно. Тем более — разворачиваться в процессе по ходу движения спиной, а лицом, соответственно, к предполагаемой угрозе. Однако, мне повезло, и ни в одну из берёз я не впечатался. А там и в глазах прояснилось. И я увидел, как копейщик, не смутившись провалом попытки меня подловить, осторожно подходит ближе, держа своё оружие наизготовку. А его собрат-дубинщик, — или как его назвать, «булавьер»? — выбирается из-за берёзок, потрепанный, с висящей плетью левой рукой, но решимости не растерявший.

Теперь, если Кая, конечно, не обсчиталась, время для всяких хитростей заканчивалось и наступала пора сойтись уже лоб в лоб, поставить наконец в этом бою точку. Или две точки, если посмотреть на ситуацию с моей стороны. Ну, ладно, полторы — тот, что с булавой, выглядел боепособным весьма ограниченно.

С копейщиком мы двинулись навстречу друг другу одновременно. Что в чистой теории было невыгодно скорее для меня, радиус атаки у кулака всё ж таки поменьше будет. Но передо мной и не стояло задачи опередить его. Даже наоборот. Я дождался, пока он атакует, увернулся, и, сократив дистанцию до минимума, вбил доспешную перчатку в лицевой щиток, отчего тот брызнул осколками во все стороны. А затем, оставшись один на один с последним противником, опробовал на нём один из своих навыков. Тот, который на самом деле звался Яростный Град, но про себя я его окрестил «ора-ора-ора». Заключался же он в том, чтобы практически похоронить противника под сплошной лавиной ударов.

— *Ну что, неплохо?* — спросил я чуть позже, уже выковыривая из павших врагов драгоценные сердечники.

— *Отвратительно,* — ответила Кая. — *Ты на трёх истуканов извёл столько же сил, сколько иной авантюрист тратит на половину локации. Для тебя охота, по факту, закончена. И то, если на обратном пути мы наткнёмся на пятерых таких, что ты будешь делать?*

— *Так зелье же есть,* — попытался оправдаться я. Но успехом моя жалобная попытка не увенчалась.

— *Зелье стоит, как десяток сердечников,* — отрезала Кая. — *Точнее, стоило при мне, сейчас наверняка дороже. Пойми, владеть даром и быть авантюристом — не одно и то же. Здесь, ты удивишься, наперёд думать надо. А чего не надо — так это рисоваться, тем более что меня ты впечатлишь лет через сорок самое меньшее, а никого другого я здесь что-то не заметила.*

А я ещё втайне радовался, что, сбежав выполнять миссию, отделаюсь от Виктрана. Преждевременно, как выяснилось — Кайара оказалась даже ещё ворчливее. Уж не знаю, на каких её учеников ранее рассчитывал богоподобный, как по мне, они бы все очень быстро разбежались.

— *Договорились,* — сказал я, движимый сугубо желанием оставить последнее слово за собой. — *Следующих семерых я отделаю в экономном режиме. Хотя, нет, лучше пятнадцать, с учётом инфляции и чтобы в плюсе остаться. Идёт? А-а-а, хотя постой!*

— *Что?* — спросила Кая. — *Ты решил всё-таки подойти к нашему делу без балагана?*

— *Ни в коем случае,* — ответил я. — *Приглядишься. Мне помнится, ты говорила, что*

бидонов было трое. Не объяснишь тогда, откуда взялся этот?

С ответом паладинша сразу не нашлась. Лишь уставилась моими глазами на очевидно лишний остов голема, выглядевший так, как будто его поело кислотой. Одно было очевидно, причём, даже мне: мы были здесь не одни.

Пялиться на растерзанного голема было утомительно, и в иных условиях я бы бросил это занятие ещё минут пять назад. Да что там «бы», я и попытался. Однако, после выволочки, что устроила мне Кайара, снова вернулся к дурацкому созерцанию деактивированного с особым цинизмом конструкта. Увы, таковы были издержки в остальном кажущегося забавным — заметьте, только кажущегося, — нахождения в моей голове постороннего пассажира. С которым, а точнее — с которой, у нас, как нетрудно догадаться, был только один комплект глаз, ныне целиком и полностью поставленный на службу далеко не мне.

— *Всё понятно, — наконец провозгласила Кая. — Можешь смотреть, куда хочешь.*

— *Великолепно, — отозвался я. — Только «всё» — это что? А то я за тебя рад, конечно, но вот мне понимания что-то недостаёт.*

— *Хорошо, что ты это осознаёшь, — не осталась в долгу моя пассажирка. — А по сути — я знаю приём, которым достали этого голема. Он достаточно редкий, и, говоря упрощённо, он мой. При этом, нанесён удар был немного неправильно, так, будто его выполнили без помощи навыка. И сам факт его применения говорит о том, что сделавший это авантюрист был один. Иначе так делать просто незачем. Ну, кроме варианта, что здесь был ещё один ты.*

— *Исключено, я такой один, — ответил я. — Ну, по крайней мере, в этом мире. Ты лучше скажи, что это означает? И, главное, почему это для нас важно?*

Кая задумалась. Я её, впрочем, с ответом не торопил. Веселее и безопаснее было подколоть её задним числом, ежели там окажется какая-то ерунда — и уж точно шутки окажутся неуместными, если там всё серьёзно.

— *Это означает, — промолчавшись, заговорила она, — что по локации ходит недоучка моей школы. Но для нас... Для нашей задачи это неважно.*

Не заметить здесь оговорку было сложновато.

— *Давай перефразирую, — предложил я. — В этом есть что-то, важное для тебя?*

— *Немного, — нехотя призналась Кая. — Тот, кто так выполняет Вороний Ключ, на этой локации может попасть в сложное положение. Ему здесь не место. Но вести тебя за ним...*

— *Понял, — перебил я её разъяснения. — Не надо себя мучить, пойдём найдём его. Выследить же сможешь?*

Выследить кого бы то ни было Кайара, как выяснилось, не могла, поскольку попросту не умела. Зато она вполне владела формальной логикой, так что оказалась способна к умозаключению, что, мол, по основам големов, каждый последующий из которых должен быть свежее предыдущего, мы и выйдем на коллегу-авантюриста. Меня, правда, немного озадачило, как же по виду разломанного конструкта можно определить его свежесть. Но всё оказалось очень просто: то, что я принял за последствия атаки кислотой, на самом деле было результатом естественного испарения останков деактивированного голема. Таким образом побеждённые бидоны возвращались к сердцу подземелья, имевшегося под каждой локацией, и в результате могли отреспауниться, не обижая Михаила Васильевича Ломоносова с его законом сохранения материи. Соответственно, какой огрызок маго-андроида выглядел целее, тот и был свежим. Элементарно.

Вот только на практике от всей этой этой простоты не осталось и того самого огрызка. Догадались, почему? Абсолютно верно: потому, что ползать по лесу в поисках очередного дохлого голема — это оказалось нечто до обидного близкое к попыткам обнаружить в стоге сена в тёмной комнате иголку, которую оттуда давно утащила чёрная кошка. Я успел раз десять пожалеть о том, что вздумал проявить понимание к паладинским рефлексам Кай, и был уже готов начать жалеть вслух. О чём впоследствии, конечно, пожалел бы ещё пуще, но то впоследствии. Однако, именно в тот момент, когда я уже настроился как следует высказаться, от каскада разнотипной жалости меня спас случай, волею которого кривая нас вывела к древней лестнице из выщербленного камня, уходившей под землю. А возле неё, чтобы мы вдруг не засомневались, на ярком пёстром ковре из опавшей листвы валялся, раскинув манипуляторы, наисвежайший големский жмур.

— *Что же,* — заметил я, — *по крайней мере, теперь мы знаем, где он.*

В ответ Кайара разразилась очень длинной тирадой, крайне доступно дававшей понять, где и в каких противоречащих анатомии позах она видела самонадеянных новичков, тупых неумех-иномирцев и необходимость совмещать первое со вторым в одной спасательной миссии. Я аж уважительно присвистнул.

— *А паладинам так можно?*

Кая ответила очень образно, и даже в рифму.

— *Не рекомендуется,* — спохватившись, пояснила она. — *Но учитывая, с чем мы иногда имеем дело, полностью не запрещается. И сейчас как раз такой случай. Что бы я не выбрала, это будет неправильно.*

Я задумался.

— *Что ты считаешь меня не готовым — это я понял,* — сказал я. — *А с этим заблудшим что? У тебя какой-то обет, помогать любому собрату-авантюристу? Насколько я в твоих воспоминаниях видел, вы же и между собой воюете.*

— *Воюем,* — мысленный голос Кайары заметно похолодел, и я понял, что сболтнул лишнего. — *Моя сторона, как ты мог заметить в моих воспоминаниях, проиграла. А этот болван... Долго объяснять, но у меня есть подозрение, что он из последних наших.*

— *Потому что использует твой коронный приём,* — догадался я. — *Ты ведь понимаешь, что это может ничего не значить?*

— *Как и то, что я не имею права тебя в это втягивать. Ладно, пойдём.*

— *Нет, погоди,* — я вытащил из подсумка пробирку с зельем, зубами выдернул пробку и залпом осушил содержимое. — *Вот теперь пойдём.*

— *Но зачем...*

— *Долго объяснять,* — отрезал я. И, упиваясь ощущением своей непомерной мужицкой крутости, зашагал по ступеням.

Внизу, как, собственно, и ожидалось от подземелья, было темно, так что мне пришлось занять левую руку факелом. Что, учитывая мой классовый способ боя, несколько нервировало. На будущее мне точно стоило что-то с этим решить. Интересно, существовало в этом мире нечто вроде левитирующего около владельца светящегося шарика? С таким мне уж точно было бы удобнее. Или, как компромиссный вариант, стоило научиться драться ногами. Правда, я понятия не имел, выйдет ли из этого что-нибудь. Здесь не было какого-то стабильного древа навыков, многие вещи, кроме самых базовых, приходилось выяснять научным тыком. Помочь могло бы наличие прецедента, знание, что был некогда монах, который предпочитал крушить супостатов именно пяткой. Я о таком, однако, не слышал, а

задавать Кае не строго актуальные вопросы после того, как я повывидывался, было бы тупо.

Факел, кстати говоря, светил неплохо, значительно ярче, чем банальная палка, обмотанная промасленной тряпкой. До нормального электрического фонарика он, однако, не дотягивал. Из-за этого толком насладиться видами моего первого подземелья мне не довелось. Лишь иногда где-то там в тени просматривались части стен, ничем особо не примечательные. То есть, поначалу они, конечно, производили впечатление седой древности, среди которой я пробирался, аки заправский Индиана Джонс. Но вскоре они примелькались, и первоначальный психологический эффект от них благополучно зачах.

Нет, был ещё повод для воодушевления и кроме киношных ассоциаций. Ведь прямо сейчас я проходил свой первый данж, становился самым настоящим авантюристом. Вот только и с этим поначалу было как-то тухло. Начального запала мне хватило где-то только на первые два зала и три коридора, после чего зародилось и стало постепенно крепнуть ощущение, что я не приключенец, исследующий подземелье, а бомж, шастающий по подвалу, даром что древнему и в силу этого художественно обработанному. Ибо ничего, кроме как ходить и смотреть, я там толком и не делал. К вящей радости Кайары, правоту которой мозгом-то я вполне себе признавал. Но это мозгом, сердце же моё в этот момент жаждало колошматить монстров, избегать чудом функционирующих ловушек и разгадывать головоломки, чтобы открыть дверь в сокровищницу. Без всех этих непрременных составляющих посещение подземелья казалось мне каким-то неполным и даже неправильным. Но увы. Ловушек и головоломок, как вещей скорее геймплейно оправданных, нежели реально осмысленных, сюда не завезли. Что до монстров... Формально они присутствовали, однако, фактически я к их битью безнадежно опоздал. Ибо представлены они были исключительно уже изрядно поднадоевшими мне остовами. Что, с одной стороны, указывало сразу на две положительные вещи: что мы идём в верном направлении, и что спасаемый нами падаван вполне вероятно жив и здоров, поскольку явно не промах. Вкупе с тем, что это означало нашу безопасность, получалось даже неплохо. Однако, постоянно быть начеку утомляло. Расслабляться, конечно, всё едино было неправильно, но слишком уж долгая концентрация просила выхода, например, в том, чтобы дать в бубен хотя бы одному случайно пропущенному нашим коллегой големчику.

Не зря говорят «бойтесь своих желаний».

Коридор, которым мы шли, вдруг завернул налево, влившись в весьма обширный зал с колоннами, общие размеры которого оценить было затруднительно, поскольку света факела на это не хватало. Его точная площадь, однако, равно как предполагаемое изначальное предназначение и наличие фресок на потолке, волновала меня сейчас в самую последнюю очередь, ибо я объективно прогневил высшие силы — и нет, я не про Виктрана сотоварищи, — своим детским желанием поприключаться.

Големы здесь объективно присутствовали. Сходу я насчитал семерых — и это были только те, кого я видел. Сколько же их ещё здесь было в темноте, оставалось только догадываться.

— *Не беги,* — услышал я в своей голове мыслеголос Кайары. — *Они не отстанут до самого портала, а ты выдохнешься раньше.*

Не то, чтобы я собирался, конечно — и личная храбрость здесь была не при чём, скорее я просто застыл на месте от глубочайшего офонарения. Но совет был резонным. Тем более, что, заметив меня, големы не кинулись тут же в атаку, а, подняв оружие, стали не спеша ко мне подбираться, на ходу формируя что-то вроде боевой формации. И впрямь,

сообразительные здесь были бидоны, не банальная монстрятина с её безусловной и бестолковой агрессией.

— *Нам ведь свет понадобится?* — на всякий случай уточнил я, вытягивая из-за спины второй факел и зажигая его от первого.

— *Да,* — попусту тратить слова в сложившейся обстановке Кая точно не собиралась.

— *Ну и отлично.*

Сказав, а вернее, подумав это, я запустил оба факела перед собой, и тут же на форсаже сорвался с места. И, на эмоциях, наверное, вложил в это немного больше сил, чем рассчитывал, поскольку первый голем, стоявший прямо напротив меня, не успел даже дёрнуться, прежде чем я прямым правой разнёс ему голову. Зато среагировали его соседи по строю, тут же попытавшись взять меня в клещи. Вот только меня там уже не было. Перенёсшись влево, я менее мощным, но всё равно увесистым джебом по щиту отбросил одного из бидонов назад, тут же правым хуком упокоил его слишком уж удачно подвернувшегося товарища — и снова умчался на другой фланг.

— *Чистишь,* — заметила Кая, когда двойкой в корпус отправил в робо-преисподнюю очередного голема, замахнувшегося на меня алебардой. — *Экономь силы.*

— *Ещё разок,* — ответил я, умчавшись к несколько более крупному экземпляру с кистенём и использовав на нём «ора-ора-ора», прежде чем он успел пустить в ход своё страшное оружие. Затем так же быстро отскочил назад и принял классическую боксёрскую стойку. — *Вот теперь хватит.*

И тут же приставным шагом ушёл от удара секирой, прямо на ходу врезав нападавшему противнику туда, где у человека было бы ухо. На этот раз — без навыка, если, конечно, не считать классовой пассивки, по умолчанию делавшей из обычной офисной планктонины грозного кулачного бойца. Потому голем и остался на ходу, лишь отшатнулся и на время потерялся в пространстве. Тут бы его и добить, но увы, на это не было времени — пришлось срочно уходить от атаки двуручным кривым клинком и, развернувшись, двойкой в лицевой щиток предупреждать попытку отоварить меня булавой.

Хоть по тому, как я начал бой, заподозрить это было сложно, но вообще, когда Кая отчитала меня за злоупотребление навыками, я её понял с первого раза, и отнёсся к услышанному со всей серьёзностью. Поскольку да, я человек, и мне свойственно время от времени ошибаться. Но при всём признании своего несовершенства, я всё же предпочитаю, чтобы в сходных ситуациях мои ошибки каждый раз были разные. Потому я не стал поддаваться импульсивному желанию на испуге выдать максимум самых мощных атак за минимальное время — чем оно может быть чревато, до меня уже дошло. Я это сделал умышленно, и ровно в том объёме, которого требовал мой план на эту битву. Не шибко сложный и далеко не хитрый, времени придумать что-то этакое у меня всё равно не было. Просто мне было жизненно необходимо в первую очередь сломать големам строй, коим в ином очень противном случае они бы меня без затей задавили. И заодно, чтобы два раза не вставать, быстро вывести из игры тех противников, которых я, глянув на их вооружение, счёл наиболее проблемными. Собственно, всё. Дальше я собирался последовать заветам Мухаммеда Али, то есть, порхать как бабочка, жалить как пчела и надеяться, что враги рано или поздно закончатся. Разумеется, всё это в границах двух пересекающихся освещённых кругов от лежавших на полу факелов — которые, круги, в смысле, вместе образовывали фигуру, удивительно похожую на то, что мне непременно должно было настать, если бы моя тактика не сработала. И оно, должен заметить, чуть не настало.

Нет, какое-то время я вполне себе успешно крутился ужом в пределах светового контура задницы и лихо раздавал удары во все стороны, успев ряды своих противников даже ещё немного проредить. Но я недооценил их количество. Как бы я не старался, боеспособных бидонов в зале оставалось порядочно, и, что было самым паршивым, они начали ко мне приспособливаться. Пробовать уклоняться, подлавливать меня в момент атаки, даже провоцировать на неё, заранее подготовив контрмеры. Пока получалось у них не очень, но с каждым следующим заходом мне становилось всё сложнее. Увы, я не оказался настолько непредсказуемым, как надеялся, и, насмотревшись на мои действия, неведомая координирующая фигня, направлявшая действия големов, стала намного лучше меня просчитывать.

Наконец я попался. Голем с жутковатого вида двуручной саблей, вроде бы неповоротливый, от которого я ранее шутя ушёл, начал очередную атаку прежде, чем я смог переключить на него внимание. В результате, я не успевал уже ничего, ни снова увернуться, ни подставить наруч, ни ударить самому, ни активировать навык и смыться. Ни-че-го. Разве что осознать, что всё, приплыли.

Как вдруг откуда не возьмись...

Нет, серьёзно, я в душе не представлял, откуда между нами вдруг нарисовалась эта фигура в тёмном плаще с капюшоном. Не иначе, соткалась из воздуха, поскольку долю секунды назад её там объективно не было. Я даже успел подумать, что это за мной смерть явилась, и удивиться, чего это она ко мне спиной и с мечом вместо косы. Прямо удивительно, как быстро могут мелькать мысли, когда готовишься сыграть в ящик. «Смерть» же тем временем парировала предназначавшийся мне удар, прямо из блока ткнула мечом вниз, вскрывая корпус голема, и в следующий же миг исчезла, будто её здесь и не было. Мне же пришлось сделать над собой усилие, чтобы подобрать челюсть и вернуться в покуда ещё не закончившийся бой, дабы не обесценить только что произошедшее чудо. С этим мне невероятно повезло — я едва успел сунуть кулаком в морду уже занёсшего надо мной меч голема.

— *Вороний Клюв!* — закричала у меня в голове Кайара, и от неожиданности я вложил в дежурный левый хук силу навыка, отчего бок несчастного бидона разлетелся тучей осколков. — *Мы нашли его! Но странно, он не того класса, что я думала.*

— *Ништяк,* — раздражённо ответил я, подныривая под удар булавой и контратакуя апперкотом. — *Кая, ты не видишь, что я занят?! Потом расскажешь.*

— *Кая?* — удивлённо переспросила девушка, и я сообразил, что впервые назвал её так в разговоре. Развивать эту мысль я, впрочем, не стал — всё же, мне и впрямь было не до того.

Хотя, должен признать, стало полегче. Да, мне по-прежнему требовалось постоянно двигаться и орудовать кулаками в ритме молотилки. Однако, единожды проявив себя, таинственный незнакомец уже не стал понапрасну скромничать. То и дело он появлялся среди големов, выдавал фехтовальный этюд — и вновь скрывался в тених, оставляя после себя хотя бы одного распотрошённого конструкта.

Наконец, настал момент, когда, расколотив очередного бидона, я обернулся — и увидел, как мой неожиданный союзник рубит последнего. Раздался короткий скрежет, с глухим стуком упал на пол покорёженный голем и стало тихо.

— Локрин, — вдруг сказал незнакомец.

— Что? — не понял я.

— Зовут меня так.

— Максим, — представился я в ответ. — Там, кстати, ещё идут. Не скажу, сколько и как далеко, но амулет дёргается ощутимо. У тебя приёмов на такой случай никаких нет? А то, извини, я почти на нуле.

— Приём есть, — ответил Локрин. — Можно сказать, мой коронный. Сматываемся!

Слова с делом у него не разошлись, и, подобрав один из факелов, он весьма бодро помчал на выход. И я совершенно не нашёл причин, чтобы не последовать его примеру.

Знаете, как это бывает? Идёшь такой в прежде незнакомое место, старательно ориентиры примечаешь, да много думаешь, в основном на тему не пропустил ли уже нужный поворот. И из-за этого путь субъективно кажется каким-то ну очень долгим. Зато когда, уже зная маршрут, возвращаешься, то же расстояние преодолевается, по ощущениям, намного быстрее. Вот сейчас так и вышло. Правда, это можно объяснить и без игр восприятия, банально тем, что к выходу из подземелья мы неслись, как угорелые. Но факт есть факт — очень скоро впереди забрезжил дневной свет. К которому мы и устремились со страшной силой.

Пулей взлетев по ступеням, Локрин развернулся и, воткнув меч в землю, вытащил откуда-то из-под плаща небольшой арбалет. Что заставило меня немного занервничать и, уходя с линии обстрела, пренебречь половиной лестницы, навыворот рванув сразу на ограждавший её парапет. Однако, споро зарядив свою стрелялку, мой попутчик вовсе не стал направлять её на меня, а вместо этого прицелился вниз, в темноту, которую мы только что покинули.

— А говорил, что на нуле, — заметил он.

— Говорил, что почти на нуле, — поправил я. — Вдруг сзади бы голем копьём ткнул?

— Ясно, — судя по тону, моё наскоро придуманное объяснение всерьёз воспринято не было. — Я уж было подумал, что это из-за рассказней про мой класс. А теперь помолчим-ка.

Военного прошлого у меня за спиной, конечно, не было, однако, приходилось мне где-то читать, что если соратник вдруг просит тишины, то отнестись к этому следует со всей серьёзностью. Потому я не стал ни препираться, ни любопытствовать, почему молчим. Вопросы, правда, у меня имелись. Но мне было кому их задать, причём, что самое удобное, не раскрывая рта.

— *Кая, а что за класс?* — мысленно поинтересовался я. — *И что у него за репутация такая?*

— *Сначала ответ: ты зачем моё имя обкорнал?* — отозвалась паладинша. — *И второй раз уже. Мы по-твоему настолько близки?*

— *Ближе не бывает, вообще-то,* — не удержался я от остроты. — *Но если тебе так не нравится, то извини, больше не буду.*

— *Да не то, чтобы не нравилось...* — задумчиво протянула Кайара, и тут же осеклась. — *В общем, твой новый знакомый — или налётчик, или ассасин. Скорее первое, но с точки зрения репутации разницы почти нет. Ничего удивительного в том, чтобы подозревать коварство и подлость в тех, чьи навыки к тому лучше всего приспособлены.*

— *И справедливо подозревают?*

— *А все ли монахи замкнуты и нелюдимы?*

Здесь я с уверенностью мог бы сказать, что как минимум один известный мне монах совершенно точно не такой. Впрочем, и назвать меня типичным представителем своего класса было бы излишне смелым утверждением — как минимум, других коллег я ещё не встречал, да и сам формировался, как личность, ничего о своём классе не зная. Это, пожалуй, и было ответом на мой вопрос. Причём, ответом замечательным, сподвигающим к размышлениям и вытекающему из них в перспективе личностному росту. Даже жаль, что здесь и сейчас он, при всех своих достоинствах, был абсолютно бесполезен.

— Не увязались, — насмотревшись в пустоту, наконец констатировал Локрин. И затем, убрав стрелу, принялся осторожно снимать тетиву с боевого взвода.

— Думаешь, не пригодится? — спросил я. Всё-таки, големы бродили здесь и вне подземелья, и как по мне, иметь под рукой что-то стреляющее было бы не лишним.

— Ага, — ответил не то налётчик, не то ассасин. — Тратить на бродячих зачарованные болты — жирновато будет, а с обычными эта игрушка годна только от диких кур отбиваться. И кстати, спасибо, что выручил.

— Да мы в расчёте, — пожал я плечами. Всё-таки, вспоминая ход битвы, можно ещё было задаться вопросом, кто кого больше спас. И вариант «поровну» скорее был компромиссным для моего самолюбия, нежели отражающим действительность. — Ты скажи лучше, зачем тебя сюда понесло?

— Долгая история, — отмахнулся Локрин, складывая дуги своей противокуриной игрушки и убирая её обратно под плащ. И, откинув капюшон, посмотрел на небо. — Впрочем до темноты в Каррег мы уже не успеем. Так что если тебе по пути, то, как лагерем встанем, могу рассказать.

Только сейчас у меня появилась возможность нормально его разглядеть. Совсем молодой ещё, года двадцать два максимум, и то больше из-за усов и короткой бородки, без которых он и вовсе смотрелся бы сущим щеглом. Взгляд, правда, был для этого возраста непривычно серьёзный. Впрочем, это в нашем безопасном мире мальчишки могли позволить себе не взрослеть по самый кризис среднего возраста, здесь же, в магическом псевдосредневековье, такой роскоши не просматривалось. А в Локрине всё равно нельзя было заподозрить моложавого мужика под тридцать — не полностью изжитая детская ещё мягкость черт выдавала его с головой.

— Я его знаю, — вдруг сказала Кайара. — *Выглядит старше, конечно, но и времени прошло немало.*

И вот тут мне ну очень сильно помог тот факт, что мысль от природы изрядно быстрее слова будет. Иначе мне пришлось бы несуразно долго отмалчиваться, изображая задумчивость, пока паладинша делилась воспоминаниями. А так вышла всего-то чуть затянутая театральная пауза.

— Скажи-ка для начала, — наконец прервал я молчание, — ты где Вороний Клюв выучил?

Парень вдруг посмотрел на меня с немалой подозрительностью и как бы невзначай положил ладонь на рукоять своего полуторника.

— А тебе зачем? — холодно и с отчётливо читавшимся вызовом спросил он.

— Затем, — ответил я, припомнив, что ранее говорила об этом Кая, — что ты выполняешь его немного неправильно. Как будто без навыка.

— С другим навыком, — сердито поправил меня Локрин. — Я налётчик, правильный навык мне недоступен. Но ты-то откуда это знаешь?

— Я скажу, — пообещал я, чисто чтобы потянуть время и успеть что-нибудь придумать. — Но сначала ответ на последний вопрос: для чего? Почему ты его всё же используешь?

— В память о человеке, которого я когда-то знал, — ответил налётчик. — И на которого я стремлюсь походить. А теперь говори, откуда тебе всё это известно?

— Оттуда, что ты — Локрин из Тунны, — сказал я. — Ребёнком ты попытался убежать из дома вслед за одной паладиншей, которой потом пришлось тебя с приключениями

возвращать обратно. Вот она мне всё это и рассказала.

Услышав это, Локрин посмотрел на меня так, как будто увидел одновременно и привидение, и настоящего живого Деда Мороза. В его взгляде равными долями читались недоверие, изумление, испуг и восторг, приправленные сверху ещё чем-то глубоко личным, что я сходу не опознал, но нашёл весьма похожим на прямо-таки религиозное поклонение.

— Ты знал Молниеносную Кайару? — благоговейным полушёпотом произнёс он.

— Весьма близко, — усмехнулся я. И, увидев, как Локрин смутился каким-то своим мыслям, добавил, — В некотором смысле, она мой учитель. Хотя, при первой встрече мне пришлось с ней сражаться. Но это, как и у тебя, длинная история. Может, пойдём отсюда?

Историю молодой налётчик явно был бы не прочь услышать прямо сейчас, во всяком случае, по лицу это читалось вполне конкретно. Но способность рассуждать здраво он всё же не утратил, а для долгих разговоров здесь очевидно было не время и не место. Правда, и о чём-то другом говорить он не спешил, видимо, чтобы не расплескать предвкушение от моего грядущего рассказа, так что к порталу мы шли почти в полном молчании, лишь изредка перекидываясь общими фразами.

Зато Молниеносную прорвало.

— *Максим!* — интонации её мыслеголоса были таковы, что мне захотелось с паническими воплями сбежать из собственного мозга. — *Ты зачем это сделал, сволочь?! Во что ты его собрался втянуть?*

— *Так-так-так, полегче!* — попытался я её успокоить. — *Он мальчик большой, втягиваться во что не надо умеет уже глубоко самостоятельно, ты сама видела. Я просто создал повод, чтобы и за ним присмотреть, и чтобы на наш счёт он глупостей не делал. Репутация класса, всё-таки, а он твой знакомый, не мой. Да и, как ты раньше верно заметила, времени прошло немало, люди меняются.*

— *Не заговаривай мне зубы,* — успокаиваться Кайара не пожелала. — *Ты, прикрываясь моим именем, влезает к парню в доверие, лжёшь ему, чтобы использовать в своих интересах. Это отвратительно!*

Вообще, это было не совсем так, формально я не солгал ни в едином слове. Правда, от подобной казуистики паладинша скорее всего разъярилась бы пуще прежнего, потому ответить ей следовало иначе.

— *Ты про которые из моих интересов?* — спросил я. — *Про те, которые на самом деле Виктрана, или про что-то другое?*

Вообще, меня тянуло припомнить ей, чьё беспокойство в принципе привело нас в подземелье. Вот только после того, как я сам же настоял на том, чтобы туда спуститься, это смотрелось бы так себе, а совесть у меня, вы удивитесь, всё же имеется. Да и Кайара, похоже, сама всё поняла, и попытки устроить мне разнос прекратила.

— *Ладно,* — сказала она уже спокойнее. — *Что ты собираешься делать дальше?*

Вот этого я и сам пока не знал. Попадать в эту ситуацию я изначально не планировал. Да что там, я в принципе ничего не планировал и в более глобальном смысле — информации у меня всё ещё хватало сугубо на то, чтобы катиться валиком в направлении, смутно намеченном чужими затеями. Любая же самодеятельность, прямо как сейчас, приводила к поворотам, которые я пока не мог просчитать и предсказать. Вот и что я мог делать в такой обстановке?

— *Выкручиваться,* — ответил я на оба вопроса сразу. — *И постараться рассказать меньше, чем сам услышу.*

До портала мы добрались без особых приключений. Немудрено, собственно — возникать прямо из воздуха големы всё же не умели, расходясь по окрестностям из родного подземелья, а там мы их поголовье несколько проредили. Вот и вышло, что в пути на нас напали лишь единожды, да и то, так слабо, что получившаяся драка особо подробного описания и не заслуживала. Ну, какие, в самом деле, подробности, если там всё закончилось за два удара мечом и один апперкот? Больше же нас и не тревожили.

Чернокаменную площадку, которую и увенчивал портал, големы стабильно избегали, и даже будто не видели, что на ней кто-то есть. Потому, собственно, она всегда и становилась местом отдыха по умолчанию для пасущихся на локации авантюристов. Здесь можно было, не беспокоясь о монстрах, перекусить, подлечить раны и даже вздремнуть. Или, если позволял контингент, устроить что-то вроде выезда на шашлыки, с душевными разговорами, песнями и бурдючком-другим вина. Правда, после такого порой обнаруживалось, что вчерашние собутыльники ещё засветло куда-то умотали, прихватив на память что-нибудь из добычи или снаряжения. Подобное поведение, разумеется, всячески порицалось и почиталось признаком падения авантюриста на самое что ни на есть моральное дно. Которое, тем не менее, оказалось на удивление населённым, ибо крали всё равно стабильно. Собственно, потому, кроме массы прочих причин, одиночные авантюристы и были редкостью: если колотить големов в одиночку ещё представлялось более-менее возможным, то всю ночь неусыпно сторожить своё добро делалось уже необязательным экстримом.

Если же у портала пересекались одиночки, как вот в нашем случае, то им, согласно неписанным правилам, следовало сформировать группу, а попытки увильнуть от этого были равносильны признанию в дурных намерениях.

Группа же в этом мире была несколько большим, чем просто общностью людей, решивших действовать заодно. И не в каком-то там пафосном смысле, мол, боевое братство и всё такое. Сформировать группу здесь было навыком, что создавал между людьми особую паранормальную связь. Люди, состоящие в одной группе, всегда знали, где точно находятся товарищи, и не могли нанести друг другу урона. Просто не получалось, хоть навыками, хоть как. Плюс, выйти из группы можно было только по обоюдному согласию. Что вообще могло привести к эксцессам — ещё когда Виктран рассказывал об этом, мне в голову пришло сразу несколько способов подгадать ближнему через этот механизм, и богоподобный подтвердил, что все они отдельными негодьями время от времени используются. Но достоинства этого инструмента всё равно с запасом перекрывали риск возможной подлянки.

Для того, чтобы объединиться в группу, достаточно было только активировать навык при рукопожатии. Никаких клятв, песен, плясок и прочих ритуальных действий, что, безусловно, было плюсом. Минусом было то, что срабатывал этот навык непомерно долго, так что приходилось стоять с вытянутой рукой и скучать. Говорить при этом тоже было нельзя — весь прогресс в запуске навыка тут же сбрасывался. А вот мысленный диалог процессу никак не мешал, так что у химер, типа меня с Каей, имелось преимущество. Коим мы без зазрения совести и воспользовались, не без удовольствия побеседовав на отвлечённые темы.

Локрину, понятно, было сложнее, и потому сразу, как группа сформировалась и мы извлекли из тайников рюкзаки да принялись разбивать лагерь, он начал разговор. На очевидную тему, которая сейчас больше всего занимала его мысли — про нас с Каей. Где и когда познакомились, при каких обстоятельствах, какие у нас совместные дела были и всё

такое. Я счёл наиболее разумным придерживаться уже использованной тактики — то есть, не врать, но и не откровенничать. Пересеклись волею Виктрана — и неважно, что здесь это не оборот речи, а самая что ни на есть буквальная конкретика. Вместе прошли немало боёв — ну да, с тренировочными големами. При известных подвигах не присутствовал, всё-таки, где я был тогда, и где Кайара. То есть опять же буквально «где был» — когда Молниеносная приключалась, я жил себе спокойно в родном мире и в ус не дул. Красочных подробностей я при этом избегал, зато время от времени упоминал малоизвестные мелкие детали, целиком и полностью достоверные, поскольку самой же Каей на ходу подсказанные, но ни на что в рассказе толком не влиявшие. В общем, я старался произвести впечатление человека, который и впрямь был знаком с легендарной авантюристкой, но кичиться этим не пытается. И пока вроде бы получалось, даже без последствий. По крайней мере, так было, пока Локрин не задал один вопрос.

— Теперь тебе перчатки докучают, наверное? Они ко всем лезут, кто с пернатыми водился, ко мне вот тоже, хотя сколько мне тогда лет было.

Сначала я ничего не понял. Потом чуть подумал — и снова ничего не понял. А затем Кайара всё-таки снизошла до объяснений.

— *Перчатки — это клан «Железная рука». У них латная перчатка на эмблеме. А пернатые — это «Ястребы», мой клан. Мы враждовали, и победили они. То, что ты видел в моих воспоминаниях — это был бой при Малаксе, наш окончательный разгром. Но как дело сейчас обстоит, я не подскажу, здесь попробуй сам аккуратно вызнать.*

То есть, мне предстояло сдержать своё слово насчёт «выкручиваться». Причём, экспромтом.

— Там, где я находился после Малаксы и до сего момента, их не было, — сказал я. — Сильно давят?

— Спрашиваешь! — ответил Локрин. — Я потому здесь и охочусь, что разрешения на локации поудобнее мне никто давать не намерен. И то, за каждый сердечник им отчитываться обязан. Тут уже к тебе вопрос, как попасть в края, где их нет.

— Вот этого я сказать, прости, не могу, — я покачал головой. — Это не только меня касается. Но, если что, охоты там тоже нет.

Локрин понимающе поднял ладони и расспросы прекратил. Что он при этом подумал, конечно, осталось неизвестным, но, похоже, у меня были основания понадеяться на вариант, где во мне не ищут подвоха. Правда, его начал искать я сам. Не в себе, понятное дело, и не в своём новом товарище, который повода к этому объективно не предоставил. Скорее в ситуации в целом. Поскольку вероятность случайно наткнуться на прежнего знакомого Кайары большой не казалась, даже с поправкой на местные площадь свободного пространства и численность населения. Значит, это «ж-ж-ж» было явно неспроста. А это приводило к выводам, некоторые вещи в которых мне не нравились.

— *Кажется, я знаю, в чём наша первая задача,* — мысленно произнёс я.

— *Кажется, я тоже,* — ответила Кая. — *Но давай ты скажешь первым.*

— *Как угодно,* — не стал я спорить. — *Виктран ожидает, что мы возьмём реванш. Закроем твой гештальт. Проще говоря, бросим вызов твоим прежним врагам и победим.*

— *Согласна, очень похоже на то,* — сказала Кая. — *Я тоже об этом подумала. Но мне кажется, тебя в этом что-то смущает.*

— *Да,* — ответил я. — *Безальтернативность. Не прими на свой счёт, но я пока слишком мало об этом знаю, и не могу с уверенностью сказать, что правой была именно*

твоя сторона. Выступить, однако, я могу только на ней. Пойми правильно, это для вас, местных, всё может быть однозначно, но я-то не отсюда. Это была не моя война. Так что...

— Довольно, — холодно перебила меня Кайара. — Я всё поняла.

— Кая, — попробовал я объясниться, — я не...

— Молчи, — паладинша безжалостно пресекла мои попытки вставить слово. — Говорю же, я всё поняла. Ты не испугался, как я могла бы подумать, тебя просто действительно это беспокоит. И не буду врать, что меня это не задело, но вообще желание разобраться скорее говорит о тебе хорошо. Только оно может привести к тому, что я не смогу убедить тебя в своей правоте, потому в какой-то момент ты сделаешь выбор, который мне не понравится. И, Максим, я очень боюсь этого.

Здесь я поспорить не мог: такая перспектива была бы ужасной. Но развеять эти страхи мне было нечем.

Сразу с утра идти в новое место и что-то там делать после вечернего разговора с Кайарой мне показалось неправильным. Нет, я совершенно не жалел, что поднял этот вопрос, и не думал, что сделал это преждевременно. Есть вещи, которые лучше озвучивать сразу, чтобы потом в критический момент они не создали непредвиденных проблем.

Нет, с другой точки зрения, о таких вещах иногда благоразумно и помолчать, пока не выяснишь каких-то подробностей. Это, однако, был явно не мой случай. Такой вариант идеален, когда ты сторонний наблюдатель, подталкиваемый окружением к тому, что надо же за кого-то болеть. Мне же предстояло быть скорее игроком, чем болельщиком, а это здорово меняло акценты.

Но, как бы там ни было, развеяться явно стоило. К тому же, степень потрепанности моей сбруи ещё не в полной мере соответствовала нашей легенде, а наполненность рюкзака лутом не выглядела приличной для уважающего себя приключенца. Потому, поразмыслив, я предложил Локрину ещё поохотиться. Идея эта налётчику очень понравилась — он, собственно, и сам хотел такое предложить. Однако, он внёс в неё дополнение, предложив лупить големов не абы где, а в том самом подземелье, где мы встретились. И вот это уже абсолютно не вызвало восторга у Каи. Пришлось убеждать её, что ожидаемые плюсы от этого предприятия превышают возможные риски. Причём, делать это, не упоминая истинных причин, сподвигших меня такое затеять — откровенность, конечно, дело хорошее, но сейчас её избыток мог всё испортить. Потому это оказалось крайне непростым делом. Однако мне всё же удалось уговорить паладиншу, заверив её, что с Локрином мы отлично сработаемся, действовать будем аккуратно и прагматично, и моментально ретируемся, если она вдруг сочтёт ситуацию опасной. С такими условиями она согласилась, хоть и не безоговорочно — потребовав, чтобы я заранее согласовал с сопартийцем такую тактику, которую она сочтёт подходящей.

Из-за этого первая фаза охоты в описании получилась прямо даже скучной. Не по сути — нам как раз зевать было некогда, да и не тянуло как-то. Просто она свелась к почти полному повторению одних и тех же действий, раз за разом, без малейших отклонений от шаблона. Ударил, убежал, посмотрел, как Локрин выскакивает из теней и рубит преследователя. Потом то же самое со следующим големом. И со следующим. Одно слово — конвейер, который вполне себе лихо крутился, уводя нас вглубь подземелья. Но всё вдруг закончилось, когда Кайара сообщила абсолютно безжизненным голосом, что мы всё-таки допрыгались.

— Кажется, мы влипли, — пересказал я её речь Локрину. — Если верить амулету, путь назад перекрыт. И их там много.

— Сильно много? — налётчик нахмурился. — Мы можем, наверное, повернуть то же, что в первый раз. Да, риск, но тогда получилось.

— Прости, сейчас не выйдет, — я покачал головой. — Сейчас их больше, и они нас ждут. Прорвать строй не получится, они там в несколько линий. Твои навыки тоже не помогут — плотно расположились, не прошмыгнуть, хоть в тенях, хоть как. Одно радует — просто стоят, к нам не торопятся. Хотя, радует ли? Вечно здесь сидеть мы не можем.

— Ждут, пока ядро призовет столько же новых, — пробормотал Локрин. — И тогда нас просто раздавят с двух сторон. Эта дрянь учится. Вот дерьмо...

Увы, характеристика была точной. Ядро подземелья сделало выводы из нашего прошлого захода, и на этот раз шансов уцелеть нам давать не собиралось. Если подумать, это даже было немного лестно, что оно сочло нас достаточной угрозой для применения настолько масштабной ловушки, вот только радоваться этому как-то совсем не тянуло.

— *Кая... Кайара, ты была права, —* подумал я. — *Не стоило сюда лезть. Я полный идиот, прости меня. И если есть хотя бы какой-то способ выбраться, умоляю, подскажи мне его.*

Паладинша молчала столько, что я успел подумать, будто она в принципе больше не собирается со мной разговаривать, до самого конца, который должен был наступить уже очень скоро. Ибо смысл? Однако, она всё же ответила.

— *Да, ты самонадеянный кретин, —* сказала она. — *Что же до способа — не знаю. Оставаться живым подольше и внимательно смотреть по сторонам, чтобы не упустить возможность. Лучшее этого я тебе сейчас ничего не подскажу.*

То есть, положиться на случай и попытаться не проморгать шанс. Звучало, конечно, здраво. Только такой подход требовал какого-то несусветного не то самообладания, не то фатализма. Прямо зависть брала к какому-нибудь стереотипному фанатичному викингу. Такому, который со святой убеждённостью, что оба варианта разрешения ситуации, в принципе, позитивные: или в живые легенды, что великолепно, или в Вальхаллу, что тоже хорошо.

Хотя, нет. Такой бы с воплями ринулся в последний бой прямо на поджидающих его супостатов, рассчитывая исключительно на то, чтобы накрошить их побольше, прежде чем ему таки снесут его буйный пищеприёмник. Уважать это при определённых условиях — да пожалуйста, но для себя мне подобного что-то не хотелось, так что и завидовать было нечему. И вообще, мелькнула у меня мысль, чтобы собраться в кучу и придумать, как спастись, отваги порой нужно побольше, чем для непрямого самоубийства об врага. Вот только её надо было где-то наскрести, а с этим, не постыжусь признаться, в тот момент были огромные проблемы. Тем не менее, я попытался.

— Так, — преувеличенно бодро произнёс я. — В лоб на прорыв мы, конечно, не пойдём. Но тогда надо придумать что-нибудь. Даром, немного времени есть. Нам ещё повезло, что они почему-то стрелков не используют. Не знаю, почему именно, но тогда им и ждать не понадобится бы.

Налётчик вдруг крайне удивлённо посмотрел на меня.

— Что ты сейчас сказал?

— Что надо что-то придумать? — не понимая, к чему клонит мой соратник, я развёл руками. — Что времени мало, но оно есть?

— Нет-нет-нет, — затараторил Локрин, и в его тоне мне послышалось что-то похожее на озарение. — Про стрелков. Ты их вообще здесь видел? Я вот нет. Почему, как думаешь?

На этот счёт у меня не было ни малейшей идеи. Почему? Да потому, что у местного ядра доктрина такая. Запрограммировала его так какая-то неизвестная сволочь в незапамятные времена. Здешние големы, как утверждала Кайара, вообще были со странностями, тут уж одной больше, одной меньше. Налётчик, однако, выглядел так, как будто понял что-то очень важное.

— Так, ладно, — сказал он. — Объяснять долго, но если я прав, то нам нужно спешить. Доверишься мне?

Я молча кивнул. Чего бы не довериться, всё равно вариантов получше не было.

— Прекрасно, — Локрин улыбнулся. — Тогда смотри. Прорываться мы всё-таки будем. Но не назад, а вперёд, к ядру. И задерживаться будет нельзя. Ты готов?

Переть буром дальше под землю, на следующие уровни, к монстрам посуровее? Нет, конечно, я к такому готов не был. Эта затея мне в принципе казалась безумной, а её смысла я в упор не понимал. И потому мне в сложившейся ситуации оставалось сделать только одно: нагло соврать.

— Готов, — я невесело усмехнулся. — На прорыв, прорываемся везде.

— Везде не надо, — ответил Локрин. — За мной!

И мы двинулись дальше. Не сказал бы, что от принятого решения в нашем образе действия что-то кардинально поменялось, он всё же и так был рассчитан на ликвидацию големов без лишних проволочек. Просто из алгоритма, которого мы придерживались, пропал самый длительный шаг — сбор лута. Что в иной ситуации было бы весьма досадно, вот только сейчас у нас были совсем другие приоритеты, с неуместной жадностью ни коим образом не совместимые. Но вместе с тем не приходилось сомневаться, что вскоре нам предстояло отойти от этого шаблона. Как бы хорош он ни был, совсем универсальных тактик всё же не бывает, а нынешняя к затеянной магическим псевдо-интеллектом пакости подходила не в полной мере.

Это произошло в конце первого уровня, в довольно обширном зале с провалом уходящей вниз лестницы посередине. Именно его местный колдунский Скайнет логично определил под накопительный пункт для молота, что должен был размазать пару незадачливых авантюристов о перекрывающую выход наковальню. И, что я опять же не мог не заметить, нас эта штука оценила очень даже высоко. Иначе смысл выстраивать по наши души аж целую многослойную стену щитов? На наше счастье — пока незаконченную, хотя в полутьме с единственным факелом в глаза это не бросалось.

Впрочем, вопрос освещения Локрин тут же и решил, причём, весьма радикально. Вернее сказать, он решил заодно и его, когда, на секунду остановившись, стрельнул из своего микро-арбалета. И когда взвести успел? В общем, болт оказался зажигательно-разрывным, или типа того. Во всяком случае, шарахнуло знатно, и в стороны брызнуло нереалистично рыжее пламя. Правда, эффекта от магической бабахалки я всё же ожидал более внушительного. Взрывом уложило только одного голема, видимо, того самого, что словил прямое попадание. Ещё троих раскидало и, судя по всему, помяло в разной степени. Прочих же только несколько подкоптило, что, наверное, какой-то урон им нанесло, но существенно на их действиях не сказалось. Однако, стало посветлее. И, конечно, в големском строю возникла брешь, в которую я, отбросив факел, тут же и врубился. Изображать какое-то подобие правильного бокса я на этот раз даже не пытался, просто лупил навыками, куда придётся, даром что промазать в толпе было нереально. И такой варварский подход вполне себя оправдал. Големы разлетались в стороны, нередко — по частям, попросту не успевая меня атаковать. На мгновение меня даже захватило ощущение собственной нешутливой могучести, и в голове моей мелькнула мысль, что я вполне в силах всю эту толпу здесь же и перебить. Но мысленный окрик Кайары вернул меня к реальности.

— *Не увлекайся!*

Отбросив морок, я заметил, что пока ещё целые бидоны пробуют перегруппироваться, чтобы вполне себе грамотно взять меня в клещи. Чуть поодаль же, у самой лестницы, Локрин рубился в почти полном окружении, не имея возможности врезать в полную силу из-за горящего факела в левой руке. Пора было выручать его и выходить уже из боя, не

дожидаясь, пока големы очухаются окончательно. Что я и сделал, атаковав его противников со спины. Налётчик же, пользуясь возможностью, во весь дух рванул вниз по лестнице, напоследок крикнув, чтобы я следовал за ним. Два раза приглашать меня не потребовалось, и, отправив очередного голема в полёт так, чтобы он зацепил побольше товарищей, я побежал на свет весьма резво удалявшегося факела.

Что стоило заметить, бегать Локрин был горазд, и чтобы нагнать его, мне пришлось дать короткий рывок на форсаже. Из-за которого я едва не пропустил момент, когда мой сопартиец вдруг резко свернул в сторону, а затем ещё и ещё выбирая маршрут в окружавшем нас лабиринте как будто бы наугад. Или даже без «как будто», что в перспективе было конкретно чревато риском заблудиться. Но лучше так, чем дать себя догнать, конечно же. К тому моменту я уже поостыл и в полной мере осознал, что смылись мы очень вовремя. Впрочем, даже если бы и не понял сам — Кайара не пожалела добрых слов, чтобы доступно объяснить мне, что бы с нами случилось, задержись мы на первом уровне ещё хоть на мгновение.

— *Чисто для справки,* — прервал я её возмущённую тираду, когда отдельные фразеологизмы в ней уже начали повторяться, — *а сколько здесь уровней-то?*

— *Конкретно здесь я не была,* — ответила Кая. — *Но обычно их четыре.*

Я весьма кратко и ёмко выразил сомнения, что ещё на три таких захода мне хватит сил.

— *Не так всё плохо,* — мыслеголос паладинши смягчился. — *Ядро не может плодить големов до бесконечности, да и разбитых восстанавливает не мгновенно. Если не задерживаться, таких толп мы уже не встретим. По пути туда, по крайней мере.*

— *Меня несказанно радует, что ты задумываешься о пути обратно,* — саркастично заметил я. — *Кстати, у тебя нет догадок насчёт смысла этой затеи в принципе?*

— *Так он очевиден,* — сказала Кая. — *Локрин хочет изъять ядро. Големы от такого не отключатся, зато сильно поглупеют и перестанут воспроизводиться. И охота на этой локации закончится навсегда, но тут понятно, что своя жизнь дороже, а так появляется шанс. Единственное, я не поняла, с чего он решил, будто вы это вдвоём сможете повернуть, ядро же всегда под особой охраной. Сама жду с интересом, что там окажется.*

Что же, сказанное вполне придавало смысл нашему забегу. Ещё прихлопнуть бы зловредного сомневательного червяка, проедавшего ходы в моей решимости разумным, увы, опасением, что гипотеза Локрина, в чём бы она не заключалась, окажется ерундой.

— *Ты похоже, уже не злишься,* — перевёл я тему, чтобы лишний раз не подкармливать червя.

— *Ошибаешься,* — ответила Кайара. — *Просто не настолько, чтобы желать тебе смерти.*

Такое заявление утешало, конечно. Впрочем, занимать свои мысли грядущей головомойкой я пока особо не стал — до этого сначала ещё дожить требовалось.

Прогноз Кайары тем временем вполне оправдался: у лестницы на третий уровень обнаружилось всего восемь големов, слонявшихся по залу без какого-то особенного строя. Вернее, виноват, честнее сказать не «слонявшихся», а «патрулировавших». Не то, чтобы это делало какую-то разницу, всё едино они были там совсем не в том количестве, которое мы не могли бы вдвоём шустро переколотить, избавляя себя от новой погони. Однако, точность, как известно, есть вежливость королей.

Третий же уровень и вовсе как будто вымер. То есть, понятно, что местные основные

силы мы оставили позади, однако на втором нет-нет, да и встречались одинокие бидоны, служившие, насколько я понял, чем-то вроде глаз и ушей управляющего ядра. А здесь не было и этих. Что, мягко выражаясь, настораживало. И не одного меня.

— Так, да ладно! — резко остановившись, выпалил Локрин и протянул мне факел. — Подожди-ка здесь.

Сказав это, он зашагал вперёд и скрылся в тенях, ещё не успев выйти за пределы освещённого круга. Смотрелось жутковато, честно говоря, так, словно я имел дело с привидением. Впрочем, то я, а абorigены, поди, при встрече с реальным призраком начали бы его класс прикидывать.

— *Все на четвёртом ждут,* — сказала Кайара. — *Прямо перед ядром. Оно вас просчитало, и теперь пытается защититься.*

— *Может, тогда не стоило его отпускать?* — спросил я. — *Подождал бы, пока ты амулет слушаешь.*

— *Это не амулет, он дотуда не достаёт,* — ответила паладинша. — *Просто догадка. Но я почти уверена, что всё так и есть. А Локрину сходить всё равно полезно. Если на рожон не полезет, то его и не заметят. И даже если бы я по амулету их нашла, понять, какие и в каком порядке там големы собрались, по его дрожи всё равно невозможно. Это только своими глазами увидеть.*

— *Звучит, как проблема,* — заметил я. — *Но говоришь ты об этом спокойно.*

— *Было бы лучше, если бы я билась в истерике?* — поинтересовалась Кая. — *Или, может, ты ожидал, что всё получится без большой драки? Лучше приготовься. И сил можешь не жалеть, всё равно, если здесь не выйдет, то второго шанса уже не будет.*

Утешало это как-то слабо, прямо-таки даже никак. Впрочем, может, так было и надо? И я сейчас был полезнее не утешенный, а лупящий во все стороны, как в последний раз? Ну, или никакого подтекста здесь не было. Только мне такой вариант нравился меньше всего. В критической ситуации хочется всё-таки верить, что хоть кто-нибудь знает, как надо поступить, иначе становится грустно и боязно.

Вскоре вернулся Локрин.

— Есть две новости, — сходу заявил он.

— Хорошая и плохая?

— Обе отличные, — налётчик улыбнулся. — Первая: я догадался правильно. Ядро здесь дефективное. Оно не может создавать стрелков, тем более не может магов, а про стражей я вообще молчу. Только солдат, и штурмовиков ещё, примерно одного на сотню. Видимо, оттуда и все эти ухищрения, то ли Древние пожалели его выбрасывать и донастроили, то ли само за века научилось, тут уж не знаю. В любом случае, охраняют ядро только низшие типы. Ну а вторая новость — они все там.

— Всё равно не понимаю, — я нахмурился. — Пусть низшие, но толпой-то они всё равно опасны. Там же, подозреваю, не толпа, здешнее ядро уже показывало, что умеет организовывать своих истуканов. Извини, но твой план оно, кажется, просчитало.

— Верно, — ухмылка Локрина стала до омерзения хитрой. — Оно здесь понятливое, вот и догадалось, что я задумал. И это в точности то, на что я рассчитывал.

Глава 8

План Локрина держался на трёх чёрных китах в темнющем океане, в котором оных китов, вполне возможно, ещё и вовсе не было. То есть, они вполне могли там оказаться, если рассуждали в точности так, как себе это представлял хитроумный налётчик, но заранее удостовериться, насколько оно соответствовало действительности, было нельзя.

Первым китом, то есть, предположением, было то, что две группы големов, заблокировавшие выход из подземелья и зал с ядром соответственно, вряд ли двинутся в силах тяжких по наши души. Время играло на них, ведь, в отличие от нас, спать или есть им было не нужно, а проскочить незамеченными мы никак не могли. Так что даже наоборот, начав массово прочёсывать данж, бидоны тем самым подарили бы нам шанс вырваться.

Под вторым номером шла мысль, что собственное благополучие для ядра имеет достаточно высокий приоритет. Конечно, глупо было бы очеловечивать магический искусственный интеллект, приписывая ему переживания за целостность своей шкуры, но смысл в принципе был тот же.

Наконец, третьим китом был лично я. Точнее, мои предполагаемые способности к пространственному мышлению, которые должны были позволить мне выстроить голове топографию части данжа, потратив на это строго ограниченное время. Впрочем, у меня была подсказка — будучи в одной группе с Локрином, я точно знал, где он находится, а отсюда уже было не так трудно мысленно достроить общую картину.

И согласно ей я сейчас находился аккурат над ядром подземелья, отделённый от него лишь каменным перекрытием и метром-другим свободного пространства. Там, где мне сейчас быть и следовало — по крайней мере, по плану, в более глобальном смысле у меня на этот счёт некоторые сомнения всё же присутствовали. Они, впрочем, здесь и сейчас значения не имели. Как-никак, у меня было очень важное дело, пусть внешне и отдававшее преизрядной дуркой.

Времени на детальное изучение выщербленного временем пола третьего уровня у меня особо не было, так что, решив, что вот эта вот точка на стыке двух каменных плит вполне себе подойдёт, я взялся за дело. То есть, от всей души врезал по полу самым пробойным из своих навыков. В воздух поднялись и эффектным кольцом разлетелись в стороны клубы вековой пыли, однако, кроме этого анимешного спецэффекта никакого осмысленного результата на полу не проявилось. Его и не ожидалось, собственно — очевидно было, что если уж подземная конструкция, далеко не сводящаяся тупо к погребу, в относительной сохранности простояла века, то строили её явно на совесть. Уж явно не так, чтобы мимохожий пассажир, пусть и с навыками, мог бы здесь всё запросто разломать. Так что, не мучаясь лишней рефлексией, я продолжил бить, постепенно наращивая темп. Как водится, упорство без награды не осталось, и вскоре на полу появились первые трещины. А уровнем ниже, на что мне очень хотелось надеяться, с потолка посыпались крошки. Что, собственно, и было моей основной целью. Не производить же здесь и в самом деле перепланировку? Это было бы как минимум против здравого смысла.

Вот только «здравый смысл» — это понятие человеческое, производное от интеллекта естественного, произрастающего в социуме. А для интеллекта искусственного, социума себе подобных в глаза не выдавшего, всё иначе. Пусть он даже вместо электронных компонент на всякой паранормальной ерунде собран, назначение-то сходное, значит, и логика похожа. А

она здесь была проста: есть угроза — надо устранить. Или, если конкретнее: какой-то дурак ломится сверху — надо отправить к нему делегацию, чтобы раз и навсегда отучить безобразничать.

Локрин рассчитывал именно на это. Если называть вещи своими именами — на отвлекающий манёвр, который заставил бы големов придти в движение, тем самым ослабив защищавшую ядро группировку. Дальнейшее же зависело от того, сколько бидонов покинет строй. Это если не считать вопроса, поведётся ли магический мозг на такое в принципе. А для того, чтобы это сработало, несанкционированный демонтаж требовалось изобразить очень натуралистично, не филоня и не жалея сил.

Вот я их и не жалел, так что спустя некоторое время и одну склянку с зельем в полу образовался-таки симпатичный кратер, покрытый изнутри сеточкой разнокалиберных трещин. Если не знать, сколько сил мне пришлось на него потратить, можно было даже назвать это неплохим результатом. Ну, то есть, если представить, что я и впрямь собирался проломить пол.

Впрочем, вскоре стал очевиден и промежуточный успех в достижении основной цели. Вестницей же его стала, как легко догадаться, Кая, сообщившая, что к нам идут.

— *Отлично!* — обрадовался я, наконец отрываясь от своего занятия. — *Сколько и откуда?*

— *Нам хватит,* — тон Кайары вдруг сделался мрачным. — *И если вкратце, то отовсюду. Нас отрезали.*

Где-то с секунду я молча постоял, переваривая услышанное, затем издал сдавленное междометие, созвучное с одним из обозначений продажного человека — и вновь принялся лупить по полу, удвоив и темп, и силу.

— *Серьёзно?* — удивилась Кая. Я не ответил — как бы, занят был, и настолько что даже думать было особо некогда. Но так — да, это было серьёзно. Я просто из всех вариантов выбрал тот, в котором шансы на выживание не были нулевыми.

Очень скоро однообразная долбёжка стала мне надоедать, да и руки, даже с поправкой на навык, уже несколько подустали. И тогда я заорал. Чисто чтобы накрутить себя психологически, поскольку останавливаться сейчас уж точно было нельзя. Не к месту мелькнула мысль, что теперь я уж точно выгляжу, как анимешный персонаж — но надолго она не задержалась, будучи вытесненной всё тем же ором. Своих рук я почти не видел, каменные осколки летели во все стороны, будто шрапнель. Сознание моё при этом было пустым, как кухонный разговор о политике, и лишь изредка в него прорывались предупреждающие окрики Каи, что враги уже близко, уже в одном зале с нами, уже заносят оружие...

Пол не выдержал, когда я боковым зрением уже видел ноги стоящего рядом голема. Уж не знаю, как это вышло — или у меня на стрессе случился прилив сил, или мне невероятно повезло угодить в какой-то пропущенный строителями дефект. Как бы там ни было, я провалился, и, мгновение побыв в невесомости, грохнулся на точно такой же каменный пол, что только что был мной изувечен. Да ещё и сверху камнем по плечу получил, прямо как будто при падении недостаточно ударился. Это я, впрочем, несправедлив — камень мог оказаться не один, кроме того, он мог угодить мне по голове или по позвоночнику. С фатальными, разумеется, последствиями, прямо как у бидонов вокруг меня, как раз камнепадом и побитых. В общем, мне ещё повезло, грех было жаловаться. Правда, конкретно в тот момент на все эти разумные умозаключения мне было решительно наплевать.

Вот до чего мне дело было в достаточной степени, чтобы отвлечься от жалости к себе, так это до окружающей обстановки. А то как-то обидно было бы, спасшись от одной напасти, тут же быть мимоходом зарезанным. Движимый такими вот мотивами, я наскоро оглянулся.

С первого взгляда было ясно, что хотя бы комнатой я не ошибся. Ядро было здесь. Оно левитировало на вершине приземистой уменьшенной копии зиккурата в ореоле каких-то мистических энергий и щедро источало мягкий зеленоватый свет. Кстати, я изначально ожидал, что оно будет всё же покрупнее теннисного мяча. Но и разочарования на этот счёт не испытал, мелкое — ну и пусть, тем проще стащить. Что, стоило заметить, сейчас было особенно актуально. Ядро не было здесь единственным источником света. По ту сторону зиккурата травянистое сияние было щедро разбавлено уже знакомым мне рыжим пламенем от зажигательного болта. И там же в обилии сустились големы, меж которых то и дело возникала фигура в плаще, лихо размахивавшая полуторником.

Со всей очевидностью, план сработал далеко не в полной мере, и прорваться к ядру Локрин так и не успел. Поправка: и не успевал. Как бы здорово он не отбивался, големы всё же довольно успешно оттесняли его подальше от своего начальства, и предпосылок к изменению такой динамики я навскидку не обнаружил. Кроме одной, которой сам же и являлся. Потому я собрался было включить форсаж по направлению к ядру...

И не смог. Только что исполненный акт вандализма не прошёл для меня даром, так что теперь я был на нуле. Причём, неслабо побитый и посреди сражения. Последнее тут же проявилось, когда лишь своевременный предупреждающий крик Кайары позволил мне с грехом пополам увернуться от падавшего сверху клинка.

Откатившись в сторону, я подхватил с пола меч придавленного камнем голема и вскочил на ноги. От кулаков сейчас особого толку не было, а в фехтовании я хотя бы успел немного поупражняться, прежде чем открыл в себе класс. Эта практика меня и выручила, когда бидон попробовал достать меня вторым ударом, но напоролся на вполне качественно поставленный блок. После которого я, решив не закапывать себя в глухой обороне, от локтя рубанул наискось. И даже сам удивился, когда удар прошёл. Но тут проявилась разница между битъём конструкторов с навыками и без оных. Человеку после такого добавки уже явно бы не потребовалось, однако, голем лишь отшатнулся, отделавшись глубокой, но не летальной царапиной на корпусе. Следующий же мой удар металлическая сволочь уже вполне успешно отразила.

Досадно было до жути. Но отвлекаться на свои печали я сейчас попросту не имел права, и потому обрушил на голема серию быстрых ударов, стремясь не столько достать его, сколько помешать ударить в ответ. Это мне, в целом, удалось, не иначе, этот бидон со мной свалился и головой ударился. Только я был явно не в том состоянии, чтобы долго вывозить настолько интенсивную рубку, так что очень скоро мои руки начали деревенеть.

— *Слева в голову,* — вдруг подсказала мне Кая. — *Сейчас!*

Я с готовностью повиновался, хоть для этого из того положения, в котором я был, мне и пришлось особо хитро вывернуться. Но оно того стоило — удар снова прошёл. И снова голем отказался подышать, лишь качнулся сильнее прежнего. Отчего я уже конкретно психанул и пинком отправил его на пол. После чего сорвал с пояса последнее зелье, зубами выдернул пробку и залпом осушил всю пробирку. Голем попробовал воспользоваться тем, что я не спешу его добивать, и, подскочив на ноги, бросился в атаку. Но было уже поздно. Выпустив из рук меч, я качнулся в сторону, уходя от выпада, и правым хуком упокоил конструктора

окончательно.

Накатившее на меня состояние можно было, сильно преуменьшив, назвать эйфорическим. Мои силы снова были со мной, и от этого я ощущал себя буквально королём мира. Даже не так — я был в восторге, что выгрыз их, сам, без всяких там бонусов. Я заслужил эти силы, стал их подлинным хозяином по праву завоевателя. И теперь мне не терпелось применить их по ещё многочисленным врагам. Однако, прежде нужно было закончить одно важное дело.

Переместившись ветровой поступью на вершину зиккурата, я схватился за ядро, и, преодолев сопротивление окружавшего его поля, сдёрнул чёртов мячик с постамента. Зелёное сияние тут же угасло, и бывшие в зале големы застыли. Лишь на долю секунды, по истечению которой они снова ринулись в бой. Но теперь с координацией их атак стало совсем плохо. Её, можно сказать, больше и не было. Бестолковые бидоны просто лезли толпой, наплевав на тактику и активно мешая друг другу. Увидев это, я расхохотался. Без суеты убрал дезактивированное ядро в рюкзак. И лишь затем бросился в бой.

Даже без чуткого управления, осуществлявшегося мудрым каменным шариком, големы драться умели. Но теперь они были автономны, так что, как минимум, не могли узнать, где меня видели их товарищи. Именно потому мне удалось застать их врасплох, и, бодро орудуя кулаками, пробиться через толпу к Локрину. Тот вблизи выглядел немного помятым и сильно утомлённым. Однако, голова у него ещё варила, и подстроиться под появление союзника он смог. А дальше, извините, вышло пафосно. Мы встали спиной к спине, аки герои какого-нибудь боевика, и принялись методично перемалывать лезущие на нас вражеские орды.

Ладно, насчёт орд — это я загнул. Боеспособных големов в зале ядра на тот момент оставалась примерно дюжина. По шесть штук на брата. Или, учитывая, что из воинства бидоны стали просто толпой, по шесть ударов с каждого. Немудрено, что закончились они очень быстро. Признаюсь, мне как-то даже показалось мало. Однако, это уже была явно придурь, так что зародившегося во мне боевого маньяка я усилием воли выключил.

— Ну ты даёшь! — выдохнул Локрин. — Видал разных авантюристов, с навыками и посерьёзнее, даже намного. Но кого-то настолько отмороженного в первый раз вижу.

— Придержи комплименты, — ответил я. — Скоро ещё полезут.

Налётчик посмотрел на меня, как на идиота.

— Эй-эй! — дурачась, воскликнул он, и помахал ладонью у меня перед глазами. — Остынь, герой! Никто никуда не ползет, ты же ядро забрал!

Я смутился и у меня возникли вопросы. Задавать их Локрину, однако, не стоило — всё-таки для него я был вроде как старшим товарищем, и демонстрировать ему своё невежество к хорошим идеям явно не относилось. Тем более, что для такого у меня специальный адресат имелся.

— *Кайара, подскажи, пожалуйста,* — взмолился я. — *Ядро ядром, но они ведь всё ещё активные? В смысле, ходят и дерутся, как раньше, только оступели малость. Или я не понимаю чего-то?*

— *Так они все приказы забыли,* — ответила паладинша. — *Сейчас просто разбредутся по подземелью, и всё. Сюда если случайно и зайдут случайно, то один-два, проблемы это не составит.*

— Да, — сказал я вслух. — Это меня занесло что-то, не отошёл ещё.

— Да немудрено, — Локрин похлопал меня по плечу. — Давай теперь, что-ли, добычу

соберём, что она зря валяется. И кстати, спасибо. Ты крут.

— *Вот здесь согласна,* — добавила Кая. — *Это было сильно, и, если быть честной, одним лишь везением я это не объясню. Но, прошу, постарайся такого больше не повторять. Не доводи до ситуаций, когда это... Ох, прости. Ты совершил невероятное, а я тебя отчитываю. Так неправильно, я сожалею, что сказала это сейчас.*

— *Кайара...* — начал было я, но она меня перебила.

— *Кая. Для тебя — Кая.*

Я аж сбился с мысли от удивления. Однако, затем сообразил, что разрешение так её называть Молниеносная могла дать мне просто из резко напавшего чувства вины, под влиянием порыва, и не стоило искать здесь чего-то иного. Как, впрочем, не стоило теперь и отказываться от дарованной привилегии.

— *Кая,* — повторил я. И обнаружил, что за посторонними мыслями умудрился забыть, что сказать хотел. — *Спасибо.*

— Спасибо, — добавил я вслух для Локрина. Тот молча кивнул и приступил к сбору трофеев.

Вскоре наши рюкзаки, из-за отошталости которых мы и полезли в эту авантюру, приобрели несколько более приличный вид. Я, правда, пока в душе не представлял, много ли это выйдет, если пересчитать на понятные мне блага цивилизации, вроде кружек пива или порций мяса. С одной стороны, сердечники были вроде как местным энергоносителем, на котором работало почти всё, так что и спрос на них должен был быть стабильно высоким. Но с другой, насколько я понимал в экономике, использование сердечников буквально везде могло привести и к любопытным ценам буквально на всё. В общем, для каких-то конкретных выводов нужно было сначала добраться до цивилизации и погулять там по рынку, а до тех пор вопросы местного ценообразования всё равно ни на что не влияли.

— А теперь осталось самое трудное, — вдруг сказал Локрин.

Я недоумевающе посмотрел на него. То есть, всё, через что мы прошли, было ещё не самым? Перспектива в таком случае вырисовывалась, мягко говоря, нерадостная.

— Там, — налётчик многозначительно ткнул указательным перстом в направлении потолка, — сейчас стадами бродит лёгкая добыча. Добыча посложнее нас, при этом, успела порядочно загонять. Тут уж не знаю, как ты, а я с ног уже валюсь. И это значит, что нам предстоит принять невероятно сложное решение, о котором мы в любом случае будем жалеть. Или мы упадемся до полного изнеможения, но будем богаты. Или отправимся отдыхать, что мы заслужили полностью — и подарим всё это сокровище первому же мимохожему бездельнику, который вздумает сюда забрести. В общем, куда не кинь — всюду страдания, хоть и разной природы.

Мой недоумённый взгляд сменился укоризненным. Шутки он, видите ли, шутить вздумал! Тем более — сейчас, когда нервы у меня по понятным причинам были очень душевно потрёпаны. Вопрос, впрочем, Локрин поднял правильный.

— *Не возражаю,* — высказала своё мнение Кая. — *Сейчас риск действительно небольшой, только и впрямь устанешь сильно.*

— Ну, что же, — сказал я, изображая лицом и тоном вселенскую печаль. — Меня с детства приучили прибираться за собой. Так что без вариантов, придётся доделывать дело. Пойдём, самурай, нам пора зачистить это подземелье.

— Кто? — переспросил Локрин, очевидно, не уловив отсылки.

— Не важно, — ответил я. — Это у меня тоже шутки дурацкие.

Когда говорится, что риск минимален, это совершенно точно не означает, что его нет. И всегда, даже когда кажется, что дело верное, стоит помнить: судьба — ироничная стерва с чернящим чувством юмора и огромным мешком проблем наготове, из которого она в любой момент может вытащить совсем не то, к чему ты готовился.

Принимая решение о зачистке подземелья, я в качестве рисков рассматривал сугубо общую опасность от големов, которая вполне купировалась бдительностью и аккуратностью. Но беда пришла с другой стороны. Я ухахался. Слишком сильное напряжение, что эмоциональное, что физическое, что паранормально-навыковое. Слишком много выпитых зелий на весьма короткий промежуток времени. Опять же, травмы, полученные при падении через уровень — тогда на адреналине я их не заметил, но от этого они, конечно, никуда не делись. В результате как только закончилось действие последнего зелья, у меня потемнело в глазах, а ноги стали ватными, полностью неспособными удерживать мою тушку в вертикальном положении.

Дальнейшее я помню урывками. Вроде, Локрин меня приводил в чувство, чтобы я отыскал возле портала свой рюкзак. Затем он разбудил меня, когда портал открылся в нужную нам сторону. Кажется, это повторилось ещё два или три раза, здесь точно сказать не могу. А между этими событиями он куда-то меня волок, закинув мою руку себе на плечо. Куда, зачем, почему и как долго — это всё проходило мимо меня. Зато запомнилось, что ощущал я себя крайне паршиво. Сердце колотилось как бешеное, болела буквально каждая мышца, а голова кружилась так, будто меня сутки не вытаскивали из центрифуги. Каждый раз я жутко боялся заснуть, имея все основания полагать, что рискую уже не проснуться — и всё равно стабильно отключался. А потом и вовсе провалился в абсолютную непроглядную черноту, где не было уже ничего — в том числе и меня.

И вдруг, как будто всего одно мгновение спустя, я обнаружил себя лежащим на кровати под тяжёлым тёплым одеялом, разглядывающим косой дощатый потолок и голодным, как средних размеров волчья стая.

— О, вы проснулись? — раздался рядом кокетливый голосок. Я повернул голову и увидел, что рядом с моим скорбным одром на приземистом деревянном табурете сидит девушка в зелёном платье под старину. То есть, это для меня оно тянуло на винтаж, здесь-то такие, наверное, были вполне современными. И нет, как бы не просился штамп на тему «тут я подумал, что умер, ибо узрел ангела», на деле ничего подобного не было. На хорошенькую барышня вполне себе тянула, причём, даже близко к верхней границе этого понятия на воображаемой шкале красотомера. Но не ангел. Та же Кая, насколько я её запомнил, была изрядно привлекательнее.

— Не-а, — ответил я. — Не проснулся. А глаза — это я просто так их открыл.

Девушка мило хихикнула в кулачок, несмотря на то, что сам я свою импровизированную шутейку оценивал, как довольно-таки средненькую.

— Вы забавный, — сообщила мне барышня. — Я — Глема.

— Максим, — представился я в ответ. — Глема, золотце, с тобой очень приятно разговаривать, правда. Но, боюсь, ещё немного — и я съем вот этот вот табурет, из-за чего тебе придётся сидеть на полу. Не будет ли слишком большой наглостью с моей стороны попросить хотя бы корочку хлеба?

Девушка рассмеялась уже в открытую.

— Как пожелаете! — сказала она и заговорщицки подмигнула. — Исполню любой ваш каприз.

Произнеся сию двусмысленную фразу, Глема поднялась с табурета, и, одарив меня многозначительным взглядом, упорхнула исполнять мой заказ.

— *А ты ей понравился,* — подала голос Кая, когда дверь за юной кокеткой захлопнулась.

— *Не поверишь, я догадался,* — ответил я не без ехидства. — *Открою страшную тайну: мужская непонятливость в таких вопросах сильно переоценивается. Только зря она старается, в моей голове уже живёт образ другой женщины.*

— *В самом деле?*

— *Ну, да. Причём, буквально.*

Кае потребовалась пара мгновений, чтобы сообразить, на что я намекаю.

— *Дурак!* — возмутилась она, когда до неё дошло. — *И я не образ, я — это я. Душа, если уж на то пошло.*

— *Кая, понимаешь ли, личность!* — произнёс я скрипучим мыслеголосом, подражая некогда известному комику, о котором моя собеседница, впрочем, гарантировано никогда не слышала. — *Однако, душа моя, давай всё-таки к делу. Где мы находимся?*

— *Не знаю,* — ответила Кая. — *Мы в твоём теле, так что бодрствую я только одновременно с тобой. В следующий раз, прежде чем любезничать с разными девицами, попробуй всё-таки сначала выяснить действительно важные вещи.*

Вот тут я малость опешил, и тут же задался вопросом, действительно ли мой внутренний голос стал изрядно разговорчивее, или же мне просто спросонья это субъективно кажется. И не то, чтобы меня это не устраивало, вовсе нет. Просто от таких метаморфоз у меня в голове, помимо всяких там паладинш, заводились мысли. И, что самое страшное, я их даже думал. Причём, как я сильно на тот момент подозревал, напрасно. Однако, они, мысли, то есть, всё едино упрямо возникали, порождённые самой неоднозначной ситуацией, в которой я находился. Которая, в свою очередь, была чем-то малость слишком даже по меркам мира, где присутствовала магия. Нет, был бы психологом — написал бы диссертацию на эту тему, и очень смешно бы мялся, когда на защите меня бы спросили о её практической значимости.

От того, чтобы надумать себе ещё что-нибудь, меня очень вовремя спасла раскрывшаяся дверь. За которой обнаружился молодой человек, коего я признал далеко не сразу, ибо в цивильном я его ещё не видел. Однако, при чуть более внимательном рассмотрении я не мог не обратить внимания на демонстративно нахальное выражение физиономии, коей, несмотря на пижонскую бородку, больше пошёл бы образ студента-отличника.

— Очнулся, значит! — широко улыбаясь, провозгласил Локрин. — А то, знаешь ли, на тебя в нижнем зале уже ставки делали. И, если тебе вдруг интересно, я только что выиграл.

— Очешуеть, — типа разделил я его восторг. И, памятуя о рекомендациях нами обоими уважаемой героини, перешёл сразу к главному. — Где мы?

— В Корреге, — незамедлительно ответил налётчик. — Но об этом ты мог догадаться и сам, больше в округе приличных мест, куда я мог бы тебя дотащить волоком, как-то не имеется. А если чуть подробнее, то мы в таверне «Птичка на ветке», которая, может, и не претендует на звание лучшего заведения этих краёв, но по душевности запросто обходит шикарнейшие богадельни Ауренны.

— То есть, пить ты предпочитаешь именно здесь, — догадался я. — Однако, к чёрту подробности. Что я пропустил?

— Тебе же говорили, что ты скучный? — не удержался от подколки Локрин. — А если серьёзно, то почти ничего. Когда тебе поплохело, я принёс тебя сюда. Подземелье мы на тот момент, как ты выразился, почти очистили. Единственное, на случай, если ты ещё не полностью проснулся — не особо распространяйся об этом. Многие не оценят, а иные и захотят с нашей добычи долю. Всё я пока не продавал, чтобы нам глупые вопросы не задавали. Однако, если вдруг что, то будь готов. Народ здесь, если говорить прямо, завистливый, потому основную часть нам лучше обратить в монеты где-нибудь ещё.

— Погоди-погоди, — я поднял ладони вверх. — Я, упрощённо, только спросил, как дела, а ты меня уже в дальнейшие планы ввязываешь. Мне, может, ещё оклематься надо. К слову, о монетах: примерно о каком их количестве речь?

— Тысяч пять-шесть, — ответил налётчик, и по тому, как вдруг выругалась Кая, я понял, что это порядочно. — Но ладно, ты прав, серьёзными разговорами тебя пока загружать рано. Приди в себя для начала. Комната, если что, снята до завтра. Осмотрись, обдумай всё. А вечером я поговорить зайду.

На том и порешили. Локрин удалился, я же остался думать. Хотя, нет, чёрта с два. Последнее, что мне сейчас хотелось делать — это и впрямь ломать себе голову насчёт дальнейших действий. Последняя пара дней и без того вышли слишком насыщенной, так что теперь мне хотелось элементарно отдохнуть. Просто поваляться. Дождаться обеда — Глема, кстати говоря, и впрямь принесла корку хлеба, присовокупив её к объёмистой миске жаркого с кашей, слегка страдавшего от нехватки специй, зато весьма густого и, при прочих равных, аппетитного. Чем заработала аж два плюса в карму — и за обед, судя по качеству, явно не входивший в основное меню, и за чувство юмора. Даже стыдно перед ней делалось — так старательно обхаживала, а я лишь прикидывался валенком, не понимавшим, к чему она клонит. С другой стороны, я на всё это и не мог должным образом отреагировать — не настолько я испорчен, чтобы идти на такое с наблюдателем у себя в голове. Тем более — наблюдательницей, которой и без того со мной приходилось несладко.

Когда я поел, Глема вновь удалилась, как мне показалось, с несколько разочарованным личиком. И, может, мне это только привиделось, но в любом случае, накрывший меня из-за этого приступ несколько смешанных чувств был вполне себе реален. Отвлечься же от них, валяясь одному в комнате, было затруднительно. Впрочем, эта ситуация на безвыходную не тянула: силы, чтобы подняться с кровати, я в себе вполне ощущал, а весомых причин не делать этого как-то не проглядывалось.

В моём рюкзаке, который я проверил в первую очередь, всё было на месте, и даже имелся бонус — мешочек с приятно позвякивающим содержимым. Судя по всему, это была моя доля от проданной части добычи. И здесь уж не то, чтобы у меня были основания сомневаться в Локрине, но такая его щепетильность меня, признаюсь, порадовала. На месте было и ядро, сейчас выглядевшее, как тёмный гематитовый шар с изумрудными прожилками.

— *И что с ним теперь делать?* — спросил я.

— *Спрятать получше и никому не показывать,* — ответила Кая. — *Наличие у тебя такой вещи — знак того, что ты уничтожил охотничьи угодья, а за такое могут и казнить. Или заставить отрабатывать, если успеешь доказать, что у тебя не было иного выбора. Кроме того, многие кланы могут истолковать обладание ядром, как желание*

бросить им вызов, и отреагируют они на такое соответственно.

— Это ещё почему? — не понял я. — Ядро — какое-то оружие?

— Не совсем, — Кая немного помолчала, подбирая слова. — Само по себе оно практически бесполезно. Однако, ядро — основной компонент для ритуала основания нового клана. Точнее сказать, единственный. Его просто нужно принести на один из Великих Алтарей, например, в Ауренне — и всё, после этого ты новый патриарх, со всеми прилагающимися навыками.

— Но сделать так — это всё равно, что огородить участок и объявить его независимым королевством имени себя, — догадался я. — Моментально найдётся множество желающих показать тебе, где твоё место.

— Не уверена, что поняла первую часть, но по второй — да, почти так. Став патриархом, ты тем самым заявляешь о претензии на власть над каким-то из городов и окружающими его угодьями. А так как бесхозных городов нет, то ты — угроза для всех остальных патриархов. Ещё незначительная, конечно, но ждать, пока ты наберёшь силу и действительно начнёшь создавать проблемы, никто не станет.

— Но можно же основать свой город где-нибудь на отшибе, — возразил я. — Или вообще не лезть в политику, и тем самым никому не угрожать.

— Конечно можно, — согласилась Кая. — Но ты никому не докажешь, что хочешь только этого. И тем более — что не захочешь иного в будущем.

Такие аргументы крыть было уже нечем. Да и придумать прямо сейчас, что делать со злосчастным шариком, как-то не выходило. Потому, убрав ядро поглубже и на всякий случай скрыв рюкзак, я направился прочь из комнаты: развеяться, и заодно осмотреться. Там же, глядишь, и мысли бы какие-нибудь возникли.

Отрекомендованная Локрином «Птичка» на поверку оказалась таким сферическим в вакууме фэнтезийным кабаком — и здесь поймите правильно, это не в укор ей сказано. Напротив, когда я спустился с верхнего жилого этажа в полутёмный общий зал с камином, обставленный тяжёлой деревянной мебелью, у меня, извиняюсь за сленг, неиллюзорно свело олдскулы. Давно, на границе между детством и юностью, я что-то такое себе и воображал, когда герои нежно любимого мной тогда грошового фэнтези за какой-то надобностью забредали в таверну. Только в моих фантазиях подобные интерьеры были заполнены отчаянно гуляющими приключенцами, чьи весёлые голоса разносились далеко по округе, перемежаясь лихим стуком деревянных кружек и звоном лютни залётного менестреля. Сейчас же с посетителями здесь было небогато. Но это вполне объяснялось пока ещё не поздним временем, так что у меня были все шансы узреть вождедеемую мной архетипичную картину ближе к вечеру. Пока же делать здесь было особо нечего, и я пересёк пустой зал да вышел вон.

Первое впечатление от Коррега также вышло благоприятным. За порогом «Птички» меня встретил аккуратный средневековый городок, прямо как со съёмочной площадки чего-нибудь ванильно-сказочного или с очень крупнобюджетного фестиваля исторической реконструкции. Коррег по любым меркам был микроскопическим, всего-то пара кварталов до городских ворот в любую сторону. Смотрелся он, однако, так, как не стыдно было бы выглядеть зажиточному району поселения покрупнее. Мощёные булыжником аномально чистые улицы, ровные фахверковые дома на высоких каменных цоколях, сиявшие свежей побелкой, основательная цитадель из бежевого камня да пёстрые торговые ряды на единственной и потому главной площади. Городок выглядел воплощённой идиллией, и мне

тут же захотелось осмотреть его весь, благо, это явно не должно было занять много времени. Вот только когда я это сделал, да заодно поболтал с торговцами, моё настроение сразу же резко испортилось.

Это был первый из всего двух случаев, когда мне помогли знания и навыки, принесённые из родного мира. Ну, может, кроме самых базовых представлений о боксе, но они скорее просто органично легли на классовые способности монаха, и не будь их — всплыло бы что-то ещё, потому не считается. В остальном же мои супер-знания уроженца более развитого мира были в лучшем случае бесполезны — здесь почти во всём присутствовала слишком своя атмосфера, под которую приходилось подстраиваться. Но некоторые вещи одинаковы везде и всегда, на любом этапе развития и в любом мире с любой спецификой. Законы физики, например. Или законы экономики.

Дома моей работой было, кроме прочего, оценивать состояние и перспективы того или иного предприятия. И если бы мне поставили задачу провести экспертизу Коррега, то я почти сходу порекомендовал бы не вкладывать в него ни единого гроша. Знаете, как в порт Скагуэй на Аляске перед самым концом золотой лихорадки.

Коррег процветал за счёт того, что через него уже несколько лет нескончаемым потоком шли авантюристы, прямо как те самые старатели на Клондайк. Однако, ажиотаж — весьма недолговечный источник дохода. И на том же Клондайке он закончился не потому, что не осталось золота — его там и в наши дни добывают. Просто, кроме прочего, в таких вот аномально закушавшихся городишках средней прибыли от кустарной золотодобычи перестало хватать банально на пропитание. И когда это произошло, стало грустно. Тот самый Скагуэй и вовсе превратился в натуральный ад, купировать который пришлось вводом войск.

И нет, я, конечно, не ждал, что подобное произойдёт в Корреге со дня на день, оно так не работает. Предпосылок к тому, чтобы спешно отсюда эвакуироваться, всё же не наблюдалось. Однако, и ловить здесь постепенно становилось нечего. А то, что Локрин хотел обналичить добычу в каком-нибудь другом месте, было лишним тому подтверждением.

Из-за этих мыслей даже хрестоматийная авантюристская гулянка, как по расписанию начавшаяся в «Птичке», когда здешнее светило стало клониться к закату, произвела на меня уже какое-то смазанное впечатление. Сравнить её с пиром во время чумы было бы некорректно, наверное, но ощущения возникали схожие. И я с удовольствием бы удалился скучать в комнату, но Локрин, зашедший, как и обещал, проведать меня, слишком уж наслаждался атмосферой, вот и пришлось из вежливости составить ему компанию. Правда, то ли у меня не хватило вежливости для поддержания достаточно весёлого вида, то ли налётчик оказался слишком проницательным.

— Ты какой-то смурной, — сказал он. — Ещё нездоровится, или случилось что?

— *Не ври ему,* — вмешалась Кая, с которой я ранее уже успел поделиться невесёлыми мыслями. — *Лучше испортить посиделки сейчас, чем получить большие проблемы потом.*

— *Да говорил же, не происходит это так быстро,* — ответил я. — *Пусть парень отдохнёт.*

— *Максим, у тебя свои наблюдения, а у меня свои,* — твёрдо заявила Кая. — *За нами следили. «Перчатки», из гарнизона цитадели. Завтра днём скорее всего нас потащат на разговор. Локрин, которого я помню, этим может не впечатлиться, он бывал излишне смелым в неподходящих для этого случаях. Мог и измениться с тех пор, но рисковать не*

хочу. *А твой аргумент срботает на нём лучше.*

— *Интересное у тебя «не ври»*, — съехидничал я, не желая в самом деле поспорить, а скорее чтобы оставить последнее слово за собой. И тут же, не дожидаясь ответа, сказал вслух:

— Я в порядке. Просто давай прямо с утра уберёмся отсюда.

Насколько прекрасен осенний лиственный лес при ясной погоде в часы после полудня, настолько же он невыносимо отвратен в утренних пасмурных сумерках. Это, конечно, только моё мнение, которое я и в мыслях не имел кому-то навязывать, однако, оно устоявшееся и укоренившееся уже давным давно, задолго до всей этой попаданческой истории. Ибо осеннее утро — это сырость и пронизывающий холод. Это предательски скользкие под подошвой опавшие листья, норозящие в гнусности своей укрыть какую-нибудь особенно твёрдую корягу, сделать её невидимой ровно до момента, пока не ушибёшь об неё пальцы. Это, в конце концов, не слишком приятно взгляду, когда то, что в иных условиях станет смотреться праздничным златотканым покровом, демонстрирует все оттенки бурого, перемежающегося болезненной грязной рыжиной. Ну, и в принципе я далеко не жаворонок, чтобы фонтанировать положительными эмоциями от любого утра, кроме того, которое провожу за здоровым крепким сном.

В этом со мной был полностью солидарен и мой попугайчик. Правда, ворча на меня, он вряд-ли задумывался о том, что тем самым выражает поддержку моей позиции.

— Нет, было, конечно, всякое, — завёл издали Локрин, и подкрепил свои слова, взметнув мокрые листья в воздух сердитым пинком. Те, однако, картинно взлетать не пожелали, и, издав обиженный хлюп, грациозным, аки кусок чего непотребного, слипшимся комком приземлились в шаге от него. — В том числе, приходилось удирать откуда-нибудь спозаранку. Но каждый раз у этого были простые и понятные причины. Например, когда в рыло дал не тому человеку, или его жене глаза построил, или задолжал, а отдать нечем. Но бежать от того, что товарищу, видите ли, от местных торговых дел тошно — это у меня впервые.

— Извини, а это всё был один «не тот человек»? — полюбопытствовал я. — Если же серьёзно, то, во-первых, ты со мной всё-таки пошёл. Сам, без какого-либо принуждения. И во-вторых, когда от экономики тошно — это обычно к лишним тратам. Если они там годами живут с выживания денег у честных авантюристов, то легко предположить, что делать они это неслабо натренировались. С чем при некоторой сноровке вполне можно бороться, и, заметь, я не сомневаюсь, что таковая у тебя есть. Но лучше не рисковать.

— А в-третьих?

Я хитро улыбнулся.

— Почему ты решил, что есть «в-третьих»?

— Да потому, что оно у тебя всегда есть, — Локрин хмыкнул. — О чём бы мы с тобой поговорить не успели, если ты считать начал, то всегда до трёх, не больше и не меньше. Тебе самому тройка нравится, или в обители в привычку вошло?

— *В какой ещё обители?* — мысленно задался я вопросом.

— *В монашеской,* — пришёл от Каи не менее мысленный ответ. — *У кого класс монаха обнаружился, те поначалу в обитель идут, чтобы не только боевые навыки освоить, но и духовную силу развить. Её ведь простым навыком не запустишь, здесь умение нужно.*

— О! — заинтересовался я. — *А какое?*

— *Так это ты монах, не я,* — резонно заметила Кая. — *У паладинов, чтобы, например, страх у себя и соратников приглушить, практикуется внутреннее созерцание. То есть, отогнать от себя все мысли и прислушаться к ощущениям. А что монахи для этого*

используют — не знаю.

У меня сразу возникло предположение, что представители моего класса тоже медитируют, может только ещё с литаниями какими-нибудь, вроде «страх убивает разум» или «сила течёт во мне и я един с силой», а то и «господин Виктран, помилуй нас грешных». Собственно, на то и монахи. Эту догадку я, впрочем, пока оставил при себе. Вдруг глупость какая?

— Ладно, ты прав, — сказал я вслух. — Есть «в-третьих». Просто не хотел об этом болтать, пока мы в городе были.

Но озвучить финальный аргумент в пользу ретирады из Коррега я не успел — впереди на тропу из-за деревьев вышли четверо. Точнее сказать, даже прямо хрестоматийный неистовый квартет из латника-щитоносца, двух джентльменов в сутане и мантии соответственно и совсем не джентльмена, обладавшего довольно-таки уголовной рожей наряду с небольшим двояковыгнутым луком. Файтер, клирик, маг и вор, классика. Также эта компания была примечательна, кроме своей стереотипности, едиными красно-белыми цветами в одежде и эмблемами с латной перчаткой на груди.

— Можешь дальше не объяснять, — вздохнул налётчик. — «В-третьих» я своими глазами вижу.

Сказав это, он остановился и сбросил рюкзак на землю. К чему именно был этот жест, я в точности не понял, хоть и имел догадки, но на всякий случай сделал так же.

— Хорошую поклажу несёте, — без предисловий и приветствий заявил латник. — Увесистую. Только, сдаётся мне, без разрешения она получена.

— Ты знаешь, где я охочусь, Айрир, — ответил Локрин. — Там вашего разрешения не нужно.

Латник коротко хохотнул, и его подельники откликнулись довольно-таки мерзко звучащими смешками.

— За дурака меня держишь, пернатый? — с явно читавшейся угрозой рыкнул Айрир, и ржач моментально утих. — Ты преступник. Ваши все преступники.

К чему разговор шёл, было понятно. И не менее очевидно было, что нам такое не нужно — перчаточников было в два раза больше, да и здесь они вроде как представителями власти являлись. На последнем, впрочем, можно было сыграть.

— Простите, уважаемый, — заговорил я, — мы авантюристы законопослушные, и проблем не ищем. Вы нас в чём-то конкретном подозреваете?

Айрир нахмурился и оглядел меня с головы до пят.

— А тебя я что-то не припомню, — протянул он. — Лазутчик, что-ли?

Нет, если кто-то вознамерился полезть в бутылку, то отговорить его от этого сложно. Но не невозможно. Принципиально невозможного в мире вообще мало, нужно только знать, с какой стороны зайти. А в случае со стражами порядка, по определению работающими в рамках предписаний, эта самая сторона была в целом понятна.

— Никак нет, — ответил я. — Не привлекался, не состоял, не участвовал. Турист я, в Ауренну шёл, красоты посмотреть и в тавернах посидеть. Больно они там, как говорят, хорошие. Друг мой вот проводить меня вызвался. И тут поймите, пожалуйста, нам бы до ночлега вовремя добраться. Если конкретной нашей вины ни в чём нет, а я не помню, чтобы мы нарушали чего, то мы бы и пошли уже своей дорогой.

Ауренну с её тавернами я ввернул экспромтом — остальные топонимы из головы вылетели, а врать надо было быстро и без запинки. Отделаться просто разговорами, я,

конечно, не надеялся, не настолько наивен. Однако, заболтав красно-белых, можно было привести диалог к предложению договориться, и отделаться небольшим взносом в фонд поддержки шпанов доблестных правоохранителей. Что мне не нравилось, само собой, но продемонстрировать гражданскую сознательность уроженца другого мира сейчас было не слишком уместно.

— Налегке быстрее дойдёте, — подумав, заявил Айрир. — Оставьте мешки и катитесь.

В том, что на это оборотни в эмблемах изначально и рассчитывали, сомневаться не приходилось. Однако, прямота, с которой это было высказано, порядочно меня огорошила. А ещё меня озадачил Локрин, решивший влезть в переговоры и разломать всё к чертям одной единственной фразой.

— Подойди и возьми.

Неизбежную после этих слов драку начал лучник, явно не без навыка прямо-таки высыпающий на нас по целому пучку стрел. Повезло, что я догадался ветряной поступью сместиться вбок, едва увидев, как тот поднимает своё оружие. Локрин, как я понял, тоже увернулся. Правда, удостовериться в этом у меня времени не было — пора было делать свой ход.

И я его сделал, попробовав с разбега атаковать клирика. Вместо этого, однако, у меня вышел удар по щиту успешшего встрять между нами Айрира. Хороший удар, война аж немного отбросило. На ногах он, тем не менее, остался, и даже успел парировать мечом атаку Локрина, выскочившего из теней и замахнувшегося полторником на мага. Мне же пришлось вновь уходить от града стрел, разрывая дистанцию со своими целями. Ушёл от них и налётчик, опять истаяв в воздухе, как заправский мираж.

В этот момент маг и клирик замахали руками, призывая свои умения, и это привело сразу к двум отвратительным последствиям. Во-первых, вся четвёрка наших врагов озарилась неярким, но вполне заметным сиянием, означавшим, надо полагать, получение ими каких-то бонусов. А во-вторых, из воздуха вдруг соткался шарик синеватой энергии, тут же начавший кружить над полем боя и каким-то неведомым образом выдернувший Локрина из теней.

Лишившись своего главного преимущества, налётчик принял с виду безумное, но в той ситуации единственно верное решение. Он набросился на Айрира и принялся осыпать его частыми ударами. Прямого толку от них не было, и цели ни один из них не достиг — со щитом воин обращался так, что можно было залюбоваться. Однако, Айрир теперь загораживал Локрина от стрел и заклинаний — типа пошлейшего огненного шарика, от которого я и на форсаже в тот самый момент едва успел уклониться, — так что в битве возникла крайне энергозатратная и активная, но всё же далеко не лишняя тактическая пауза. Которой мне вполне хватило, чтобы сообразить — танк-то занят, пора в атаку.

Но это было проще сказать, чем сделать. Стрелок и маг, отлично, видимо, понимая свою уязвимость, сосредоточили все усилия на одном мне, и даже клирик составил им компанию, принявшись кидаться в меня световыми шариками, кои не казались чем-то смертоносным даже на вид, однако, в задачу не дать мне приблизиться свою лепту вполне себе вносили. Прорваться к ним через весь этот вихрь стрел и магии возможным не представлялось абсолютно, да и самому мне приходилось тратить уйму сил на ветряную поступь, чтобы от всего этого непотребства увернуться. Бесконечно так продолжаться, понятное дело, не могло — вскоре мои силы должны были закончиться, а противники были всё же посерьёзнее големов, и возможность хлебнуть зелья прямо на бегу они мне предоставлять явно не собирались. В общем, дело шло к нашему скорому поражению.

Однако, к моему изумлению, вышло иначе. Красно-белые начали выдыхаться первыми.

Сперва я заметил, что в безнадежном, казалось бы, фехтовальном поединке налётчика с воином теснить своего противника начал как раз Локрин. Затем количество летевших в меня стрел вдруг усохло раз этак в десять. И хоть клирик с магом действовали пока ещё весьма энергично, нагрузка на меня ощутимо снизилась, и в заградительном, с позволения сказать, огне стали появляться бреши. В одну из которых я и проскочил, наконец прорвавшись к клирику и прямым в голову отправив его в полёт.

Здесь может показаться, что на избиение именно условного служителя богов у меня был какой-то особенный пункт, чуть ли не внутренним антиклерикализмом продиктованный. Однако, уж поверьте, чего-то личного к конкретному клирику у меня было ничуть не больше, чем к остальным членам этой лиходейской шайки. Только голый расчёт. Верность которого сразу же подтвердилась, когда вокруг наших врагов погасло свечение от наложенных на них благословений.

Вторым я выключил лучника. Однозначно его класс просто на вид я определить не мог, так что имелась вероятность, что он, подобно Локрину, сможет спрятаться и убежать в Коррег. А это нам было нужно в самую последнюю очередь.

И, наконец, последним оставался маг. Этот ещё успел среагировать, выставив прозрачный энергетический щит, на который мой первый удар и пришёлся. Серии ударов на большой скорости он, правда, не выдержал, исчезнув где-то на десятом. Из примерно двадцати пяти, остальные из которых и пришлись по колдуну. Когда же я обернулся, чтобы посмотреть, не нужна ли Локрину моя помощь, я увидел, что там тоже уже всё было кончено. Тело Айрира лежало на земле в луже крови, сам же Локрин тяжело дышал после интенсивной рубки, но ран на нём видно не было.

— Кажется, — сказал я, — мы только что стали вне закона.

Налётчик на секунду нахмурился и окинул взглядом поле боя.

— Пока нет, — сказал он. — Нас, вроде, не видел никто, а эти готовые. Но если переживаешь — проверь.

Отмахиваться от такого совета, учитывая возможные последствия, я не стал. И выяснил, что на моей совести теперь три трупа. Причём, если насчёт мага у меня иллюзий не было изначально, то про двух других я как-то не думал, что им хватит по одному удару. Тем не менее, факт был налицо, и сомнений особо не допускал. Что вызвало у меня, прямо сказать, смешанные чувства.

Нет, никакого стереотипного холодного ужаса с подступающей тошнотой со мной не приключилось. Всё-таки, эти ребята меня убить активно пытались, да и адреналин из меня на тот момент ещё явно не весь выветрился. Но было неприятно. И, пожалуй, стыдно из-за радости, что это я их, а не они меня, и что добивать никого не пришлось. Вот это было бы действительно тяжело. Впрочем, к чёрту подробности. Уж поверьте, нет в них ничего интересного.

— Нам отсюда уйти бы, — задумчиво сказал я. — И побыстрее.

— Сначала их убрать надо, — возразил Локрин. — Это же клановые угоды, стража здесь у каждого портала. Быстро найдут, начнут выяснять — и сразу на нас подумают.

Последнее казалось мне так и так неизбежным — для этого достаточно было просто всех этих стражей аккуратно опросить, кто когда мимо проходил. И там не сказать, что всё сразу очевидно станет, но два отличных подозреваемых мигом обнаружатся: полу-изгой, некогда с давними врагами клана связанный, и чужак, никому совершенно не знакомый. Но

резон в словах налётчика всё равно был: позже хватятся — дальше уйти успеем. Просто заниматься этим, прямо сказать, не хотелось. Тащить четырёх мертвецов до туманной стены и выкидывать их туда — работёнка откровенно неприятная. Но, что поделать, пришлось.

Путь до самого портала, возле которого и впрямь обнаружилась стража, мы прошли молча. Помолчали и на следующей локации некоторое время. И лишь когда мы достаточно отошли от здешнего поста, Локрин заговорил.

— Есть пара мыслей, — сказал он.

— Снова обе хорошие? — попробовал я разрядить обстановку. — Или одна всё-таки не очень?

— Одна обычная, — Локрин улыбнулся. — Идти нам лучше и впрямь в Ауренну, как ты им и сказал. Петлять по другим городам, как я планировал, у нас времени теперь нет, а только она достаточно большая, чтобы всю добычу в её пределах сравнительно быстро сбыть можно было. Оно совсем не лишнее, с деньгами на руках, если станет совсем плохо, хоть виру попробуем заплатить, авось примут. Так что идти нам чуть в другую сторону, и несколько дольше, чем планировали.

— С этим согласен, — вынес я свой вердикт. — А вторая мысль какая?

— Скорее хорошая, — ответил Локрин. — Даже отличная. Но немного удивительная. Понимаешь, Айрир далеко не слабаком был. Чисто на мечях он меня явно должен был обставить, особенно учитывая его класс и мой. Но вышло иначе. И вот я теперь думаю. Нет, понятно, что после того подземелья мы усилиться должны были, но я не ожидал, что настолько.

Вот они были, последствия отсутствия интерфейса. И уровень свой никак не выяснить, и момент его повышения как-то мимо проходит. Что, впрочем, вполне было способно привести к приятным сюрпризам. Однако, оценить темп прокачки я по тем же причинам никак не мог, так что и сказать на это мне было нечего. По крайней мере, без подсказки.

— *Точно не знаю,* — ответила Кая, когда я адресовал ей этот вопрос. — *Этот Айрир был мне незнаком, и по его силе определить что-то мне сложно. Может, Локрин его раньше обогнал, если много охотился, пока тот по тавернам ходил, кто знает. И просто удачу ещё стоит учитывать.*

— *Хорошо, это по нашему другу,* — попробовал я всё же докопаться до истины. — *А по мне что скажешь? Я-то у тебя весь на виду. И выносливости, как показалось, у меня несколько прибавилось.*

— *Ну, что ты на выносливости тех троих перебегаешь, я и впрямь не ожидала,* — Кая задумалась. — *Да, тогда и впрямь быстро растёшь, если это не просто везение. Побыстрее обычного.*

— *И почему такое может быть?*

— *Максим, я не знаю,* — мыслеголос паладинши сделался слегка раздражённым и немного виноватым. — *Не всё в мире мне известно. И даже не многое. Мне двадцать шесть только, если хочешь знать. По крайней мере, было, когда я в туман зашла. Как думаешь, успела я до этого задаться такими вопросами? Или опыта набраться, чтобы на них ответить?*

— *Ладно, прости, прости,* — сдал я назад. — *Последний вопрос только, если вдруг не знаешь — не беда, как-нибудь выясним. Это может быть из-за ядра? За его взятие опыта не дают?*

— *Точно нет,* — столкнувшись со знакомой темой, Кая подуспокоилась. — *Я так*

делала, чтобы «Ястребов» основать, и ничего подобного не было. Знаешь, если подумать, то это скорее всего дар Виктрана. Не ждать же богоподобному, пока ты с обычной скоростью усилишься. Наверняка я, конечно, не знаю, но если это не совпадение, то звучит логично.

И впрямь, было похоже на то. Правда, у меня возникли сомнения, а не тянуло ли оно на излишнее вмешательство, которого Вик как раз старался избежать. Но, в любом случае, если это и впрямь не было совпадением, то у меня был чит. И раз так, то грех было им не воспользоваться.

Путешествие по оцивилированным локациям в обход поселков вышло достаточно бедным на события. Погоню по наши души, к счастью, ещё не снарядили, големов же, пользуясь амулетом, мы старались обходить. Всё же, клановые угоды, и по глупому попасться, охотясь в них без лицензии, было бы крайне досадно. Даже проверку гипотезы насчёт множителя на опыт пришлось отложить.

Однако, всё это отнюдь не означало, что дорога получилась скучной. Можно сказать, что в ней я весьма приятно провёл время. Мы много о чём побеседовали как с Локрином, так и с Кайарой, и оба произвели на меня впечатление людей неглупых, приятных и интересных, хоть и очень по-разному. А кроме того, вокруг было на что посмотреть.

Многие соседние локации на самом деле находились не так уж близко друг от друга, и ландшафт после очередного прохода через портал менялся порой разительно. Из осеннего леса мы перенеслись в степь, что будто вся была как на ладони, от одного портала до другого. Из степи — в поросшую можжевельником долину, почти со всех сторон отрезанную от границ локации отвесными скалами. Затем мимоходом, буквально одной локацией, зацепили засушливое горное плато с редкими деревцами, ютившимися среди вздыбившихся как попало камней. После него же ландшафт стал уже стабильным, чем-то сильно напоминающим средиземноморский, если не считать отсутствия собственно моря. Таковым он уже и оставался, пока мы не добрались до восточных врат Ауренны.

Вообще, слово «врата» для того, что предстало перед нами, виделось сильным преуменьшением. Скорее это был небольшой, но вполне себе полноценный замок с четырёх угловых башнях и без донжона, примостившийся у самой туманной стены. Вокруг же него расположился палаточный городок, размеры которого заставляли задуматься не то о стоянке кочевой орды, не то о фестивале хиппи. Или об очереди за новой моделью культового гаджета, что сразу пробудило в моей памяти ряд не слишком приятных воспоминаний.

— *Там же портал, да?* — спросил я у Каи, желая не столько это уточнить, сколько поделиться опасениями. — *Мы, получается, через сколько дней пройти сможем?*

— *Через несколько часов,* — успокоила меня моя незримая спутница, — *не на ближайшее открытие, так на следующее за ним. Это купцов с повозками только на закате пропустят, и далеко не все успеют, а пешком пройти без ограничений можно.*

И в самом деле, подойдя ближе, я заметил, что буквально на каждую палатку приходился хотя бы один хорошо загруженный возок, тогда как людей в этом циклопическом лагере присутствовал только необходимый минимум: возницы, охранники и совсем немного торговцев-подмастерий, оставленных при товаре не то за провинность, не то в порядке дедовщины. Остальные же, надо понимать, здесь особо не задерживались, предпочитая при первой возможности переместиться в город, такой комфортный и полный соблазнов.

Ворота замка, разумеется, охранялись — возле них скучал примерно десяток вооружённых молодцев в стёганках гербовых цветов «Железной руки», но без эмблем, положенных лишь тем, кого угораздило родиться с каким-либо классом. Впрочем, простолюдины угадывались в них и без учёта подобных деталей. Пусть в Корреге я успел провести совсем немного времени, сильно всматриваться, чтобы начать замечать такие вещи, там и не требовалось. И дело было даже не в снаряжении, хотя, такие простецкие

пишаки и копья даже самый начинающий авантюрист сменил бы на что-то более статусное буквально после первой же охоты. Одарённые просто иначе себя держали. Более открыто, расслабленно, что-ли, в общем, по-нормальному, если подходить к ним с моими иномирянскими мерками. Простой люд здесь был иным: постоянно сосредоточенным, непрерывно оценивающим окружение и ситуацию, и при этом — очень старающимся попусту не отвечивать. По ним явно была видна привычка и к общим опасностям этого мира, и к перепадам настроения высшей касты, воспринимаемым, похоже, как что-то вроде природного явления, на которое бесполезно обижаться и с которым нет толку бороться, можно лишь подстроиться. А там уже — или не связываться, или попытаться что-то получить. Главное только не перепутать, когда что подойдёт. И вот этот стереотип поведения прикидывающегося ветошью локатора в стражниках сквозил очень конкретно. Но, как бы там ни было, к portalу они нас пропустили свободно.

По другую сторону портал также был укреплён, и вторая крепость даже выглядела похоже — за тем исключением, что она была как будто вывернута наизнанку. То есть, бойницами, рвом и подъёмным мостом внутрь. Это, признаться, сходу шокировало и настораживало, заставляло сжаться, так, как будто из-за каждого зубца был лично на тебя нацелен арбалет, и жить тебе теперь ровно столько, сколько ты будешь казаться безобидным для незнакомых и, возможно, очень нервных и недоверчивых стрелков. Потом приходили мысли о предельной логичности и некоторой даже остроумности подобного фортификационного выверта. Но то потом, и ложились они всё едино на уже оформившееся первое впечатление.

— *Максим, —* вдруг сказала мне Кая. — *Сейчас соберись и приготовься. Ты должен быть абсолютно невозмутимым. Если ты будешь глазеть по сторонам, или позволишь себе изумлённые вопли, то всё, что ты наврал Локрину, тут же развалится. Веди себя так, как будто всё это уже не раз видел. Это будет сложно, но ты должен постараться.*

— *Я не соврал ему ни единым словом, —* обиженно ответил я. — *А за то, как он это понял, я не в ответе. Но за предупреждение спасибо. Что, такой впечатляющий вид?*

Кая промолчала. Смысл было что-либо говорить, если вскоре я должен был всё увидеть своими глазами?

И не могу не заметить — предупреждение Каи оказалось совсем не лишним. Мне пришлось прямо до боли стиснуть зубы, чтобы обойтись без восхищённых эпитетов.

Ауренна располагалась в широкой долине, начинавшейся от склона горы, на котором мы сейчас находились, и заканчивавшейся где-то за чертой туманной завесы. Или, вернее сказать, в двух долинах, разделённых пересекавшим город посередине невысоким скалистым хребтом, высшую точку которого увенчивал белокаменный замок с высокими восьмигранными башнями. Прямо из-под фундамента твердыни, уж не знаю, как это получалось геологически и архитектурно, с отвесного утёса низвергался водопад, на дне долины растекавшийся заключённым в каменную набережную округлым озером. В стороне от замка на тех же скалах, но чуть ниже и ближе к краю локации, располагалась вторая доминанта: основательное квадратное здание с невысоким обширным куполом, напоминавшее собор в византийском стиле. И, наконец, по другую сторону от замка, на отдельной плоской возвышенности, соединённой с остальным хребтом мостом на высоких каменных опорах, утопали в зелени особняки, размерами и роскошью вполне себе стремившиеся в статус дворцов, и лишь немного до него не дотягивавшие. И тем удивительнее, что на их фоне дома нижнего города отнюдь не смотрелись зарослями

сорняков у границ цветущего сада. Город в целом выглядел весьма ухоженным, прямо-таки почти утопией.

Кроме одного района, почему-то вынесенного за стену, в иных местах оберегавшую честных бюргеров от случайного захода в туман. Подобное исключение необратимо смешало акценты и заставляло задуматься, не просится ли к здешней почти-утопичности префикс «анти-».

— Да, — сказал Локрин, перехватив мой взгляд и истолковав его по-своему, — в Застенок нам и надо. Но не сразу, часть мы сперва попробуем сбыть по нормальной цене.

Сказано — сделано. Правда, лавки, в обилии расположенные вдоль змеившейся вниз по склону улицы, мы проигнорировали, несмотря на все усилия настойчиво зазывавших нас торговцев. Как не стовариваясь пояснили оба моих спутника, это была ловушка для нетерпеливых, тех, кому горело как можно скорее обменять добычу на деньги, дабы последние незамедлительно просадить. Как это сказывалось на расценках, догадаться было нетрудно — они здесь приближались к откровенному надувательству. Впечатляющих размеров рыночную площадь, вызывавшую немного больше доверия, мы также прошли, не задерживаясь. И лишь немного в стороне от делового сердца Ауренны, уже в ремесленном квартале, Локрин всё же счёл нужным посетить несколько мест и слегка разгрузить наши рюкзаки.

— Смотрю, ты здесь ориентируешься, — заметил я. — Места нужные знаешь.

— Что-то знаю, — налётчик пожал плечами. — Но не так, чтобы ориентируюсь. Просто это везде одинаково. Мастерские охотно заплатят за сердечники побольше, ведь всё равно выйдет дешевле, чем с наценкой от торгашей.

— Почему же тогда не все так делают? — удивился я. В моём представлении, настолько примитивная прибыльная схема должна была давно стать общим местом.

— Сам знаешь, почему, — Локрин усмехнулся. — Обиженная торговая гильдия — это неприятно. Но мы здесь ненадолго, так что можно.

Я многозначительно покивал, сделав вид, что понимаю, о чём речь. Не то, правда, чтобы здесь был какой-то бином Ньютона — возможностей предельно вежливо напакостить портящим бизнес авантюристам у плюс-минус сообразительного дельца должно было быть выше крыши. Однако, детали мне ещё были непонятны. И их, наверное, полезно было на будущее прояснить — позже, при несколько более удобных обстоятельствах.

— И много ты их собираешься обойти? — задал я другой возникший у меня вопрос.

— Не особо, — ответил Локрин. — Большими партиями они не берут, а слишком частить — это мы внимание к себе привлечём. Да и вообще, нам бы заселиться сначала.

Идея была, безусловно, здравая, даже прямо удивительно было, почему после долгого пути мы с неё не начали. Не было ли перебором изображать из себя поиздержавшихся приключаяг, если деньги у нас ещё с Коррега были? Впрочем, вслух я этого не произнёс, предположив, что мой компаньон хотя бы примерно представляет, что делает.

Забегая вперёд, замечу, что Локрин всё представлял и делал правильно. А то, что этого оказалось недостаточно, если подумать, не его вина. Как и несправедливо было бы пенять на то, что для нашего проживания он выбрал тихий и безлюдный по причине убогости постоялый двор у самого Застенка. Для того контекста, в котором мы находились, это решение выглядело вполне логичным. Вот только оно и создало проблемы.

Спасли меня две вещи.

Первая — что мы немного засиделись в общем зале у едва тлевшего очага, обсуждая под

кувшин здешнего жиденького пива наши дальнейшие планы. Не случись этого, передо мной бы в полный рост замаячила перспектива быть бесславно зарезанным во сне.

А вторая — что возникший будто из ниоткуда за моей спиной убийца ударил не сразу, а сперва схватил меня за подбородок, чтобы было сподручнее всадить кинжал мне в горло. Я на чистом рефлексе отмахнулся кулаком через плечо, с перепугу вложив в удар навык, и хватка тут же ослабла, позволив мне вскочить, развернуться и добавить нападавшему в физиономию, которую я толком и не разглядел — слишком уж быстро незадачливый горлорез укатился в темноту. За спиной коротко лязгнули столкнувшиеся клинки, намекая на то, что Локрин тоже не дал застать себя врасплох. Сделав из этого вывод, что у моего товарища всё под контролем, я переместился в сторону, уходя с возможного направления следующей атаки. Однако, обернувшись к очагу, не увидел возле него ни Локрина, ни нападавших, и от удивления на секунду застыл.

— *Шевелись!* — вдруг воскликнула Кая, и от её крика, пусть и мысленного, я инстинктивно пригнулся. Очень, замечу, удачно — там, где только что была моя шея, тут же просвистел короткий серповидный клинок. Нападавший тут же исчез, и мой ответный удар ушёл в пустоту. Зато дал о себе знать один из его товарищей, и тут бы мне несдобровать, не возникни между нами Локрин, отбивший удар и тут же снова ушедший в тень. Когда же я опять переместился, показался третий, ткнувший коротким узким мечом туда, где я только что был. Не желая и дальше испытывать свою везучесть, я перенёсся в угол, показавшийся мне самым тёмным, и замер, вжавшись в него спиной. Теперь ко мне, по крайней мере, нельзя было подойти незаметно. Перед атакой же, насколько я успел заметить, и Локрин, и эти ассасины недоделанные из теней всегда выходили, что давало шансы вовремя их заметить. Новой атаки, впрочем, не последовало. И, поразмыслив, я понял, что было этому причиной.

Точнее, не «что», а «кто». Локрин. Он тоже был в тенях, и о его местоположении трио убийц могло только догадываться. Догадки же эти легко приводили к соображению, что попытка нападения на меня может быть чревата не только перспективой словить кулаком по чему-то чувствительному, но и прямо-таки гарантией быть порубленными со спины.

Получался пат. Я не мог покинуть сравнительно безопасный угол, ведь тогда меня бы тут же атаковали. Убийцы не могли ни напасть на меня, ни уйти восвояси — двери и ставни были закрыты, а чтобы отворить их, потребовалось бы показаться из теней, что моментально привело бы уже к моей атаке. Оставалось только ждать, причём, непонятно, чего именно.

— *Кажется, время посоветаться,* — мысленно произнёс я. — *Скажи, что бы легендарная Молниеносная Кайара сделала в такой ситуации?*

— *В такой ситуации я была бы серьёзнее,* — с укором ответила Молниеносная. — *И, наверное, телепортировалась бы к кому-то из соратников. Но это не совсем такая ситуация, как у нас, ты не глава клана.*

— *Ну, извини,* — саркастично заметил я. — *Пока что-то не сподобился, отстаю от графика.*

— *Да я не это имела в виду!* — вспыхнула Кая. — *Думаю я. Что бы я делала на их месте — могу рассказать хоть сейчас. Что делать тебе — вопрос иной.*

— *Придумать тактику этим уродам я и сам могу. Мне бы...* — внезапно пришедшая в голову идея заставила меня остановиться на полуслове. — *Точно! Кая, ты умница. Прости, что временами с тобой препираюсь, ты лучше всех, и я тебя на самом деле обожаю до глубины души.*

— Я польщена, — в мыслеголосе паладинши и бывшей главы клана отчётливо засквозило смущение. — Но с чего это вдруг?

Я подробно, с экскурсом в психологию и немного китайскую философию, всё объяснил. И получил в ответ рекомендацию впредь поменьше трепаться и быстрее переходить к сути. А кроме неё — осторожное предположение, что это может сработать.

Моя идея сводилась к тому, что если не знаешь, что делать — не делай ничего. Просто наблюдай за потоком событий, высматривая в нём плывущий мимо труп врага. Варианты действий которого, в отличие от своих собственных, я вполне мог себе вообразить.

Главное, что им было нужно — выманить меня из угла. Сделать это можно было только на живца, и никак иначе. Так что мне оставалось дожидаться, пока кто-нибудь из убийц решится стать приманкой. И я дождался.

Это оказался тип с ятаганом, попытавшийся открыть дверь и из-за этого лишившийся невидимости. На что я тут же среагировал, переместившись к нему и занеся кулак. Не дожидаясь, пока я начну его бить, ассасин исчез, полагая, наверное, что тем самым захлопывает расставленную ловушку. Для меня, однако, это был сигнал, что план сработал. Резко развернувшись, я обрушил серию быстрых ударов просто в пространство, не целясь, а лишь предполагая, что противник окажется именно здесь. Предполагал я, как оказалось, правильно. А также верно угадал, что за его спиной, пытаясь меня спасти, тут же материализуется Локрин. В тылу которого, в свою очередь, выйдет из теней третий убийца. К нему я и переместился, сходу уложив гада ударом в корпус. И, обернувшись, обнаружил, что мой товарищ сделал для меня примерно то же самое, заколов пытавшегося за мной поспеть ятаганщика. Переглянувшись с Локрином, мы встали в уже становящуюся нашей фишкой позицию спиной к спине, и какое-то время помолчали, ожидая, не проявит ли себя кто-нибудь, прежде не замеченный. Такого, однако, не нашлось, и после того, как мы проверки ради сломали нашу формацию, убить нас никто не попытался. Всё было кончено.

— Хоть одного достал, — заметил Локрин, когда мы наконец позволили себе расслабиться. — И снова против трёх твоих. У нас появляется традиция?

— Совпадение, — я смутился. На самом деле, про ятаганщика я забыл, и мой друг сильно меня выручил, успев его перехватить. — Лучше скажи мне вот что: ты этих уродов знаешь? Что они на нас набросились?

— Уродов я знаю предостаточно, — Локрин вздохнул, — но этих вижу впервые. Зато у меня есть мысль, кто может быть в курсе.

— У тебя здесь где-то сведущий знакомый? — спросил я.

— Нет! — налётчик засмеялся. — Это было бы очень неплохо, но нет. Я про хозяина говорю. Дверь-то заперта, видишь? Значит, всё произошло с его ведома. И он может рассказать, кто именно его об этом попросил.

— Может и может, — с сомнением сказал я. — Но будет ли?

— Конечно, — заверил меня Локрин. — Если мы будем достаточно убедительны.

Что же, за это я уже не опасался. После того, что я только что пережил, я чувствовал в себе готовность быть крайне убедительным.

Хозяина постоянного двора, неопрятного костистого мужичка средних лет с бегающими глазками, мы обнаружили на улице, суетливо сбегающим по чёрной лестнице со второго этажа, находившегося в его безраздельном пользовании.

— Какая встреча! — воскликнул я, привлекая к себе его внимание. — Что, не спится, милейший? Куда так спешим? И почём у нас ныне сделались родные постояльцы?

Заметив меня, трактирщик вздрогнул и попытался ретироваться обратно в своё жилище. Но тут же отшатнулся обратно, когда прямо перед ним из теней соткалась высокая фигура в плаще с капюшоном державшая перед собой длинный меч. Когда Локрин успел туда забраться — ума не приложу, но вышло эффектно.

— Сейчас ты скажешь: «я ничего не знаю», — вместо приветствия заявил налётчик.

— Я ничего не знаю! — жалобно проблеял трактирщик, и, сообразив, что произошло, ойкнул и вжал голову в плечи. — Правда, клянусь вам!

— А я говорю вам: не клянись вовсе, — по памяти процитировал я. — И пусть слово ваше будет: да — да, нет — нет, а что сверх этого, то от лукавого.

— Слыхал? — добавил Локрин. — Так что давай-ка мы немного побеседуем. Обещаю, в процессе ты сам удивишься, как много ты, оказывается, знаешь. Но для начала, пригласи-ка нас в дом, а то такие разговоры на улице вести как-то несподручно.

Не знаю, что такого навоображал себе этот человечек, но вместо того, чтобы благоразумно последовать услышанной рекомендации, он сел на ступени, сжался и запричитал, чтобы мы его пощадили. Пришлось заволакивать его наверх силком.

И нет, не переживайте, мы этого поганца пальцем не тронули. Хотя и было поначалу желание съездить ему за всё хорошее по фотокарточке, но затем трактирщик так позорно расклеился, что это стало попросту противно. Мы просто объяснили ему на словах, что, как и какими инструментами с ним будет сделано, если его язык вопреки нашим ожиданиям не развяжется. И жути в это объяснение напихали столько, что от её перебора как-то даже самим смешно стало. Перестарались, в общем, и настолько, что окажись перед нами кто-нибудь морально крепче киселя, эффект вышел бы строго обратный тому, на что мы рассчитывали. Трактирщик, однако, проникся. И, дослушав наши речи до конца, запел, что тот соловей.

Вообще, знаете, успех — понятие очень относительное. Бывает, ставишь перед собой цель, предпринимаешь для её достижения усилия и, наконец, не просто добиваешься своего, но и сверху получаешь ещё больше, чем рассчитывал. Однако, радости от этого не выходит ровным счётом никакой. Даже наоборот — вместо неё приходят тревоги, печали и всяческое уныние. Особенно часто такое происходит, когда добиваешься власти. Но не только — нам для такого эффекта хватило провести допрос, причём, даже без особого пристрастия.

— А он не спятил? — далеко не в первый раз спросил Локрин, когда мы уже собрали вещи и ушли из оказавшегося негостеприимным жилья в ночь. — Ну, или наврал с перепугу больше, чем знал на самом деле. О них ведь ни слуху ни духу ещё со времён моего деда, если не раньше.

О, от такого варианта я бы не отказался. Но увы, прямо у меня в голове обитала непосредственная свидетельница того, что культ Йируна всё ещё существовал.

— Нет, — сказал я. — Для вранья это как-то уж слишком, так что, боюсь, он сказал

правду. К тому же, есть кое-что, что мне стоит тебе рассказать. Но не здесь. Сможешь сейчас отыскать местечко потише?

Налётчик молча кивнул. Я же задумался, как именно лучше пересказать то, что мне поведала Кая, не сболтнув при этом лишнего. То, что было крайне важно — но чего тот человек, за которого меня принимал Локрин, знать не мог.

Йирун, по имени которого назвали культ, был магом, жившим столетия назад, в тревожное время между появлением тумана и моментом, когда его распространение остановилось. И, если вкратце, то репутация у этого деятеля была чем-то средним между Максимилианом Робеспьером, Йозефом Менгеле и Владом Цепешем. Не в полной мере заслуженная, на мой взгляд. То, что он нёс в народ, напоминала очень травоядный вариант социализма, а его деятельность виделась довольно-таки аккуратной вариацией собирания земель. И, кстати, мне очень сильно показалось, что это был мой коллега. В смысле, попаданец из сопоставимых времени и мира. Впрочем, подтвердить или опровергнуть это возможным не представлялось, ибо фигурант давно умер. Однако, демонизировать его, как бы Кая к этому не подводила, меня что-то не тянуло.

Иное дело — его последователи. Вот их оправдывать у меня особого желания не возникало. То есть, конечно, бедняги оказались во власти идей, к которым вообще никто в их мире не был готов. И то, что они начали ломать дрова в промышленных масштабах, этим во многом и объяснялось. Но нет. Во-первых, я не люблю тупых фанатиков. Во-вторых, я очень не люблю тупых фанатиков. А в-третьих, крайне трудно изыскать в себе хоть сколько-нибудь сочувствия к тем, кто практикует зачистки всех, не сдвинутых по той же фазе.

К счастью, таких везде и всегда очень быстро зачищают самих. К сожалению, это никогда не выходит сделать до конца. Может, через несколько поколений, может, через век, но эта гадь всё равно выползет из-под колоды, под которую её загнали в прошлый заход. И вот этому как раз Кая и была свидетельницей. Поскольку в своём последнем бою ей противостояли вовсе не «перчатки». Это был как раз культ Йируна, каким-то образом с железнорукими сговорившийся. И даже не смешные косплееры древнего зла — нет, эти были настоящими, и указывало на это то самое заклинание, выключившее навыки Каи. Великий уравниватель, если угодно, делавший авантюриста простым смертным.

— Нет, конечно, не всё так просто, — заметила Кая. — Мы начинали это исследовать, и пришли к тому, что эту гадость требуется подготовить под конкретный класс. Авантюристы слишком разные, чтобы один навык мог лишать сил любого из них. И будь со мной кто-то ещё — мы могли бы выкрутиться. Но мы не успели довести это до ума. Просто не хватило времени.

И вот теперь, если верить трактирщику, эти самые люди возжелали нашей с Локрином смерти. Чем мы такое заслужили, понятно не было, но факт был, что называется, налицо. Очевидно было и то, что это каким-то образом затрагивало и историю Каи, и миссию, исполнения которой от нас ждал Виктран. Как именно — хороший вопрос. Вообще, в хороших вопросах у нас нехватки не было, в отличие от ответов.

Укромное место для поговорить Локрин нашёл в Застенке. Куда мы проникли прямо-таки издевательски буднично — просто перемахнули через стену, дождавшись, пока обходивший её дозор прогромыхает мимо. Возникал вопрос, а так ли нужно властям предерживать, чтобы депрессивный район был надёжно отгорожен от остальной утопии? Может, заходы обитателей дна в уютный мирок за стеной были фактором, скреплявшим его? Наверное, если бы я больше понимал в такой вот прикладной социологии, я бы смог сходу

дать на это однозначный ответ. Но увы, моих знаний здесь хватало сугубо на то, чтобы не совать свой нос туда, где я ничего не понимаю, и воспринимать просто как данность реалии, с которыми сталкиваюсь. Тем более, что сейчас они были скорее в мою пользу, нежели наоборот.

Застенок сам по себе выглядел так, как могла бы смотреться Ауренна в целом после конца света. Архитектура, вроде, та же, даже со следами былой красоты. Однако, царившая повсюду разруха добавляла к ней, красоте, то бишь, свои терпкие нотки, капитально смещавшие акцент. И если кое-где дыры были подручными материалами всё же заделаны, то большинство строений представляли собой руины, не лишённые самобытной эстетики, но крайне при этом неудобные. Именно такой дом, лишённый большей части крыши и чувствительного куска стен, мы с Локрином в качестве пристанища и выбрали.

— Итак, — сказал налётчик, когда мы скрыли рюкзаки и развели костёр, — рассказывай.

И я рассказал. Не всё, понятное дело. И не без успевшего хорошо себя зарекомендовать косвенного вранья — такого, когда собеседник благодаря грамотно выбранным формулировкам обманывает себя сам. Так, я не соврал, сказав, что меня отправили разобраться с этим — просто умолчал, что сделала это не Кая, и что произошло оно не так уж давно. Чистой правдой было и заявление, что я по ряду причин не мог сообщить главе клана то, что мне стало известно — естественно, ведь эту информацию я получил, когда и клана уже не было. В остальном же я практически ничего не утаил — ведь Локрин уже успел продемонстрировать, как неплохо у него варит голова, так что скрывать от него что-то сверх необходимого было неразумно.

— Значит, всё это время, — сказал налётчик, дослушав мой рассказ, — ты знал то, что способен уничтожить «Железную руку». И говоришь об этом только сейчас.

— Так пока неспособно, — развёл я руками. — Доказательств у меня до сих пор нет, только моё слово против их. Если я во всеуслышание заговорю об этом сейчас, они могут найти способ всё замять. Подчистят улики, казнят меня якобы за клевету — и всё, никто больше никогда на этом сыграть не сможет.

— Да, — Локрин невесело усмехнулся. — Очень удобно.

— Удобно?! — я почувствовал, что сейчас меня понесёт, и поначалу попробовал сдержаться. Но потом слегка задумался — и как-то не нашёл причин, с какой стати мне это делать. — Ну, да. Это просто невероятно удобно. Шикарно же просто: сидеть с задачей, которую сам не до конца понимаешь, и которую тебе категорически нельзя завалить, абсолютно при этом не представляя, как именно ты можешь это сделать. Нет, ты полностью прав. Мне точно следует не прятаться за всем этим, а что-нибудь отчебучить, такое, чтобы всем бардам лет на триста других тем для песен не было. И коньки в результате отбросить — но это же чепуха, дело ведь за меня какой-то другой неудачник сделает. Не так ли? Их же вот прямо здесь за углом сотни прячутся.

Было видно, что Локрин очень хотел ответить. Примерно в том же тоне, и с не меньшим накалом. Однако, стоило отдать ему должное — он сдержался, хотя его явно распирало разругаться со мной вдрызг. Здесь, наверное, чувствовалась школа Каи: она тоже, прежде чем высказаться, всегда брала поправку на уместность.

— И в чём задача? — спросил он.

— Разобраться, распознать и предотвратить, — сказал я. — И если тебе кажется, что я сейчас отделяюсь общими словами, то знай, что мне эту задачу так и поставили,

пропустив все «что», «зачем» и «почему».

— Не похоже на Кайару.

— Она-то как раз помогла, — я вздохнул, — и сильно. Не знаю, как без неё бы выкручивался. Локрин, пойми, пожалуйста, правильно: я не всё могу тебе рассказать. Не потому, что не доверяю. Просто отвечать ещё и за то, куда тебя с этим знанием понесёт, будет перебором.

— Ладно, — налётчик выставил ладони перед собой, пытаясь притормозить не то мои излияния, не то собственные мысли. — Допустим, я сказал лишнее. Но я ведь и сам могу за себя отвечать. Потому скажи уже, наконец, кто ты?

— Тот, кем кажусь, — ответил я. — Парень, которого закинули во всю эту историю, забыв объяснить, что вообще происходит, и спросить, а надо ли оно ему. Не надо принимать меня за какого-то посланца богоподобных, который проведёт тебя через главное приключение твоей жизни. Меня бы самого кто-нибудь провёл, а то всё на ощупь приходится.

Локрин внимательно на меня посмотрел. Затем перевёл взгляд на костёр и поправил в нём сползшую набок доску.

— Не верю, — сказал он. — Можешь думать себе, что угодно. Но я не верю.

Я не нашёл, что ему на это ответить. И дальше у нас разговор особо не заладился. Однако, и возможности спокойно всё обдумать мне не представилось.

— *Почему ты ему не расскажешь?* — спросила Кая. — *Ручаюсь, проблем с ним не будет. Да и не помню, чтобы Виктран просил тебя что-то скрывать.*

Вопрос был хороший. Действительно, ручаться за то, что Локрин воспримет всё адекватно, я мог бы и сам. Даже в дурку сдать не попытается, во-первых, за отсутствием здесь таковых, а во-вторых — поскольку ну магический мир же, почему нет. Плюс, хоть я и знал его совсем немного времени, сомневаться в его лояльности как минимум Кайаре как-то не приходилось, а с ней у нас конфликта интересов не просматривалось. Так почему же?

— *Я чужак,* — наконец смог я сформулировать свою мысль. — *С моей стороны будет безответственно втягивать в свои заморочки кого-то из местных. Тот же Йирун, про которого ты рассказывала — мне упорно кажется, что он был кем-то вроде меня. И он об этом не подумал, или, может, сознательно такими мыслями пренебрёг. Что из этого вышло? И что могу натворить я?*

— *Если бы я знала тебя похуже,* — ответила Кая, — *я бы сказала, что это очень удобная позиция.*

— *Вы с Локрином не родственники?* — ехидно осведомился я. — *Впрочем, ты же меня знаешь получше, значит есть какое-то «но». Верно?*

— *Но ты достаточно заморачиваешься тем, как ты выглядишь как минимум в моих глазах. И это наводит на мысль о твоей искренности. А если серьёзно, то не поздновато ли ты этим вопросом задался? Учитывая, что ты уже здесь, причём, с разрешения и по воле Виктрана.*

— *Скажу вещь, которая может показаться тебе кощунством,* — сказал я, — *но, на мой взгляд, дурака могут свалить и богоподобные. Возвращаясь к Йируну — если я на его счёт прав, то кто-то же его сюда притащил.*

— *Йируна здесь нет,* — заметила Кая. — *А ты есть. И мне кажется, что ты боишься.*

— *Да,* — не стал отрицать я. — *И, как бы это в твоих паладинских глазах не выглядело, за свою шкуру тоже, прости уж, если разочаровал. Почему вообще это должен быть я,*

неужели не нашлось никого получше?

Втайне, признаться, я надеялся, что меня станут отговаривать, мол, если бы нашлось, тебя бы здесь не было, поверь в себя, и всё такое. Но Кая не стала этого делать.

— *Я не осуждаю твой страх,* — сказала она. — *Сама его испытывала, тебе ли этого не знать. Но позволишь ему сковать себя — погибнешь. Начнёшь из страха бездействовать — погибнешь. Замкнёшься из-за страха...*

— *... тоже ничего хорошего,* — закончил я за неё. — *Последовательность понял, здесь можно всего не перечислять. Просто... Знаешь, если бы я чуть лучше представлял, что мне надо сделать, я бы чуть меньше и переживал, что сделаю не то.*

— *Кажется, понимаю,* — мыслеголос Каи стал мягким, будто она уговаривала раскапризничавшегося ребёнка. — *Но попробуй всё-таки предположить, что Виктран знает, что делает. И если он поместил тебя сюда такого, какой ты есть, то в тебе уже присутствует всё необходимое, чтобы ты сделал то, что ожидается. Если он не объяснил тебе, как действовать, то естественное для тебя поведение и будет наилучшим выбором. Ты же пытаешься думать за богоподобного. Но его задачи ему и решать. Переживать за наш мир — его бремя, твоя же задача, в чём бы она не заключалась, думаю, проще.*

Это были разумные и, чего уж там, приятные слова. Немного банальные, как и любой совет поверить в свои силы и дерзать, не без этого. Однако, из уст Кайары, за которой в иных случаях не ржавело меня и отругать, они звучали вполне искренне. Проблема была в другом. Кая, как дитя своего времени и мира, слишком, на мой взгляд, опиралась на мудрость, всеведение и могущество богоподобного. Ладно, чего уж там — бога, которому она всю жизнь и служила. При всём отсутствии типично-фанатичных загонов, ей было сложно посмотреть на Виктрана критически. В отличие от меня. Нет, глупо было отрицать за этим существом, будь оно хоть сто раз в прошлом обычным человеком, как минимум знаний и опыта в тех объемах, которые мне даже вообразить было непросто. Но мне никак было не отделаться от мысли, что его действия находились строго в рамках возможного. Что я угодил во всё это не потому, что исполнен всяческих достоинств и потому оптимален, а потому, что был наименее паршивым вариантом из тех, кого реально из нашего мира умыкнуть. Что он толком не дал мне никаких вводных не потому, что я, такой, как есть, по умолчанию поведу себя правильно, а из-за того, что все богоподобные связаны по рукам и ногам этими их ограничениями на вмешательство. И насколько же всё было запущено в таком случае, что он пошёл на этот риск? Нет, Кая была права — я и впрямь пытался думать за Виктрана. Но я не мог этого не делать. Я и дома-то, при в целом спокойном отношении к религии, особо верующим не был, что здесь-то начинать.

— *Или мои сомнения,* — подумав, сказал я, — *это именно то, что от меня ожидалось.*

Знаете, что отличает романтично-постапокалиптический пейзаж от банального бомжатника? Нормальное дневное освещение. Хотя, возможно, и в этом случае найдутся индивидуумы со специфичным чувством прекрасного, готовые отыскать крупицы эстетики даже здесь. Однако, увидев утренний Застенок, я понял, что к таковым не отношусь. Это был просто сверх-депрессивный район Ауренны, обитель отверженных, сочувствие к которым, едва успев зародиться, тут же вдребезги разбивалось банально о картины их быта. И нет, конечно, я не собирался впадать в другую крайность и называть нахождение здесь местной публики абсолютно справедливым. Но, извините меня, они даже не попытались сколько-нибудь обустроиться. Не ударили палец о палец, чтобы худо-бедно починить своё жильё, пусть бы и максимально убогим образом. Не заметил я и того, чтобы местные в принципе занимались чем-нибудь осмысленным — лишь шлялись среди руин и, похоже, напивались прямо с утра.

— С чего они здесь живут-то? — не удержался я от вопроса. Локрин бросил на меня не очень одобряющий взгляд, но, подумав, до ответа всё же снизошёл.

— С чего придётся, — сказал он. — Кто покрепче, те выбираются за стену. Тащат всё, что плохо лежит, попрошайничают, могут одинокого прохожего грабануть. А остальные лижут им пятки, и за это им тоже перепадает.

Я оглянулся по сторонам и попытался примерить роль лихого бандита на тощего бородача в лохмотьях, судя по выражению лица, находившегося сознанием где-то явно не здесь.

— Не сходится, — вынужден был констатировать я.

— Вот как? — Локрин усмехнулся. — Тогда, может, у тебя есть свои версии?

Нет, всё-таки, он на меня обиделся. Правда, поделаться с этим я пока ничего не мог — несмотря на вчерашнее внушение от Каи, не ощущал я ещё себя готовым к полной откровенности.

— Знаешь, а есть, — подумав, сказал я. — Весь этот якобы неконтролируемый район — шапито. Показуха. Серая зона, наличие которой позволяет гильдиям обувать бургомистра, а тому — шельмовать с податями клану. Будь оно не так, этот гадюшник вычистили бы в три дня максимум. И нет, эти бедолаги-то, скорее всего, настоящие. Но, уверен, в подвалах домов поцелее — обставленных с куда большим уютом, замечу, — сидят ребята попрличнее, которые и определяют, где на этой неделе сколько должно пропасть товара. И вот через них что-то перепадает и остальным.

— Соображаешь, — признал Локрин. — Здорово, когда есть почва хотя бы для догадок, правда? Но ты немного недооценил масштаб. Впрочем, там, куда мы идём, ты всё сам своими глазами увидишь.

Мне хотелось заметить, что почва для догадок есть всегда — нужно только разбираться в том, как протекают процессы, которые ты наблюдаешь. Но, поразмыслив, я счёл за лучшее помолчать. Учтывая, что наблюдал налётчик и в какого рода деятельности он, судя по всему, разбирался, не уверен, что мне бы понравились его догадки. Тем более, сейчас, когда у меня были все шансы не узнать о них вовремя.

Тем временем мы добрались до одного из домов, смотревшегося чуть приличнее прочих, но из-за близости к туману не бывшего особо популярным среди местных. Впрочем,

не только в тумане могло быть дело. Причиной этого ещё мог быть крепкий мужик чуть за полтинник, обнаружившийся на скамейке у дома. Смурной, явно, в отличие от многих, не опустившийся. И, очевидно, не очень приветствующий попытки навязаться к нему в соседи.

— Привет, Бледный, — обратился к нему Локрин, когда мы подошли ближе. — Нам бы вниз.

Бледный смерил нас явно натренированным тяжёлым взглядом.

— Этого, — кивнул он в мою сторону, — я не знаю.

— Он со мной, — выдал налётчик зубодробительно стереотипную фразу. — Из пернатых, как и мы.

— Да? — Бледный вскинул бровь. — А я таких не помню.

Разумеется, ведь меня там и не было. Однако, нужно было как-то ответить, хотя бы чтобы не множить подозрения у своего товарища.

— Тебя зовут Орти, — сказал я. — И как-то раз ты получил по морде от Кайары. Рассказать, за что?

За то, что он к ней приставал. Эту историю сама Кая сочла подходящей, чтобы подкрепить ей мою легенду. Однако, просчиталась. Физиономия Орти приняла ещё более суровое выражение, пышущее неудовольствием от пробуждённого мной воспоминания.

— Ты! — сказал он, наставив на меня указательный палец, — Ты не пройдёшь, понял?

— Ну, не спеши, — понизив тон, сказал я этому недоделанному Гэндальфу. — У меня ведь и другие истории есть.

Вот тут у сурового вахтёра как-то ну совсем несолидно забегали глазки. Прямо-таки видно стало, как он в панике принялся перебирать варианты. И, похоже, сдать назад в этом случае сулило меньшие репутационные потери, поскольку вскоре он поднялся со скамьи, жестом пригласив нас следовать за собой.

И вскоре я понял, что имел в виду Локрин, говоря о недооценке масштабов. В подвале под домом Орти имелся замаскированный подземный ход, явно самодеятельный, но вполне комфортный и даже обшитый досками. И вёл этот ход строго вниз, к старому подземелью под городской локацией. Которое оказалось не просто обитаемым — оно было конкретно так обжитым. В залах и коридорах, по которым некогда ходили патрули големов, расположился ещё один скрытый район Ауренны, с аккуратными кубами жилых хижин, базаром и, конечно, тем, без чего ни одна вариация на тему Тортуги просто не могла обойтись — шумным вместительным кабаком.

— И они это терпят? — удивился я. — Только не говори, что перчатки не в курсе, это невозможно.

— Конечно невозможно, — ответил Локрин. — Перчатки в доле. Может, особого восторга они на этот счёт и не испытывают, но выкурить изгоев из Нижней Ауренны будет труднее и дороже, чем договориться с ними. Здесь, знаешь ли, и авантюристов хватает. Особенно из тех, что когда-то бились не за тот клан.

Из которых самые буйные, как мне вдруг подумалось, имели обыкновение куда-то бесследно пропадать. Поскольку более питательной среды для целой армии доносчиков отыскать было бы трудно, и не думаю, что патриарх клана этого не понимал. Кстати, ещё одна причина терпеть разбойничий притон у себя под мостовой — когда так активно плодишь недовольных, намного проще держать их неподалёку и под контролем.

— Кстати, а чем ты так Бледного напугал? — вдруг спросил Локрин. — За что Кайара могла ему врезать — это я себе прекрасно представляю, всё же, знаю его не первый день. Но

чтобы он аж на попятную пошёл...

— Да ничем, — отмахнулся я. — Как ты, я его не знаю, конечно — и да, поговори мне после этого про несправедливую репутацию класса. Однако, такая порода мне знакома. Грешки у него точно есть, так что я просто позволил ему самому их припомнить, не имея в виду ничего конкретного. Просто блеф, на самом деле я понятия не имею, что он так испугался. Но на всякий случай — надеюсь, ты не слишком ему доверяешь. Там что-то серьёзное, судя по реакции, я даже удивился, насколько его проняло.

— Ну ты и жук, — налётчик покачал головой. — Ладно. Сейчас постарайся не глазеть и внимания к себе не привлекать. Зайдём кое-куда, сбудем добычу — и уберёмся отсюда. Из подземелья ещё один выход как раз у западных ворот.

— А дальше?

— Дальше рвём группу и разбегаемся, — тон Локрин стал немного механическим. — Двоих проще найти, да и у тебя эта задача твоя дико секретная. С ней желаю удачи, но я, наверное, пас.

Что же, этого следовало ожидать. Я же не в игре находился, где единожды завербованный NPC-союзник будет таскаться за тобой, пока тебе самому не надоест. У парня и до моего появления своя жизнь была, и после, хотелось верить, вполне себе будет. Не силком же его держать, в самом деле?

Все оставшиеся сердечники мы обналичили в одном месте — всё едино играть здесь в конспирацию было бессмысленно, слухи на местном рынке расходились с какой-то прямо релятивистской скоростью. К тому же, осторожничать становилось незачем, поскольку Ауренну мы планировали покинуть самое позднее к закату. Правда, торгаш всё равно поинтересовался, не собираемся ли мы теперь в храм, ядро на алтарь возложить. Но от этого Локрин отговорился, на ходу сочинив историю про случайное браконьерство в клановых угодьях — мол, какие-то придурки собрали толпу големов, не сдюжили и полегли, вот нам и пришлось много драться, чтобы к ним не присоединиться. Торгаш, правда, всё равно, как мне показалось, не поверил, и остался в уверенности, что мы и впрямь угробили какое-то подземелье. Или он шутил так, а остальное сделала моя и впрямь не совсем чистая на сей счёт совесть — с такой публикой наверняка не скажешь. Для порядка стоило всё-таки убратся отсюда побыстрее. Впрочем, это и без таких дополнений было совсем не лишним.

Равно как и то, что из подземного притона Локрин вывел нас какими-то огородами, то есть, пардон, завалами, явно в стороне от торных путей. Здесь я бы не удивился, если бы за поворотом вдруг обнаружился голем, потерявшийся при зачистке ещё во времена перед основанием города — настолько дикими и необжитыми выглядели коридоры, по которым мы шли. И спуск на уровень ниже отнюдь не выглядел сколько-то цивилизованным — просто пролом в полу, похоже, даже естественный, возникший просто от запущенности подземного лабиринта.

— Ходы удобнее, уж извини, недоступны, — словно оправдываясь, заявил Локрин. — Часть слишком уж хоженная, сейчас нам туда не надо. Другая — под замком, так что её ещё до железноруких замуровали. Кому понравится, когда в твою резиденцию снизу кто попало влезть может? Но мы не гордые, мы её снизу обойдём.

— И всё-таки, ты здесь слишком хорошо ориентируешься, — заметил я.

— Жил я здесь, — огрызнулся налётчик. — С того времени, как «Ястребов» разбили, и до момента, пока всем не слишком себя проявившим объявили амнистию. Так что да, репутация класса, и я даже в банде был. Доволен?

— Чем? — я пожал плечами. — Тебя за это и Кайара бы не осудила.

— До откуда тебе это знать? — начал злиться Локрин. И у меня возник конкретный соблазн рассказать, откуда именно. Но даже прими я идею Каи обо всём налётчику рассказать, случай для этого был совсем неудачный. И не из какого-то там стеснения. Просто в этот момент, как по заказу, неподалёку послышались чьи-то шаги. Локрин, услышав их, тут же исчез — хотя, находясь с ним в группе, я знал, что он всё ещё неподалёку. Я тоже подумал было последовать его примеру — вот только пока решал, куда бы мне здесь забиться, незнакомцы уже показались.

Их было трое. Все — в капюшонах и со скрывающими нижнюю часть лица масками, что делало их похожими не то на игровых ассасинов, не то на киношных ниндзя. Двое — с короткими широкими клинками на поясе, один — безоружный, зато в усиленных перчатках. Не иначе, коллега, первый встреченный за всё время, что я был в этом мире. Он со мной и заговорил.

— Стоять! Кто таков?

— Спокойно, дружище, — ответил я как можно мягче. — Свои.

Почему-то мне показалось, что представиться случайным мимоходом не выйдет — здесь, под землёй, случайных не было. Оставалось только определить, кто такие эти «свои», прежде чем меня раскусят.

— Я тебя не знаю, — заметил монах. — И где второй? Мы слышали ещё один голос.

— Он здесь, прикрывает. На случай неожиданностей, — присутствие Локрина я также решил не отрицать, прямая ложь, если уж они его слышали, мгновенно перевела бы разговор в драку. — Ну, и я тебя тоже не знаю. Не отсюда я. Но с важным донесением к самому, смекаешь?

— Вот как? — из-за капюшона я не видел, вскинул ли мой собеседник бровь, но по тону звучало так, как будто да. — Ну, хорошо. Учение, переданное мне мудрецами, всесильно.

— Ибо оно верно, — в полнейшем офигении закончил я фразу. Последнее, что я ожидал сейчас услышать — это как кто-то перевирает цитату из трудов дедушки всех октябрят. Какие мысли у меня это вызвало, догадаться нетрудно. Тем более, что, судя по тому, как расслабился монах, я угадал.

— Славь Йируна, брат, — сказал он, коротко поклонившись. — Скажи другому нашему собрату показаться, и мы проводим вас.

— Конечно, — ответил я. — Локрин, ты слышал? Покажись!

— Локрин?!

А вот это уже был прокол, и очень жирный. Такой, после которого отбрехаться уже не получится, поскольку сразу же начинается бой.

Кстати, дико смешно бы получилось, окажись реальный агент культистов тёзкой того, кого они должны были убить.

В тот момент, однако, мне было не до смеха, ибо коллега по классу, тварь такая, оказался хорош. Если моя боевая эффективность сводилась к общим представлениям о боксе и случайно полученному множественному левел-апу, то эта сволочь оперировала чем-то вроде ушу или тхэквондо, и на весьма солидном уровне, натренированном, как мне показалось, отдельно от навыков. Кои также далеко не сводились к быстро пробежать и сильнее врезать, как это было у меня. Буквально в первые же секунды боя на меня обрушились несколько энергетических шариков и запущенный с ноги воздушный резак, от коих мне, по счастью, удалось увернуться. А вот безудержный ураган из высоких пинков в

прыжке пришлось принимать на поднятые руки, что вышло отнюдь не безболезненно даже с учётом моих способностей. И самое паршивое, я не видел, как мне из этой ситуации выйти. Враг бил слишком часто, настолько, что о контратаке нечего было даже думать. Разве что подождать, пока выдохнется — вот только не факт, что прежде не обнаружилась бы брешь в моей защите.

И вдруг всё закончилось. Просто сверкнул меч и монах упал замертво. Далее же по коридору, за фигурой налётчика, выглядевшего сейчас крайне эпично, виднелись тела и двух других культистов.

— Спасибо, — сказал я, опустив руки. — Ты так меня скоро догонишь.

— Прекрати, — неожиданно холодно отозвался Локрин. — Откуда ты знал, что им ответить?

Первым моим желанием было намекнуть на работу под прикрытием, но эту мысль я тут же отмёл. Враньё мне потом могло и аукнуться.

— Сложно объяснить, — абсолютно честно сказал я. — В общем, кажется, Йирун был из тех же краёв, что и я. Потому я знаю, откуда он стащил эту фразу.

— Ты точно не из Ауренны, — возразил Локрин.

— Да не отсюда он! — воскликнул я, досадуя на такой обидный прокол. — Дослушай, я всё объясню!

— Сейчас? — тон налётчика стал насмешливым. — Если они не идиоты, то дальше в подземелье сидит четвёртый из их группы. Только что он понял, что его друзья исчезли, и поднял тревогу. Можешь их дождаться, если хочешь, а я на выход. С дороги!

Дождаться я никого, разумеется, не хотел, и потому, пропустив Локрина мимо себя, поспешил за ним. Причём, «поспешил» — это мягко сказано, чтобы поспеть за товарищем мне пришлось нестись со всех ног. Лишь добравшись до Нижней Ауренны он соизволил немного сбавить шаг. Однако, по лицу было видно, что сейчас на разговоры налётчик не настроен. Что там я с моими объяснениями, от него шарахнулись даже разбитного вида ребята, явно прицеливавшиеся к нам на предмет поделиться наличностью. Да и всё равно, место, настолько плотно напичканное лишними ушами, совершенно не подходило для того, чтобы во всеуслышание рассказывать здесь про то, что у меня в голове живёт и здравствует считающаяся погибшей легендарная паладинша. А именно это я и собирался сделать. Моя легенда всё равно уже трещала по швам, и теперь это становилось чревато уже не просто выпадением Локрина из группы, что так-то было делом неприятным, но житейским. Теперь он мог меня не пойми в чём заподозрить, причём, с непредсказуемыми последствиями. А враждовать с ним мне особо не хотелось. Да и устал я, если честно, выкручиваться.

Физиономия Орти, когда он снова нас увидел, была какой-то испуганной. Это, впрочем, могло иметь тысячу и одно объяснение, да и со своей мимикой привратник тут же совладал, изобразив на лице обычную для него хмурую мину. Большого значения я этому, однако, не придал. И напрасно. У самого выхода ноги вдруг перестали меня слушаться — я просто не мог оторвать их от земли. И прежде чем дверь передо мной закрылась, я увидел, как ушедший вперёд Локрин вдруг ни с того ни с сего рухнул наземь. А затем меня словно заволкло туманом, почти таким же, каков он был в воспоминаниях Каи. Ощущения немного отличались, справедливости ради, но главное было схожим. Он тоже вытягивал волю и гасил сознание. И вскоре оно погасло совсем.

Придя в сознание, я обнаружил себя в несколько неожиданном положении. То есть, не то, чтобы я и впрямь от этого что-то ожидал — когда я выключался, у меня в принципе не было уверенности, что мне когда-нибудь суждено очнуться. Но шок, полученный мной при пробуждении, от этого меньше не становился.

Начнём с того, что более естественным было бы всё-таки проснуться лёжа. Ну, или сидя, в крайнем случае — подвешенным за руки. Я, однако, стоял.

Продолжим тем, что тело меня абсолютно не слушалось. Причём, не на уровне пошевелить рукой или ногой, я не мог даже по своей воле направить куда-то взгляд. Так и приходилось пялиться на лежащего без сознания связанного мужика, в коем я не без труда признал Орти. Но это не значило, что я просто стоял по стойке «смирно». Игнорируя мои приказы, тело будто жило своей отдельной жизнью, шевелясь исключительно по своему собственному усмотрению.

И, наконец, гвоздь программы. Тело, вне всяких сомнений, было женским.

Осознав всё это, я сделал единственное, что ещё было в моих силах — от души мысленно выругался.

— *О!* — тут же откликнулась Кая. — *Хвала Виктрану, ты очнулся!*

Мыслеголос паладинши был настолько радостным и прямо до нежности участливым, что мне тут же стало невообразимо стыдно за своё сквернословие. И потому следующую свою фразу я потрудился сформулировать цензурно, подавив рвущиеся из самого моего существа намного более краткие и ёмкие выражения.

— *Что произошло?*

— *Точно не знаю,* — ответила Кая. — *Но, похоже, из-за магии этого подлеца мы поменялись местами. Понятия не имею, как такое вообще возможно.*

Вот на этот счёт меня тут же посетила одна догадка.

— *Так я же копия сознания. Вик, похоже, не стал выращивать мне тело, так что я не в полной мере материален. И, получается, выгляжу так, как себя воспринимаю. Точнее, как мы себя воспринимаем, нас же двое,* — неожиданно я смутился. — *Слушай, я, кажется, не в порядке. Ума не приложу, откуда я это выдумал.*

— *Всё нормально,* — успокоила меня Кая. — *В таком состоянии думается быстрее. Со мной так же было, скоро ты привыкнешь. Но если так, почему нас сейчас не поменяло обратно?*

— *Не имею ни малейшего понятия,* — ответил я. — *Знаю, это жутко бесит, когда твой внутренний голос говорит такое, но ты тоже привыкнешь. Возможно, здесь действует принцип «кто первый встал, того и тапки». Ты же очнулась раньше меня?*

— *Я и не засыпала. Кто, по-твоему, вырубил и связал этого предателя? Кстати, постой-ка. Он, похоже, приходит в себя.*

И действительно, Орти закричал и пошевелился, пытаясь придать себе вертикальное положение. Когда же это ему не удалось, от раскрыл глаза. И тут же его лицо перекосило от ужаса, словно он увидел призрака. Впрочем, почему «словно»? Так с его точки зрения всё и было.

— *Здравствуй, Орти,* — произнесла Кая уже совсем другим тоном, категорически не похожим на тот, который она использовала в разговоре со мной. Сейчас в её голосе, такое

ощущение, лязгали мечи и раздавались последние крики изничтожаемых праведным воинством грешников. — Давно не виделись.

— Ты мертва! — сдавленно просипел превратник. — Ты не можешь быть здесь! Ты... Тот парень? Ты вселилась в него? Как это возможно?!

— А вот это не твоего ума дело, предатель.

Орти дёрнулся, как будто его ткнули в бок раскалёнными вилами, и судорожно сглотнул.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он.

— Ничего, — отчеканила Кайара. — Я просто хотела, чтобы ты взглянул мне в глаза. Чтобы ты услышал, что я всё знаю. Когда ты задёргался, говоря с другой моей ипостасью, я поняла, что это ты меня предал. И, к твоему сведению, я догадывалась об этом раньше.

— *Локрин!* — вдруг вспомнил я. — *Спроси его, что с Локрином!*

— *Жив, находится в крепости,* — тут же ответила Кая. — *Скорее всего, в темнице. Ты разве не чувствуешь?*

И действительно, стоило мне об этом задуматься, как я тут же получил подтверждение её словам. Наша группа всё ещё существовала, так что и моё беспокойство не имело особого смысла.

— Всё не так, — затараторил тем временем Орти. — Всё совсем не так. Кайара, молю, выслушай. Это был не я. Я бы не посмел, ты же знаешь! Я же...

Вдруг верёвки спали с привратника, и он бросился на нас, занеся окутанную молниями руку. Но к такому повороту событий Кайара оказалась готова. Лёгкого движения ладонью ей хватило, чтобы Орти отлетел назад, с противным хрустом впечатавшись в стену затылком. И по тому, как задёргались его конечности, стало ясно, что с ним всё.

— *И это было в моём клане,* — сокрушённо произнесла Кая. — *Гнилой человек, и всегда таким был. О чём я думала, когда принимала его?*

— *Не вини себя,* — откликнулся я. — *Если бы ты набирала только безгрешных, в твоём клане никого бы не было. И ты — хороший человек, так что никак не могла представить, как низко он падёт. Кстати, есть отвлечённый вопрос. Почему он и меня не сдал?*

— *Потому что ты переборщил с загадочностью,* — ответила Кая. — *Орти наверняка продал кому-то и железноруких, вот и испугался, что ты об этом что-то знаешь. Но не вини себя, всё по итогу обернулось к лучшему.*

И всё-таки Кая оставалась Каей. И как такие вспышки ехидства уживались в ней с паладинскими заморочками?

— *Ох, Максим, извини. Я хотела сказать не это,* — осеклась она. — *Спасибо тебе.*

Да, вот как-то так и уживались.

В Застенке нам пришлось подзадержаться — всё же, перемахивать через стену среди бела дня было бы совсем уж неоправданной наглостью. Однако, это мы вполне могли себе позволить. О нашей метаморфозе пока никто не подозревал, так что если недруги нас и искали, то интересовал их скорее седеющий раньше срока брюнет, а никак не молодая шатенка. К тому же, в моей одежде, конкретно ей великоватой, Кая выглядела очень аутентично для этого района, так что внимания, вопреки природным данным, не привлекала.

Как бы там ни было, нет худа без добра. Необходимость куда-то деть лишние сутки означала для нас также и возможность как следует обдумать и обсудить наши действия на ближайшее время. Мы оба безусловно сошлись на том, что Локрина нужно вытаскивать.

Понимания, как это проделать, ещё пока не было — для этого требовалось больше информации с мест, собрать которую, сидя в Застенке, мы не могли. Но, по крайней мере, с самой целью имелась полная ясность, что уже было неплохо.

— *И ещё кое-что,* — добавила Кая. — *Я хочу уничтожить логово йирунитов в подземелье.*

А вот от этого я уже немного опешил.

— *Понимаю, тебе хочется с ними поквитаться,* — осторожно начал я. — *Мне и самому они совсем не нравятся. Но один вопрос: как? У тебя где-то в городе прячется личная армия, ждавшая твоих приказов все эти годы? Одна задача перед нами уже стоит, тоже непростая, но хотя бы выглядящая исполнимой. Так, может, давай начнём с неё? А там уже и посмотрим, что со всем этим можно сделать.*

— *Нет,* — ответила Кая. — *Будь дело только в мести, я бы сама решила со всем этим подождать. Однако, здесь явно что-то нечисто. Если я ничего не пропустила, главой железноруких ещё должен быть Бедвир. А я его знаю. Человек он, самое меньшее, неоднозначный, один только факт сговора с культистами говорит уже о многом. Но кем он никогда не был, так это тупицей. Иллюзий, что культ Йируна станет его послушным инструментом, у него быть не могло, и то, что друзья они ненадолго, он должен понимать. Однако, он позволил им обосноваться прямо под своей резиденцией. Более того, они захотели там обосноваться, хотя в их обычае всегда были ячейки поменьше, которые сложнее обнаружить, и уничтожение одной из которых не причинит культу в целом фатального ущерба. Что-то во всём этом неправильно. И, боюсь, что-то зреет. То, чего мне не хотелось бы допускать. Подозреваю, это и есть то дело, исполнения которого от нас ждёт Виктран.*

Сказать, что из этого я понял хотя бы половину, было бы сильным преувеличением.

— *Слушай, для меня это всё вилами по воде писано,* — сказал я. — *Но не буду ничего утверждать, в конце концов, я вне вашего контекста и не знаю кучи вещей, которые в сумме, возможно, делают всё понятнее. И нет, не надо мне их прямо сейчас все пересказывать, время у нас, конечно, есть, но, боюсь, не в таких объёмах. Поверю на слово. Но я задавал другой вопрос. Как? Прокрасться в замок, освободить Локрина и сбежать — одно дело. Рисков я здесь вижу больше, чем в ином плане вообще есть действий, но, по крайней мере, это я могу себе представить. Но, извини, когда я пытаюсь вообразить, как нам провести полноценную боевую операцию в подземелье имеющимися у нас силами, фантазия начинает мне отказывать.*

— *В этом я готова тебе помочь. Шаг первый: выбраться из Застенка и попробовать что-то разузнать. Это же трудностей не вызывает?*

Вот с этим проблем у меня не было: сбор информации всё едино был шагом далеко не лишним. Я просто опасался, что Кая упрётся в то, что она сочла нашей миссией, и на это нам придётся потратить кучу времени и сил. Причём, вполне возможно, что и зря.

Правда, когда на следующее утро мы засветло всё же выбрались в большой город, самым первым пунктом оказалась всё-таки не разведка. Им оказался, простите, шоппинг.

То есть, нет, конечно, я был не в праве требовать от Каи, чтобы она разгуливала по Ауренне в моих обносках. Да и не собирался я такого делать, я же не изверг, в конце концов. Просто моя носительница конкретно решила совместить приятное с полезным. Что опять же, было более чем понятно и простительно, учитывая годы в полном небытии плюс недели на правах голоса в моей голове. И я даже в мыслях не имел повернуть на тему «ох, женщины,

одни платья на уме». Уж Кае-то не требовалось доказывать, что она далеко не пустоголовая кокетка, а само по себе наличие у неё живого интереса к этой сфере я нашёл очаровательным. Дубовой девой-воительницей, отвергающей всё женское, она была бы намного скучнее.

Просто, поймите правильно, энергия, с которой она на всё это накинулась, несколько выбила меня из колеи. И потому пару раз я вышел из образа всё понимающего молодца и чуть-чуть повредничал. Сперва — когда вогнал её в краску комплиментами, вполне приличными по форме, просто озвученными во время примерки очередного наряда. А затем — когда осторожно предположил, что мы понятия не имеем, когда и как мы снова можем поменяться местами, позволив своей носительнице в красках представить, как мы в этом случае будем выглядеть. Равно как и что произойдёт в этом случае с отнюдь не дешёвым платьем.

— *Ладно*, — вздохнула Кая, согласившись всё-таки на более практичный и безопасный унисекс. — *Но ты мне тогда должен яблочный пирог. Я покажу, где они продаются.*

Мог ли я отказать прекрасной даме в кусочке пирога? Нет, не мог. Причём, чисто физически.

А после перекуса начался второй забег. На этот раз — по оружию, броне и всяческой воинской сбруе. И что меня даже малость озадачило — от перебора нарядов оно по степени энергичности отличалось примерно никак. Причём, ладно, выбор меча я ещё никак не комментировал. Вещь нужная и важная, да и такая, от которой многое зависит, здесь разборчивость была объяснима. Молчал я и при выборе второго клинка. Поначалу, конечно, успел подумать, что это прихоть, но позже решил, что это я просто что-то не учитываю по незнанию. Но вот на доспехах моё терпение лопнуло.

— *Кая, ау!* — возопил я. — *Осмелюсь напомнить, что у тебя в рюкзаке, бывшем моём, кстати, железа предостаточно. Ты два комплекта таскать собираешься?*

— *Мне ещё жить не надоело, чтобы монашеское таскать*, — парировала воительница. — *Наручи с поножами тяжёлые, а от остального — одно название. И это ещё если предположить, что размер подойдёт.*

— *Размер — ладно*, — отчасти согласился я. — *Но нормальная у меня броня. И ничего они не тяжёлые.*

— *Для тебя*, — уточнила Кая. — *У меня класс другой, если ты вдруг забыл. Но в чём-то ты прав, лучше поискать подходящее нам обоим.*

В результате, паладинша остановила выбор на кованом горжете, комплектных к нему оплечьях, наручах и поножах, показавшихся мне совершенно невесомыми и несерьёзными, и, с явным неудовольствием, почти безразмерной пехотной бригантине, стягивавшейся с боков широкими ремнями. То есть, компромиссном варианте, который мне показался несколько более увесистым, чем было нужно, тогда как Кае — барахлом, коему уступала лишь моя прошлая бронька. Плюс — шлем. Этакое ведро с округлой макушкой и Т-образным вырезом со стороны лица, поверх которого ещё и опускалось забрало, отчего уже при примерке у меня чуть не разыгралась клаустрофобия. Но на этот счёт Кая была непреклонна.

Когда же с покупками было покончено, мы отправились на поиски места, где остановиться.

— *Слушай*, — не утерпел я, когда Кая нацелилась на таверну поближе к центру, приятную во всех отношениях, кроме расценок на предоставляемые ей услуги. — *Не сочти только, что мне жалко денег, их-то мы новые заработаем. И я понимаю, что так сурово*

маскироваться нужды уже нет. Но всё же, мы не слишком тратимся? Я только потому это спрашиваю, что так на нас могут внимание обратить, которое нам, насколько понимаю, всё едино не очень нужно.

— Не слишком, — ответила паладинша. — Всё, на что мы тратимся, необходимо, включая возможность выспаться в комфорте. Завтра нам предстоит много беготни. Правда, я ещё не определилась, куда и зачем, об этом как раз вечером предлагаю подумать. Но если мы хотим освободить Локрина, то действовать нужно будет быстро. Что для внимания — поверь, железнорукум плевать. Это вам двоим нельзя было попасть даже под малейшее подозрение. А я им пока не интересна, разве что столкнёмся лично с Бедвиром и он меня в лицо узнает. И то, он скорее меня за мою дочь примет.

— У тебя есть дочь? — удивился я.

— В том и дело, что нет. Просто не кажется ли тебе, что я сейчас не выгляжу на свой полный возраст?

В самом деле, резон здесь определённо был. При определённом везении, и не таком уж невозможном, прежние знакомые Каи при встрече с ней могли просто поразиться про себя тому, как похожи бывают люди, а затем молча пройти мимо. Поскольку ну не могла же она, в самом деле, ни капли не измениться за все эти годы? Истории, подобные нашей, здесь всё-таки не так часто случались. А раз так, то можно было, конечно, и расслабиться. В разумных, само собой, пределах.

— Прекрасно ты выглядишь, — признал я. — И, в принципе, немного насладиться жизнью имеешь полное право. Только, прошу, не переборщи. И лично от себя ещё есть просьба.

— Да?

— Тут видишь, какое дело... — я довольно-таки натурально изобразил смущение. — Понятия не имею, что на этот счёт у вас говорят паладинские обеты и общественная мораль. Однако, на всякий случай. Как я говорил, выглядишь ты прекрасно. И к тебе наверняка будут клеиться всякие парни. В этом случае, пожалуйста, отшей их сразу. Прости за такое неудобство, но моё сердечко ещё не готово к подобному опыту.

— Дурак! — возмущилась Кая и закашлялась, пряча таким образом неизбежно отразившиеся бы на лице эмоции.

— Прости, я ерунду сказал, — поспешил я оправдаться. — Хотел атмосферу разрядить, а то всё ворчу и ворчу. Но шутка вышла дурацкой, прости, пожалуйста.

— Стой, — прервала моё покаяние паладинша. — Остановись, пока я в голос не захохотала. Тут люди. Решат, что я умалишённая, а виноват будешь ты.

И в самом деле, эмоции, которые она испытывала, с праведным гневом не имели ничего общего. Странно, что я сразу этого не почувствовал. Отвык?

— Чтобы ты знал, — сказала Кая, совладав с весельем, — обеты паладина на этот счёт молчат. А что не запрещено, то, как нетрудно догадаться, можно. Однако, я не против, чтобы было по-твоему. Это будет справедливо, поскольку ты ко мне был добр. А ещё потому, что тебя всё едино за дверь спальни не оставишь. Максим, я сама к такому, как ты выразился, опыту абсолютно не готова. Так что не переживай.

Что же, Кая совершенно точно на меня не злилась — ни единого признака этого я в её чувствах не уловил, хоть и специально на них сосредоточился. Что, если подумать, было странно. Шутка у меня объективно вышла как минимум неаккуратной, если не сказать прямо, что идиотской. Но чужая душа — потёмки, даже если вся она, казалось бы, перед

тобой нараспашку. Пусть и поневоле. Гадать здесь смысла не было.

Удивительно, но к дуэлям власти здесь относились спокойно, не в пример всяким там историческим Людовикам из моего родного мира. По крайней мере, между авантюристами. Сказывался, видимо, их особенно вольный дух, вкупе с общей размытостью местной юриспруденции. Единственное, дуэль с поножовщиной здесь различали очень чётко. Первая проводилась в специальных для этого местах, подчинялась заранее оговоренным правилам и, официально, по крайней мере, исключала какие-либо претензии по её результатам. Правила же были довольно-таки незаметными — ни тебе равного оружия, ни секундантов, ни сигнала к началу. Фактически, ими определялась только степень урона, которую было дозволено нанести сопернику. Впрочем, если дуэлянты желали драться до смерти, полностью это не запрещалось, скорее налагало на них обязанность такое решение обосновать.

Как нетрудно догадаться, узнал я это всё потому, что нас угораздило нарваться на вызов. И косвенно виноватым в этом можно было назвать меня, ибо накаркал.

Как я и говорил, эффектная внешность Кайары не осталась незамеченной. Один же из ухажёров упорно не понимал слова «нет», напирая на то, какой он богатырь, как он непроходимо успешен и какой несусветной глупостью со стороны юной прелестницы будет отказ от его компании. Постепенно разговор перешёл на повышенные тона, а от них самоуверенный Ромео попытался перескочить к жестам, за что и получил в бубен. И вот на следующее утро нам пришлось явиться к ближайшему дуэльному кругу. Что мне, честно говоря, казалось дикостью. На мой взгляд, после такой истории затейник должен был запереться в нужнике и совершить там харакири, а никак не бросать вызов отвергнувшей его даме. Но в этом мире на такое смотрели иначе. Авантюристки в таких случаях за слабый пол не считались, так как уровень навыков мало соотносился с реальной физической силой, и никакого заведомого преимущества в бою с ними у мужчин не было. Так что логически всё было плюс-минус объяснимо, хотя шаблон у меня всё равно ощутимо трещал. И ладно ещё бой был не насмерть, это и вовсе отправило бы меня в нокаут.

Дуэльный круг представлял собой посыпанную песком площадку около тридцати метров в диаметре, огороженную каменным заборчиком, приходившимся нам где-то по пояс. Внутри круга нас уже ожидал наш противник — в полных латах и шлеме с длинным назатыльником, при мече, со щитом за спиной и комбинированной древковой жутью в руках, совмещавшей в себе копьё, клевец и боевой молот. Право слово, хоть бы постыдился, подлец, а то как на дракона собрался. Но, видимо, правила подобное позволяли. Во всяком случае, ни у собравшихся зевак, ни у арбитра на вышке вопросов это не вызывало.

— *А с чего ему не пользоваться тем, что по классу дано?* — удивилась моим вопросам Кая. — *Он рыцарь. Использовать разное железо по обстановке — как раз его специальность. Было бы нечестно выпускать его против паладина с чем-то одним, учитывая, что наши обеты наоборот выбор оружия ограничивают.*

— *То есть, все паладины носят меч, как у тебя?* — спросил я.

— *Нет,* — ответила Кая. — *Это от покровителя зависит. Я служу Виктрану, так что у меня был выбор между полуторником, парными мечами и двухклинковой глефой. У других богоподобных иначе.*

Знаете, бывает такое ощущение, когда разрозненные детали вдруг феерично

складываются в единый пазл? Вот именно его я в тот момент и испытал. Да таким знатным образом, что не смог промолчать.

— *Вот джедаелюб ведь!* — воскликнул я. — *А как пел-то? «И не захочешь, а всё равно узнаешь», ага-ага. Зараза скрытная.*

— *Максим,* — Кая отреагировала на мой эмоциональный выплеск несколько напряжённо, — *я понимаю, что с моим покровителем вы общаетесь без церемоний, и знаю, что он принимает это. Но иногда твои слова звучат попросту неуважительно.*

— *Ты наверняка не поверишь,* — ответил я, — *но в моей родной культуре даже грубая фраза вроде «ай да сукин сын» может означать восхищение. Хотя, не важно. Если ты разозлилась — это даже хорошо. Теперь направь всё это на того рыцаря недоделанного и порви его. Ты круче всех, и ты это сможешь. Ну, только и впрямь насмерть не убей.*

— *Ты неисправим,* — сказала Кая, натягивая шлем и опуская забрало. — *Но, наверное, это даже хорошо. А теперь помолчи немного.*

Помните, я упоминал, что сигнала к старту в местных дуэлях предусмотрено не было? Так вот, даже зная это заранее, я всё равно ощутил внутренний протест, когда рыцарь атаковал нас сразу же, как только мы перемахнули через ограду. Как-то это, простите, не по-рыцарски было. Впрочем, Кая к такому была готова, и внешне легко поймала окованное древко на сильную часть меча — то есть, ту, что над самым перекрестьем. Ну, то есть, именно что только внешне оно и было легко. На деле же я понял, почему более короткий и широкий меч был хорошим выбором для этого боя, хоть поначалу я и переживал немного на этот счёт. Удар вышел ну очень мощный, и меч поуже не факт, что выдержал бы его. Равно как и мечом подлиннее было бы непросто сразу же контратаковать рубящим в бок. Который наш противник, впрочем, успел отбить, хоть это и показалось мне чем-то невероятным.

— *Хорошо,* — мысленно произнесла Кая, навыком разорвав дистанцию. — *Клинок ведёт себя именно так, как я думала.*

Я промолчал, хоть это замечание и вызвало у меня ряд вопросов. Кая тем временем ринулась в новую сшибку. Рыцарь попытался сохранить более удобное ему расстояние, подняв свой дрын в верхнюю позицию параллельно земле и обозначив атаку копейным остриём на наш горжет. Кая, отмахнувшись мечом от его выпада, была вынуждена сбить темп атаки, но всё же прорвалась в мертвую зону, где оставалось лишь отоварить противника в ничем не защищённый бок. Однако, на пути меча вновь каким-то чудом возникло древко. Что Кая восприняла, как должное, тут же быстро ударив сверху и снова сбоку. С тем же результатом — уж не знаю, как, но рыцарь совершил невозможное, сумев парировать оба удара. Да ещё и перехватить инициативу, вынудив Каю опять отскочить назад парой нереально быстрых взмахов.

— *Ещё и противник неплох. Нам везёт, тебе не кажется?*

И я снова промолчал, даже несмотря на прямо заданный мне вопрос. В конце концов, меня же прямым текстом об этом просили, не так ли? Не говоря уже о том, что отвлекать сейчас мою носительницу от боя было не самым хорошим решением.

В третьей сшибке инициатором выступил уже рыцарь, парой приставных шагов сокративший разделявшее нас расстояние и обрушивший на Каю серию стремительных уколов. Что явилось бы огромной проблемой, будь у него обычное копьё. Однако, торчавшие в разные стороны молот и клюв, казалось, сами приглашали к встречным ударам по ним, призванным остановить атаки, в ином случае ставшие бы фатальными. Что, впрочем, только в моём описании сейчас звучит легко, а тогда я этих ударов толком и не разглядел. И тем

более не понял, в какой момент Кая успела сбить направленное на неё остриё вниз и добавить по нему ногой, обезоруживая противника. Последовавшая контратака, правда, разбилась о щит, перекинутый из-за спины на какой-то невероятной скорости, а затем и нам и вовсе пришлось ретироваться, уходя от меча, момент извлечения которого я и вовсе упустил.

— *О, а я тоже ничего. Кажется, полученное тобой усиление и на меня распространилось, прежде я бы доводила его до щита несколько дольше.*

И вот тут я не выдержал.

— *Хватит!* — крикнул я. — *Заканчивай! Ты только и делаешь, что болтаешь! Может, отнесёшься к этому немного серьезнее?*

— *Так ещё не всё проверила!* — попыталась возразить Кая. Но тут же смекнула, что моё терпение не безгранично. — *Ладно, поняла. Заканчиваю.*

И в следующий момент мне даже стало немного жаль рыцаря. Удары, по сравнению с которыми всё, что было прежде, тянуло лишь на разминку, посыпались на его щит, как из рога изобилия. В те же редкие моменты, когда он умудрялся каким-то чудом сунуть меч в просветы посреди обрушившейся на него стальной бури, Кая будто бы исчезала — с тем, чтобы вновь атаковать противника в том же стиле, но с другого направления.

Уже на третьем заходе рыцарь оступился и упал назад. Каю это, однако, не остановило, и она продолжила лупить по щиту, пока у противника, наконец, не закончились силы. Тогда паладинша совершила выпад, который рыцарь уже никак не успевал заблокировать. И остановила меч ровно в тот момент, когда его остриё уже почти коснулось прорези в забрале противника.

— *Стоп!* — запоздало крикнул судья, пытаясь предотвратить неизбежное, на его взгляд, смертоубийство. И, услышав это, рыцарь наконец позволил себе свободно распластаться по песку дуэльного круга. То, что это означало его официальное поражение, ему, кажется, было абсолютно всё равно. В этот момент он воспринимал огромным успехом уже то, что остался жив. Ну, то есть, наверняка я этого не знал и не знаю, но со стороны выглядело похоже.

По законам жанра этот момент публика должна была разразиться овациями. Вернее, нет, не так. Сперва гробовая тишина, нарушаемая лишь скрипом извилин. Затем вперёд выходит мужик в возрасте, по которому даже на вид ясно, что он здесь очень и очень уважаемый. И вот он сначала принимается очень редко, но очень весомо хлопать в ладоши. После чего уже и наступает овация и прочее всеобщее ликование. Так вот, ничего подобного не случилось. Кто-то хмыкнул, кто-то присвистнул, некоторые, видимо, товарищи недо-Ромео, смерили нас злобными взглядами — и всё. После этого немногочисленные зрители, поняв, что смотреть больше не на что, стали разбредаться по своим делам. А раз так, то и нам здесь больше делать было нечего. То есть, можно было, наверное, перекинуться парой слов с поверженным противником, усть его окончательно афористичной фразой в духе Джеймса Бонда и выслушать в ответ или извинения, или обещание найти и пристукнуть. Но зачем? У нас всё же имелись дела поважнее, а подобная киношная выходка мало того, что выглядела бесполезной, так ещё и в теории могла привести к влипанию в лишнюю историю. Посему, коротко это обсудив и обнаружив, что наши мнения по сему вопросу сходятся, мы пошли прочь.

Но у самой таверны последствия дуэли нас всё-таки нагнали. В прямом смысле и в лице плечистого усатого дядьки средних лет.

— *Эй, девица, стой-ка!* — окликнул он нас. — *Разговор есть.*

Кая остановилась. Чем я был не слишком доволен — вот ещё, можно подумать, нам

непредвиденного поединка не хватило. Однако, моя носительница резонно возразила, что проще один раз выслушать и отказаться, чем весь день потом от него бегать, не говоря уже о том, что второе будет как минимум подозрительнее.

— Видел я, как ты дерёшься, — подойдя к нам, заговорил усач. — Неплохо. Даже более чем неплохо. Но если ты думала когда-нибудь вступить в клан, то забудь.

— И с чего бы это? — настороженно поинтересовалась Кая.

— А с того. Этот хмырь, которого ты отделала, кстати, Сидмонтом его звать, сам-то не из «Железной руки». Не сдался им такой раздолбай, да и сам он к этому никогда не стремился, служба-то гулянкам, вестимо, немало мешает. Однако, его папенька — партнёр клана, и не из последних. Так что в лучшем случае не возьмут. А если даже примут, то загонят не пойми куда коровам хвосты крутить.

— Я и не собиралась, — Кая пожала плечами. — Однако, ты так говоришь, как будто хочешь предложить мне какую-то альтернативу. Я права?

— Смотришь в самую суть! — усач улыбнулся. — В общем, у нас есть сообщество, назовём его так, в которое входят авантюристы, к кланам не присоединившиеся. Вольные, значит. Те, кто за прежний дух, а не службу в гарнизоне где-нибудь. Ну, и мы помогаем друг другу, чем можем, группу там подобрать, место для охоты подсказать. Опять же, на хмырей таких вот, как этот Сидмонт, управу найти, если потребуется. Так вот, ты бы у нас не затерялась.

— И ты предлагаешь мне вступить в ваш полу-клан?

— Общество взаимопомощи! — поправил усач и подкрепил свои слова, воздев палец к небу. — Мы за клановыми не обезьяним, у нас все равны. Но да, предлагаю. Такие, как ты, нам нужны, да и сами мы в долгу не останемся, уж поверь. Впрочем, прямо сейчас решать не прошу. Подумай пока, и если станет интересно — загляни в «Два щита» у бронницкого квартала и спроси Меоллана. Меоллан — это я, если что. А тебя как величать?

Кая на секунду замялась. Представиться настоящим именем — это было бы слишком, а подходящим псевдонимом на такой случай она озаботиться не успела. Пришлось мне экспромтом подсказывать ей вариант.

— Лея.

Вообще, я пошутил. Да, признаю, невовремя. Но я и подумать не мог, что Кая сразу произнесёт это вслух, прежде даже не попытавшись ничего уточнить. Если бы она догадалась это сделать, то я бы, конечно, подобрал что-нибудь более подходящее. Вряд-ли совсем без отсылок, насчёт шаловливости собственной природы иллюзий отроду не питал. Однако, это можно было сделать не так прямо в лоб, а элегантнее и со смыслом. Но менять что-то было поздно. Оставалось утешаться лишь тем, что попаданцы, способные оценить претенциозность такого псевдонима, здесь косяками не ходили.

— О, в честь принцессы из притч Виктрана? Ну... Имя красивое, в принципе-то. И сподвигает к большим делам, не так ли? А в этом мы и помочь можем. Ну, Лея, до встречи!

Больше всего в этот момент меня озадачило то, что я никак не мог определиться, кого мне хотелось бы придушить в первую очередь. Богоподобного плагиатора, натаскавшего имён и реалий из медиа с очаровательной беспардонностью восьмиклассника, сочиняющего крутой фантбоевик? Или же его верную последовательницу, которая об этом гарантированно знала, но лягнула, не подумав, вместо того, чтобы меня предупредить? Что я и предъявил Кае, когда она попробовала возмутиться тем, как я её, видите ли, подставил. Тем самым я, правда, взвалил на себя бремя объяснений, откуда я, ни с какими притчами Виктрана не

знакомый, это имя всё-таки откопал. Но оно отчасти и к лучшему получилось — настроение своей носительнице я этим преизрядно поднял.

— *И это твою веру не поколебало?* — осторожно спросил я, зная, как Кая трепетно относится к авторитету своего покровителя.

— *Разве оно должно было?* — удивилась она. — *Скорее наоборот. Донести мудрость, в то же время незаметно пошутив, да так, чтобы не перечеркнуть её — это заслуживает уважения. Так ещё суметь нужно.*

Как по мне, «суметь нужно» — это было скорее про то, как изящно Кая встроила в свою систему убеждений неудобный факт, который, казалось бы, должен был поставить их под сомнение. Я даже не понял, как на это возразить. Впрочем, вместе с тем я и не нашёл весомых причин на это возражать. Из вредности, разве что, поскольку, к чести Каи будет сказано, никаких неудобств её вера никому не доставляла.

— *А что ты думаешь про этот, как ты сказала, «полу-клан»?* — перевёл я тему. — *И что это вообще за явление такое?*

— *Попытка получить преимущества клана, —* ответила Кая, — *не беря на себя сопутствующих обязанностей. Как бы клан, но оторванный от земли, не защищающий живущих на ней людей. Понятно, что богоподобные не одобряют такого, и потому полу-кланы существуют неформально, без принесения ядра к алтарю.*

— *Так железнорукие, например, кого-то защищают?*

— *Конечно, —* сказала Кая, порядочно меня этим удивив. — *Иначе у патриарха исчезли бы клановые навыки, а это не то, что можно скрыть. И мне могут сколько угодно не нравиться их методы, но раз Шийай, их покровитель, считает их приемлемыми, значит, как-то они всё же работают. Кстати, это наводит меня на пару мыслей.*

— *Подожди с мыслями, —* вмешался я, чувствуя, что разговор уходит куда-то в сторону. — *Что ты с предложением этого полу-клана делать думаешь, и чем оно может быть чревато?*

— *Так мысли как раз об этом. Схожу я к ним, почему нет-то.*

— *Вот это сейчас внезапно было, —* я начал терять нить её рассуждений. — *Не ты ли говорила, какие они фу-фу-фу? Плюс, Виктран твой разлюбезный, помнится, прямо не советовал нам быть у кланов на побегушках. Нет, формально, конечно, мы его рекомендаций не нарушаем, здесь же клан недоделанный, а про них было как-то туманно. Но всё-таки.*

— *Я сказала «схожу», а не «вступлю», —* пояснила паладинша. — *Сходить и побеседовать нам ничего не будет стоить. Что же насчёт вступления, то здесь я рассчитываю на обратный результат.*

Сначала у меня зачесалось шуткануть в духе «надеешься, что выгонят». А потом до меня дошло всё безумие её ожиданий.

— *Как?*

— *Очень просто, —* ответила Кайара. — *Мои прежние навыки при мне, и я до сих пор матриарх «Ястребов». А среди умений паладина и главы клана можно найти кое-что, как раз подходящее к случаю.*

В общем, дело начинало пахнуть очень основательной авантюрой. И вместе с тем я, похоже, начал проникаться этим миром, поскольку это мне вполне понравилось.

План, предложенный Каей, звучал очень просто. Однако, как водится в таких случаях, именно потому он и вызывал массу вопросов.

— *Так, — заявил я, дослушав её монолог до конца и более-менее уложив услышанное в голове. — Случай, чую, запущенный, потому начну издалека. С того, что не так важно, но для развития полезно, так что впоследствии будет обидно, что за общим офигением спросить забыл. То, что ты говоришь, вполне себе на промывку мозгов тянет. И не знаю, как у вас, а у нас оно очень плохой штукой считается. Отсюда вопрос: а ты паладильника за такие фокусы не лишишься?*

— *Манера выразиться у тебя, конечно, та ещё, — ответила Кая. — Но суть я, вроде, уловила. Нет, мой навык убеждения сам по себе не против обетов. Скорее это способ усилить первое впечатление — которому затем придётся соответствовать, иначе откат будет равен разрыву между желаемым и полученным. Фактически, от любви до ненависти, если выйдет совсем плохо. Но здесь ничего такого, разочаровывать их я не собираюсь. В конце концов, я поставлю на кон своё имя, которое, представь себе, кое-что весит. И я не планирую лишиться репутации из-за такой мелочи.*

— *Ладно, с этим утрясли, — вообще, мне ещё многое было любопытно, но и уходить от темы не стоило. — Перейдём к главному. Ты уверена, что твои навыки матриарха сработают? Прости, что напоминаю о неприятном, однако «Ястребов» сейчас, насколько я успел понять, не существует.*

— *Я существую, — возразила Кая. — Значит, есть и клан. А с ним — и навыки. Но, конечно, я не собиралась рассчитывать на это, не проверив. И, чтобы ты не беспокоился, сделаю это сейчас. Смотри, то, что я сейчас покажу, называется Малая эгида. Самый простой навык, предназначенный для того, чтобы глава клана мог однозначно показать, кто он таков.*

Паладинша выставила перед собой руку раскрытой ладонью вверх и сосредоточилась. Понимая ответственность момента, я не торопил её, и вовсе решил ничего не говорить под руку. Однако, когда спустя примерно полминуты так ничего и не произошло, у меня появилось очень нехорошее предчувствие. Настолько страшное, что в горле как будто возник ледяной кристалл с терзавшими трахею острыми рёбрами, а руки ощутимо задрожали. Я даже не сразу понял, что это не мои эмоции.

— *Кая...*

— *Почему? — произнесла она вслух. — Что я сделала не так?*

— *Кая, не спеши, — попробовал я втиснуться на пути явно нарождавшейся бури. — Может, с непривычки не вышло, ты ведь когда это в последний раз делала. Попробуй ещё раз.*

— *Да помолчи же! — в голос закричала она, нимало не заботясь о том, что её запросто могли услышать в соседних с нашей комнатах. Но, затем, видимо, испугавшись, перешла на шёпот. — Прости. Прости меня. Ты здесь ни в чём не виноват, ведь так? Это между кланом и его покровителем. И я утратила милость Виктрана. Я подвела его. Но где? Когда? Почему он отвернулся от меня?*

Очертания комнаты вдруг затуманились, и тут же стала понятна причина этого. Слёзы. Они потекли по нашим щекам, горячие, почти как капли раскалённого металла, и тяжёлые,

как вызвавшая их обида. Безадресная — даже сейчас Кая и подумать не могла, чтобы разозлиться на своё божество. Скорее в целом на жестокую судьбу, подбросившую ей такую подлость. И на саму себя, причём, чем дальше, тем больше. Эти эмоции были настолько сильны, что я словно бы в деталях видел их перед собой. Причём, с подробностями и причинами, так, как будто мне вдруг открылась и часть сознания моей носительницы. Но это не давало мне новых возможностей на что-то повлиять — напротив, горе Каи подавляло меня. Вжимало в стену на границе наших волею судеб связанных сознаний. И мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы под этим давлением снова начать элементарно думать. Начать искать хоть какой-то способ успокоить носительницу, хотя бы немного утешить, пока её сорвавшиеся с поводка чувства не раздавили меня окончательно.

— *Послушай,* — слова давались мне с трудом, но я заставил свой мыслеголос звучать спокойно и уверенно. — *Может, ты всё не так поняла. Может, это аномалия какая-то. Твои навыки паладина — они ведь тоже от Виктрана исходят? И они-то не исчезли, ты их совсем недавно применяла.*

Меня вдруг обдало нежностью, имевшей странный горький привкус.

— Ты так бьёшься за меня, — прошептала Кая. — А я... Я и тебя тоже подвожу?

— *Не носи ерунды!* — воскликнул я, и девушка вздрогнула. — *Да, бьюсь. А как иначе? Мы — одно целое, если ты не заметила. И ты слышала в моих словах совсем не то. Соберись. Навыки же! Они работают!*

Кая слабо улыбнулась, однако, слёзы из её глаз хлынули с новой силой, не давая ничего сказать. И ей потребовалось время, чтобы сообразить, что мысленная речь по-прежнему нам доступна.

— Максим, — сказала она. — Ты очень добрый. Но это так просто не работает. Обеты паладина — это совсем не то же самое, что навыки матриарха. Они не связаны и не пересекаются.

В этот момент мне захотелось даже не придушить, нет. Просто посмотреть в глаза Виктрону, закинувшему меня в этот мир, но не рассказавшему о нём толком ничего. И одним лишь взглядом донести до него всё, что думаю, доходчивее, чем тысячей слов. Впрочем, могло ли это что-нибудь изменить?

Кая проплакала всю ночь, лишь под утро забывшись тревожным сном, наполненным кошмарами, содержания которых я не видел. Но это было и не нужно — чувства Каи были достаточно сильны, чтобы всё однозначно понять. А наутро она проснулась натуральной куклой с потухшим взглядом, напрочь утратившей мотивацию делать хоть что-нибудь. Мне мало что не криком пришлось её расшевелить, заставлять умыться и спуститься поесть. Нет, Кая не сопротивлялась моим понуканиям, даже наоборот. Однако, она это делала явно не для себя. Из-за того скорее, что она была не единственным обитателем этого тела, так что элементарная порядочность требовала от неё хотя бы попытаться не создавать соседу неудобств. И, Боже, если я когда-то мечтал о том, чтобы стать причиной жить для красивой девушки, то я имел в виду совершенно не это!

Тормозить Каю, как-то пытаться убедить её, что не всё потеряно, я даже не пробовал. Просто не знал, с чего начать, и как не сделать хуже, не говоря уже о том, чтобы и вправду помочь. Впрочем, и позволить ей сидеть в четырёх стенах, упиваясь своим горем, было бы плохой идеей, так что я предложил ей немного пройтись. Уж вреда от этого точно не должно было образоваться, а там, глядишь, немного и в себя бы пришла. Кая, однако, отказалась. И тогда мне пришлось перефразировать своё предложение, радикально сменив в

нём акценты. Сказать, что это именно я хочу прогуляться, и что это мне нельзя всё время сидеть в комнате. Вот к такому Кая прислушалась. Вскоре, однако, мне начало казаться, что всё это зря. Ожидаемой пользы прогулка не принесла никакой. Моя носительница не переключилась, она просто исполняла мою просьбу. Но делать было уже нечего. Разве что, поднапрячь мозги, задавшись вопросом, как я в самом деле могу до неё достучаться.

В эти раздумья я погрузился качественно, настолько, что толком и не разглядел города, по которому мы бродили. Никакого осмысленного результата это, впрочем, не принесло. У меня просто не было идей, как вытащить из депрессии человека, не настроенного в этом благородном деле с тобой сотрудничать. И от этого мне хотелось орать. Хотелось спросить у Каи, не особо стесняясь в выражениях, не слишком ли большое значение она придаёт своему матриаршему титулу, и не чёрт бы с ним. К счастью, мне хватило ума этого не сделать. А потом я и сам всё понял.

Проблема была в том, что Кая была и паладином Виктрана, и клановым матриархом во имя его. Довольно естественное сочетание, но вместе с тем и гремучее. Опасное тем, что Кая не разделяла эти свои ипостаси. И противоречия с тем, что она сказала мне ранее, здесь не было — это навыки могли быть автономными, смысл же для неё в обоих случаях был един. Служить покровителю. Теперь же всё выглядело так, будто ей дали понять, что она этого недостойна. И, будучи вполне способной понять умом, что это попросту несправедливо, она подсознательно запрещала себе это делать из-за веры, что несправедливым Виктран быть не может. Это сейчас и заставляло её так страдать.

Такое было непросто уложить в голове не шибко религиозному выходцу из не шибко религиозного мира. Но здесь это была данность. Здесь вера была неотъемлемой частью мировосприятия. Средневековье же, пусть и с приставкой «псевдо». И с этим я поделаться ничего не мог.

Впрочем, вдруг осенило меня, не в том ли крылась разгадка? Я не мог ничего сделать во взаимоотношениях Каи и её бога. Но можно было зайти с другой стороны.

— *Кая, — набрался я смелости, чтобы, наконец, заговорить, — я понимаю, как тебе сейчас плохо. Хотя, нет, прости. Ни черта я в этом не понимаю, просто вижу, что тебе тяжело. И, поверь, очень за тебя переживаю и очень тебе сочувствую. Но есть одна проблема. Подними голову, пожалуйста, и повернись, куда я скажу.*

Девушка молча повиновалась.

— *Отлично. Видишь замок? Там сейчас в темнице сидит наш друг. Да, и мой тоже. Как ты помнишь, мы малость поссорились, но прежде он успел несколько раз крепко меня выручить и буквально жизнь спасти, а такое для меня важно. Так вот, как думаешь, перчатки станут нас спрашивать, когда будут думать, что и когда с ним сделать? Или культисты эти долбанутые — они войдут в наше положение и подождут, пока ты оправившись, прежде чем убрать его, как они уже пытались сделать? Сейчас мы нужны Локрину. Ты нужна. Никто, кроме тебя, не в силах ему помочь. Так что прости за то, что я сейчас скажу. Соберись, тряпка. У тебя есть дело.*

Некоторое время после моей пламенной речи Кая просто продолжала смотреть на замок. Не бездейтельно. Снаружи так и могло показаться, но мне-то была видна вся буря разнородных и противоречивых эмоций, затопивших её сознание. Вычленишь и распознать какую-то отдельную из них я не стал даже пытаться, слишком уж там всего было понамешано. По смыслу, однако, можно было догадаться, какого рода внутренняя борьба сейчас происходила. Хотя, конечно, я ничего не знал о ходе её мыслей, и это меня немного

пугало.

Буря прекратилась так же внезапно, как и началась, сменившись твердокаменной злой решимостью совершить нечто, пока мне неведомое. Кая опустила глаза, глубоко вздохнула — и с напором атакующего носорога куда-то зашагала.

— *Молодец*, — поддержал её я, больше потому, что счёл это полезным, нежели и впрямь выражая одобрение неизвестным мне покуда мыслям. — *Только один момент: куда мы идём?*

— *В храм, разумеется*, — ответила Кая. — *Ты же сам сказал, мне нужно собраться*.

Очевидной прямой взаимосвязи между этими предложениями я не нашёл, во всяком случае, не такой, чтобы это было «разумеется». Не в полной мере мне было понятно и что моя носительница там собиралась делать. Успокоить нервы молитвой? Выпустить пар, отшибив идолу Виктрана голову? Но что бы там ни было, насколько бы оно ни было импульсивно и, возможно, разрушительно, препятствовать Кае в этом было нельзя. Не потому, что я не смог бы её остановить, почему-то у меня было ощущение, что как раз наоборот. Вот только не вернул бы я её тем самым к исходному состоянию?

К храму, что я нашёл крайне символичным, вели две дороги: пологий удобный серпантин и пересекавшая его на каждом витке крутая прямая лестница. Хороший вопрос, какая из них была действительно короче, — не по длине, конечно, по затрачиваемому времени, — и какая правильнее. Этакая воплощённая в архитектуре притча с до размытости глубоким значением. Которое Кая без сомнений урезала до ускорения через катарсис, выбрав стремительный подъём напрямик, с болью в натруженных бёдрах, зато без перерывов.

Главный зал храма являл собой правильный восьмиугольник, в середине каждой стороны которого, кроме той, где располагался главный вход, стояло по изваянию богоподобного. Обо всех их я уже слышал, пусть бы и между делом в отвлечённых разговорах, так что самое базовое представление о местном пантеоне у меня имелось. Однако, впервые я увидел его так наглядно. Строгий землепашец Деджен, вдохновенный мастер Ханзи, воинственная неистовая Тисса, мудрая и изящная Квилла, милосердная Айра, суровый и властный Ший. И Виктран. Мне не удалось сходу корректно поименовать его сферу, но по смыслу лучше всего ему подходило определение «богоподобный суетолог». К его статуе, не лишённой, кстати, портретного сходства, Кая и направилась.

— *А теперь сделай это*, — сказала она, остановившись у постамента. — *То, что ты делал, чтобы найти меня. Погрузись в наш разум, или как это там называется*.

— *Медитация*, — подсказал я. — *Только сразу скажу, я в этом не дока. И погрузиться так глубоко, как в тот раз, у меня вышло лишь единожды. Но я попробую*.

— *Не пробуй*, — отрезала Кая. — *Просто сделай*.

— *Да вы издеваетесь*. Оба, — проворчал я, отгоняя некстати нахлынувшие воспоминания. Но всё же послушно очистил свой разум и обратил внутренний взор в глубины сознания.

На этот раз было сложнее. В прошлую попытку у меня ещё не имелось нынешних тревог, ныне сбивавших мне весь настрой, да и в главном храме всех окрестных земель, в отличие от уютного тренировочного нигде, сотворённого Виктраном, было малость шумновато. Однако, пусть я не очень понимал назначение и смысл этого действия, Кайаре оно было нужно. Мне же сейчас хотелось ей помочь, пусть даже туманной для меня символичной мелочью. Это было то, что я мог сделать. А значит, оно стоило того, чтобы

поднапрячься.

Наконец, мне удалось. Звуки вокруг нас стали стихать. Холодный мрамор постамента перед нашими глазами размылся и поплыл, обратившись сплошной стеной белёсого непроглядного тумана. Это состояние я уже помнил. Преддверие внутреннего микрокосма, где не было ничего, но было всё. Место, из которого до него оставался один шаг. Нужно было лишь дотянуться до него разумом, придать ему форму. В прошлый раз это вышло само, наверное, из-за специфики нашего тогдашнего состояния. Тогда Кая ещё не контролировала себя, и образы расходились от неё, как повторяющийся сигнал SOS. Они и легли в основу пространства, где мы с ней встретились. Ныне же, чтобы попасть в это место, его нужно было себе представить. Фактически — создать.

Самым экономным вариантом был всё тот же туман. Однако, я сильно сомневался, что моя спутница оценит такое, да и сам, по правде говоря, не особо хотел его видеть. Но и ландшафтным дизайном сверх меры сейчас заморачиваться было неуместно. Потому свой выбор я остановил просто на бескрайней залитой солнцем равнине, поросшей высокой, почти по пояс, травой, что колыхалась зелёными волнами под лёгким тёплым ветерком. Почти как на легендарных обоях «Безмятежность», только без холма, которым я решил попросту не заморачиваться.

И мы оказались там, по отдельности, но вместе. Кая — в понравившемся ей насыщенно синем платье, которое из-за моей вредности она так и не взяла. Сам не знаю, почему я представил её именно такой. И я, в джинсах и любимой старой футболке. Уж не тоска ли по дому во мне вдруг прорезалась?

И, кажется, мне ненароком удалось её поразить. В странной растерянности Кая оглядела себя, затем осмотрелась вокруг, и, найдя меня взглядом, посмотрела... странно. Не радостно, не сердито, даже не обескураженно. Удивлённо, наверное, хотя это простое слово отражало далеко не весь спектр эмоций, плескавшихся в её широко раскрытых глазах.

— Не помешаю?

Повернувшись на голос, я увидел его. Виктрана. Именно такого, каким я запомнил его с прошлой встречи.

— Не можешь влезть в голову, — припомнил я. — Но можешь пройти следом.

— Именно, — богоподобный кивнул. — Но имейте в виду, этот случай — исключительный. Я не стану являться каждый раз, когда вы так сделаете. В этом не будет никакого смысла, если вы чуть что начнёте бегать ко мне за советом.

Я с вызовом усмехнулся.

— Вот об этом мне есть что сказать, — многозначительно заявил я. — Только не слишком приятного. И не только об этом. Однако, сейчас не время. Думаю, с тобой хочет поговорить кое-кто ещё.

Лицо Виктрана сделалось до отвращения понимающим.

— Я знаю, Максим. Я знаю, — сказал он и обернулся к Кае. — Дитя, ты не провинилась передо мной, и я не отвергал тебя. Всё немного сложнее.

— Но, думаю, — отозвалась Кая, стараясь скрыть дрожь в голосе, — хотя бы объяснений я заслужила.

— Конечно, — мягко ответил Виктран. — И не только их. Только далеко не обо всём я имею право тебе рассказать. Но я попробую.

— А ты не пробуй, — не утерпел я. — Или делай, или не делай.

— Моим же заклинанием, Поттер? — пробормотал богоподобный, демонстрируя, что

не только сеттинг Далёкой Галактики ему известен. Однако, если он хотел так разрядить обстановку, то ничего у него не вышло.

— Так, постой, — сказал я, дослушав объяснения Виктрана. — То есть, это я во всём виноват?!

— Нет, ни в коем случае, — спокойно ответил богоподобный. — Вина предполагает какие-то действия, повлекшие за собой результат. А ты — просто причина. Одна из.

— Ну, обалдеть, конечно, — только и смог сказать я.

Из того, что я услышал, если опустить всякую магику-метафизическую заумь, получалась довольно-таки глупая ситуация. Вкратце — даже несмотря на то, что наше общее тело было под управлением Каи и выглядело, как Кая, здешнее вредное мироздание всё равно воспринимало его, как меня. А я, понятно, никаким патриархом никакого клана не был.

Почему же тогда работали навыки паладина, коим я тоже в упор не являлся? А очень просто. Класс — это был атрибут сознания, если угодно — души. Патриаршество же привязывалось к тленной оболочке основателя клана, или его наследника, ежели он успевал передать ему этот титул. Тут уж не знаю, кто и зачем это выдумал, но так вот оно работало, и кроме как принять это, выбора у нас никакого не было. Что я и попытался сделать, как бы у меня не начинал от этого скрипеть мозг.

— Ладно, — сказал я, тряхнув головой. — Есть ещё вопросы.

— Максим, имей совесть, — с укоризной произнёс Виктран. — Я не могу тебе всё рассказать, на этот счёт есть правила. Когда-то богоподобные активно вмешивались в мирские дела, и знаешь, к чему это привело? К тому, что нас осталось только шесть, а мир покрылся туманом.

— А не семь? — удивился я.

— Нет, шесть, — поправила меня Кая. — Айра пожертвовала собой, чтобы туман перестал распространяться. Она не мертва, и её алтари действуют. Но паладинов Айры больше нет, и сама она ныне спит.

Спящее милосердие. Символично получалось, ничего не скажешь.

— Вот потому я тебе ничего не рассказал, — продолжил Виктран, — ни о мире, ни о твоей задаче. Я на это права не имею. Ты должен выяснить всё сам. И ты на это способен. То небольшое, что я мог сделать — это выбрать способного на такое. Тебя.

— Если ты не можешь вмешиваться, — с сомнением произнёс я, — то как тогда наш опыт...

— А это и не я, — ответил богоподобный, с полуслова уловив, о чём я хотел сказать. — Это опять ты. Не я же разбудил Кайару, верно? Причём, открою секрет — вы такие первые. В вас ещё много неизученного, и то, что вы затягиваете силу в разы больше нормы — это ещё наименее необычным оказаться может. Вообще, дам тебе совет, до которого ты и сам скоро додумаешься, так что можно. Медитируй. Познавай себя. Ты так и навыки новые откроешь, которые у другого монаха уже видел, и много о вас двоих интересного выяснишь. Тем более, что сейчас, пока действует Кайара, у тебя на это достаточно времени.

А вот это, несмотря на дельность рекомендации, прозвучало уже обидно. Поскольку я, конечно, не адепт Домостроя, но всё же достаточно консервативен, чтобы напрячься от перспективы изображать тибетского монаха, пока прекрасная дама за меня мечом машет. Виктрану, впрочем, эти мои заморочки были до факела, и вскоре он удалился. А раз так,

рассудил я, то и нам было пора. Однако, Кая сочла иначе.

— Постой, — сказала она. И, подойдя вплотную, обхватила меня руками и положила голову на плечо.

— Кая? — несколько ошарашенно спросил я.

— Просто обними меня, — ворчливо ответила девушка, — и постой так пару минут. Как в тот раз. Только, прошу, не обижайся, но молча.

Пару минут спустя, когда мы вернулись в реальный мир, обнаружилось, что времени здесь прошло совсем немного. И это я нашёл довольно-таки удобным. Стоило взять этот приём на вооружение, чтобы, к примеру, обсудить что-то сложное при нехватке времени, или для чего-то подобного. Не говоря уже о том, что общаться с собеседником, которого видишь, как-то всё же комфортнее, чем с голосом в голове.

— *Да скажи ты прямо, что обниматься понравилось,* — усмехнулась Кая, когда я передал ей эти соображения.

— *Вот даже отрицать не буду,* — заверил я её. — *Просто вдруг для тебя одного этого аргумента оказалось бы недостаточно.*

— *Не оказалось бы,* — кокетливо сказала девушка. — *Но и другие, так и быть, принимаются.*

— *Вот и славно,* — подытожил я. — *А так как вопрос, в норме ли ты, чую, избыточен, то давай сразу о главном. Что мы дальше-то делаем? Как бы то ни было, в прежний план нам потребуются внести коррективы.*

— *Верно,* — сказала Кая. — *И я их уже придумала. А для начала нам стоит зайти сюда вечером, когда людей будет поменьше. И вещи с собой прихватить, так как в таверну после этого мы уже не вернёмся.*

Сперва я не понял, к чему она клонит. Но потом, кое-что вспомнив и сложив два и два, как вдруг осознал...

— *Да ладно! А можно вернуть Кайару, которая была осторожная и мне на рожон лезть запрещала? Это же просто грандиозный хай на весь город подымет. У каждого сортира по железнолапому поставят, а порталы вообще замуруют в три слоя, чтобы и запах не просочился.*

— *И ты опять прав,* — Кая улыбнулась. — *А откуда эти все непомерные силы выйдут?*

— *Ты сумасшедшая,* — сказал я. — *Выйдут они из замка. Соответственно, там их станет меньше. И тут мы нагрянем с теми ребятами, у которых мозги ни в коем случае промыты не будут.*

— *Перехвалила,* — печально констатировала моя носительница. — *Что я их, по-твоему, на бойню поведу? Для полу-клана у меня есть другая работа.*

— *Понял,* — ответил я. — *И окончательно запутался.*

В общем, Кае вместо весёлой игры в угадайку пришлось детально излагать мне весь план, параллельно ещё и ликвидируя мою вопиющую безграмотность в вещах, хорошо известных даже самому плюгавому клановому патриарху. И когда я таки уложил полученную информацию в нашей общей голове, мне стало очевидно, что пока это нечто тянет максимум на эскиз наглой и рискованной, но гипотетически рабочей затеи, применить который в качестве руководства к действию, как есть — это особо изощрённый способ совершить самоубийство. На что получил ответ, что впереди у нас ещё практически весь день, который и логично будет потратить на прояснение и утрясание деталей. То есть, называя вещи своими именами, на гомерические объёмы беготни. За короткое время мы успели

познакомиться с новым привратником воровского андеграунда и напугать его до чёртиков, при помощи харизмы, удачи и вовремя продемонстрированного меча добыть план интересующей нас части подземелья, обойти весь город, рассмотрев-таки замок с разных сторон, чтобы вычислить его примерную внутреннюю планировку. Нарисовать мысленно маршрут всех наших перемещений за вечер и опять отведать того самого знаменитого яблочного пирога. Который, как по мне, был шарлотка шарлоткой. То есть, ничего плохого, но и не вершина кулинарного искусства. Однако, Кая с него просто млела. И, наконец, когда до заката оставались уже считанные минуты, пришло время действовать.

Как и ожидалось, людей в храме в этот час почти не было. Лишь служки да несколько лиц повышенной набожности, чьи дела к богоподобным по различным причинам не могли подождать до утра. Но первые были слишком заняты наведением порядка, а вторые — с головой погружены в свои молитвы, так что ни те, ни другие нам не мешали.

— *Ты точно со всем определился?* — на всякий случай решила уточнить Кая. — *Согласна с тем, что это твоя привилегия, но всё же напомню, что времени на раздумья не будет.*

— *Точнее не бывает, не переживай,* — заверил я её. — *Будет элегантно и со смыслом.*

Не спеша, чтобы не привлекать лишнего внимания, мы подошли к алтарю у статуи Виктрана и сделали вид, что погружены в свои мысли. Один из служек посмотрел в нашу сторону, но достаточно дежурно, просто фиксируя сам факт. Тем не менее, мы немного подождали для порядка. А затем Кая прикрыла глаза, одним быстрым движением извлекла из-под плаща ядро подземелья и поместила его на середину алтаря. Молельный зал тут же залило ослепительным сиянием, ощутимым даже через сомкнутые веки. В голове же у нас возник бессловесный, но вполне понимаемый вопрос, ответ на который у меня уже был заготовлен. И когда я представил его себе, ядро под нашей ладонью исчезло, а сияние стало затухать, уходя сквозь купол наверх, где, как я знал, оно должно было соткаться в заметную всему городу эмблему нового клана.

Не дожидаясь, пока люди в храме проморгаются после вспышки, Кая ветряной поступью унеслась прочь, подобно горному потоку им же сбежала по лестнице и умчалась в лабиринт улочек, извилистыми ручейками тёкших к ремесленным кварталам.

— *Чёрная лилия?* — спросила она, когда мы убрались достаточно далеко.

— *Это из истории, которую в моём мире многие знают и любят,* — ответил я. — *Один богатый и знатный человек был уверен, что расправился с женщиной, носившей на плече такой символ. Но в этом он очень крепко ошибся. Об этом и песню написали.*

— *Не надо!* — взмолилась Кая. Но тщетно.

— *Е-е-есть в графском па-а-арке чёрный пру-у-уд! Там лилии цветут-у-ут!*

Впрочем, этим я и ограничился. Я же не изверг, в самом деле, и отлично знаю, что моим вокалом только ворон в поле пугать.

— *Знаешь что?* — гневно заявила Кая, когда я соизволил заткнуться. — *Пока ты этого не сделал, оно действительно звучало элегантно и со смыслом, как ты и обещал. Но теперь от одного названия нашего нового клана у меня будет возникать желание тщательно вымыть уши. Спасибо тебе огромное.*

— *Всегда пожалуйста,* — ответил я. — *Ты, кстати, приглашение выслала?*

— *Да. Но пока без ответа.*

Вот это немного нервировало, хотя было, в принципе, ожидаемо. Что, в самом деле, должен был подумать Локрин, сидя в темнице, когда человек, с которым он успел малость

поссориться, прислал ему предложение вступить в клан? Здесь даже слово «непонятно» было лишним, ибо первая мысль была очевидной: творится что-то мутное. И самое забавное, что все его сомнения можно было развеять, просто представ пред ним во плоти, а не воспользовавшись группой. Вот только для того, чтобы это сделать, сначала было нужно, чтобы он принял приглашение.

Пока же оставалось лишь затаиться и ждать. Что создавало нам определённые риски, конечно. Однако, для следующей фазы нашего плана требовалось, чтобы по городу разлетелись слухи о неведомом наглеце, додумавшемся бросить вызов правящему клану. Даром, что сиявшая над куполом храма огромная чёрная лилия на лазурном щите этому, мягко говоря, способствовала.

И мы дождались. Несмотря на поздний час, горожане высыпали на улицы, чтобы как следует рассмотреть редкое в последние годы явление. Нам это было на руку — затеряться в толпе всяко было проще, чем удирать от взмыленной стражи по абсолютно пустым улицам. Правда, в ближайшее время она стража должна была из тех же самых соображений начать разгонять зевак по домам. Тем не менее, это давало нам небольшой выигрыш во времени, позволявший спокойно отыскать в квартале бронников тот самый злосчастный кабак «Два щита». Почему злосчастный? Да потому, что затрапезный, наводящей на мысли скорее о средневековом варианте полуподвальной рюмочной, чем о месте встречи благородных приключенцев. Недружелюбное на вид место было. Да и не только на вид. Стоило нам пересечь порог, как в зале воцарилась тишина, и в нашу сторону обратились десятка полтора сердитых рож с суровыми взглядами.

— Девочка, — крикнул кто-то из зала, — ты дверью ошиблась. Это место только для своих.

— И я вас тоже приветствую, господа, — ответила Кая. — Меоллан здесь?

— А кто его спрашивает? — проскрипел чей-то противный голос с другой стороны.

— Лея.

По залу прокатились шепотки, не особо разборчивые, но с понятным смыслом. И, видимо, они быстро дошли по цепочке до нужного адресата, поскольку вскоре из подсобки показался наш усатый знакомец.

— Ага, это ты! — с немного фальшивым радушием провозгласил Меоллан. — Всё же решила к нам присоединиться? Ну, пойдём со мной, обсудим.

— Вообще-то, нет, — сказала Кая. — Я не буду присоединяться к вам.

— Тогда зачем явилась? — тон усача враз стал холоднее градусов на двадцать.

В ответ Кая молча подняла руку ладонью вверх и явила малую эгиду. Уменьшенную раз в сто копию эмблемы, которую сейчас созерцал весь город.

— Прежде чем вы задумаетесь, не выдать ли меня, — проникновенно заговорила она, — вы внимательно выслушаете то, что я скажу. До конца. Не перебивая.

В иных условиях я бы не поверил, что такое может сработать. Полу-клановцы выглядели ребятами прожжёнными, практически на грани бандитов, которым лишние проблемы по определению не нужны, и которых подобными понтами не проймёшь. Скрутили бы на месте, даже не слушая. Но сейчас, видимо, начал действовать тот самый навык паладинского убеждения, поскольку вся местная братия сидела тихо, а на их зверских мордах будто печатными буквами была накорябана фраза «это не те дроиды, которых мы ищем».

— То, что вы видите, — продолжила Кая, — я сделала вынужденно. Для того, чтобы одним навыком компенсировать нехватку времени. Потому перейду сразу к делу: в

подземелье под городом проник враг. Там скрываются бойцы культа Йируна. Да, все думают, что они исчезли давным-давно, однако, я сама видела их логово. К «Железной руке» обращаться бесполезно — сами знаете, они заняты. Играются во власть, а когда наиграются — время уйдёт. Потому я могла пойти только к вам. Тем, кто за прежний дух и вольные порядки. Только вы успеете мне помочь, пока не стало поздно.

— Что нам делать? — спросил Меоллан.

— Берите оружие. — сказала Кая, — Снаряжайтесь. И отправляйтесь в подземелье. Я встречу вас там, когда завершу подготовку, и мы вместе уничтожим мерзавцев. Вся эта публика из замка недооценивает вас, зовёт полу-кланом, считает отребьем. Покажите, что они ошибаются. Судьба всей Ауренны зависит от вас. И если вы со мной, то не медлите. Начинайте собираться.

— *И да пребудет с вами сила,* — не утерпел я. На что Кая не очень-то вежливо попросила меня залепить дуло и не сбивать ей концентрацию.

Несколько секунд адепты старой махновщины молчали, и я успел подумать, что ничего не вышло. Но затем эти разбойные рожи принялись одобрительно кивать.

— Мы с тобой, — выразил их общее настроение Меоллан. — Укажи место встречи, и мы придём.

Минут десять спустя, которые потребовались на уточнение деталей, мы вновь выбрались на улицы, зеваки на которых постепенно начали рассасываться. Теперь следовало быть осторожнее, и передвигаться незаметно — с железноруких в самое ближайшее время вполне могло стать устроить спонтанный комендантский час. То есть, на нервах начать винтить всех, кто только встретится. Нам же снова оставалось лишь ждать. Причём, могло так получиться, что зря — и тогда к месту встречи с полу-клановцами можно было уже не идти в связи с общим провалом всей операции. Но о таком развитии событий думать не хотелось.

— *Слушай,* — заговорил я, чисто чтобы отвлечься от невесёлых мыслей, — *а вот так, как ты сделала — это все паладины могут?*

— *Формально да,* — ответила Кая. — *Но не с такой толпой и не так долго. И даже с одним человеком это огромной концентрации требует, к которой не все способны. При вашем с Локрином усилении и клановом внимании полководца мне и то пришлось попотеть, а без них я бы и вовсе не справилась.*

— *Но это, в принципе, достижимо,* — заметил я. — *Вопрос технологии. И страшно подумать, какие толпы ваш брат таким образом может водить за нос.*

— *Ну, нет,* — возразила паладинша. — *На вид не скажешь, но наш мир устроен справедливее, чем ты сейчас подумал. Используя убеждение, я не могу лгать, не могу не оправдать ожиданий и не могу преследовать личных интересов. То есть, попросить меня защищать, поделиться монетами, или ещё что в таком духе — нельзя. И не получится, и покровитель мгновенно отвернётся. А с такими ограничениями больших бед не натворишь.*

— *Ну, тогда мне немного спокойнее,* — сказал я. — *Хотя, при должной ушлости... Да и ты сейчас, можно сказать, по грани прошла.*

— *Так я не сказала ничего такого, чего бы не думала,* — пояснила Кая. — *Не то что у тебя бывает, когда формально говоришь правду, а на деле подстраиваешь всё так, чтобы собеседник обманул сам себя. Вот где разница, так что... Стой. Ты заметил?*

— *Да,* — ответил я, чувствуя, как гора сваливается у меня с плеч. Локрин всё-таки вступил в «Чёрную лилию». А значит, наша затея переходила в самую активную фазу.

В одной онлайн-игрушке, на которую я угробил некоторое время, будучи студентом, тоже были кланы. И у глав этих кланов, что логично предположить, имелись особенные абилки, в числе которых была и такая вещь, как экстренный призыв. Работала эта штука элементарным и довольно злобным образом: брала всех соклановцев, кто только был онлайн, и телепортировала их к отцу-командиру. Что начиная с определённых величины и прокачанности клана становилось ультимативным приёмом, решавшим большую часть проблем.

Увы, здесь ничего такого не было. Что, с одной стороны, досадно, ибо тогда нам пришлось бы заморачиваться намного меньше. С другой же стороны — да и отлично, ибо тогда с этим миром творилось бы такое, что, как выражался персонаж одной неплохой книжки, и на голову не налезет.

Однако, имелся навык с прямо противоположным действием — переносивший патриарха к угодившему в беду члену клана ради отыгрыша классической сцены с вылетающей из-за холмов кавалерией. И вот именно это мы и собирались сделать.

— *Слушай,* — обеспокоенно спросил я, — *а мы точно куда-нибудь в стену не перенесёмся?*

— *Точно,* — заверила меня Кайара. Но настолько краткий ответ меня не удовлетворил.

— *Ты уверена? Просто, если что, кукуй потом среди камней до скончания века. Вернее, нет, не века. До скончания воздуха. Или сразу раздавит.*

— *Максим,* — Кая начала раздражаться, — *я так делала множество раз, переносясь, в том числе, в совершенно незнакомые мне места. Ничего такого не будет, поскольку навык сам выбирает свободное место поблизости от цели. Ключевое слово — «свободное», понимаешь? И никаких накладок с этим ни у кого никогда не было. А теперь замолчи. Мне сосредоточиться нужно, а ты меня отвлекаешь.*

На это я мог бы возразить, что, возможно, не накладок не было, а просто везунчики, словившие одну, уже никому не могли об этом рассказать. Но не стал. Моё спокойствие сейчас было не в приоритете, поскольку в этой части операции я был не более чем пассажиром. Напрягало ли это меня? Да, и сильно. То есть, поймите правильно, от совать голову в самое пекло мне всё-таки не нравится. Но ещё противнее ощущения, когда кто-то другой делает это за тебя. Тем более — девушка. Да, отнюдь не беззащитная, и сильно опытнее меня в подобных делах. Но воспитание и жизненные принципы за пять минут к случаю из головы не выкинешь — если это, конечно, настоящие принципы. Но и об этих своих заморочках я тоже промолчал. В отличие от моего, душевное спокойствие Каи как раз имело значение, поскольку именно ей и предстояло делать всю работу.

— *Всё,* — сказала она, надев шлем и вытянув меч из ножен. — *Приготовься.*

Никакими спецэффектами запуск навыка не сопровождался. Просто виды ночного города вдруг исчезли, а их место заняло освещённое дохленьким факелом помещение, одну из стен которого заменяла кованая решётка.

— *Да ты больной!* — раздался у нас за спиной приглушённый знакомый голос. — *Зачем ко мне-то перенёсся? Ещё и снаряжился так, не узнать.*

Кая обернулась. Локрин сидел у дальней стены, закованный в колодки, от которых тянулась увесистая цепь куда-то в темноту. Сам он выглядел помятым, что, впрочем, для его

положения было естественно, однако, в целом его повреждения на вид ограничивались парой свежих ссадин. Что меня несколько успокоило — я боялся застать его в несколько более плачевном состоянии.

— Эй! — налётчик вдруг нахмурился. — Ты не Максим! Ты кто? Почему ты здесь?

Не говоря ни слова, Кая подошла ближе, присела рядом с ним на корточки и, подняв забрало, поднесла палец к губам. Что, кажется, было избыточно, поскольку Локрин, похоже, от удивления забыл все слова. То есть, рот его исправно открывался, и, казалось, сейчас он что-нибудь скажет, но за это время суматошные мысли, роившиеся в его голове, уже уносились куда-то не туда, забирая с собой всё, что он хотел озвучить.

— Кайара?! — наконец смог выдать из себя бедолага.

— Она самая, — Кая улыбнулась. — Здравствуй, Локрин.

— Как?! — с некоторым трудом юноша всё же сумел задать главный волнующий его вопрос. После чего у него даже хватило сил на второстепенный, — И где тогда Максим?

— Это долгая история, — ответила Кая. — А где Максим, ты и сам знаешь.

Локрин сосредоточился, видимо, уточняя моё местоположение через группу, а затем уставился на нас окончательно обалдевшими глазами.

— Я сошёл с ума? — пробормотал он. — Или это дурацкая шутка?

— Максим здесь, — Кая показала пальцем на свой висок. — А раньше в том же положении была я. С самого начала. Просто кое-что случилось, и мы поменялись. Прости, мы не успели всё рассказать прежде, чем тебя схватили.

— А как...

— Позже, — отрезала Кая. — Сейчас соберись. Будем тебя вытаскивать.

Сказав это, она поднялась на ноги и, примерившись, перерубила колодки чуть за правой кистью Локрина. Тот аккуратно высвободился, поднялся на ноги и пару раз тряхнул головой, после чего его взгляд стал почти осмысленным.

— Кстати, — паладинша вытащила из-за спины второй меч и протянула налётчику, — это тебе.

— На старый не похож, — заметил он.

— Так и ты — не я, — парировала Кая. — Не в плане лучше или хуже, просто ты не паладин и не женщина. Поверь, тебе он подойдёт. Я этот клинок специально для тебя и брала.

От слов «специально для тебя» Локрин конкретно просиял и посмотрел на выданное ему оружие уже с куда большим уважением.

— Ещё насмотришься, — сказала паладинша. — Готов?

Налётчик коротко кивнул, и Кая джедайским жестом наставила руку на имеющуюся в решётке дверцу, отчего та сорвалась с петель и с оглушительным лязгом вылетела в коридор.

— Пошли!

Они успели преодолеть примерно половину коридора, когда зазвенел колокол, информируя кого надо о том, что в темнице приключился непредвиденный бардак. И потому, видимо, обнаружившаяся за поворотом решётка была уже заперта. Или она в принципе отпиралась лишь по необходимости? Впрочем, это не имело значения, поскольку с ней Кая поступила точно так же, как и с предыдущей, заодно сбив с ног часть укрывавшихся за ней стражников. Что же до другой части... Им повезло меньше.

Тогда я впервые наглядно увидел разницу между авантюристом и простолюдином. И она, простите, ужасала. Кая и Локрин прошли через них, не сбавляя темпа и не используя

навыков, вот просто взяли — и мимоходом порубили всех, кто стоял на ногах. Это даже боем назвать было нельзя, как не было оно ни избиением, ни казнью. Стражников убрали с дороги, быстро и наверняка.

— *Как сорняки...* — поражённо произнёс я.

— *Не смей,* — тут же строго откликнулась Кая. — *Это люди.*

Нет, то, что она так сказала, немного успокаивало. Но давайте без иллюзий, далеко не до уровня «а, ну тогда ладно».

То ли фокус с выманиванием основных сил из замка удался лучше, чем ожидалось, то ли направление вниз, глубже в замковые подвалы, охрана считала не самым критичным, однако, какое-то время новых помех на нашем пути не возникало. Скорее всего, сработали оба фактора, вкупе с неизвестным мне третьим и ещё банальной удачей сверху. Но очевидно было, что долго так продолжаться не могло.

Организованную оборону мы встретили в самом низу, там, где замковые подвалы окончательно упирались в скальную основу и открывался длинный спуск в подземелье, окончание которого терялось во тьме. Тот, кто организовал караулы в замке, видимо, и впрямь считал угрозу на этом направлении маловероятной. Но вместе с тем он и легкомысленным дураком не являлся, а посему отряд многочисленный на этом посту заменял отряд надёжный.

Их было восемь. Немного, если не обращать внимания на то, что ни одного простолюдина среди них не было. Препятствие посерьёзнее, если разуть глаза. И большая проблема, если заметить сбалансированность этого отряда и его слаженность.

Как я смог всё это понять? Да элементарно. Кая прямым текстом всё это подумала, когда их с Локрином сходу взяли в оборот, обложив всевозможными осложняющими жизнь заклинаниями и залив таким потоком стрел, при котором уворачиваться смысла уже не имело.

Будь в тот момент на месте Каи ваш покорный слуга, наша история прямо там бы и закончилась. Не скажу, чтобы бесславно — сама по себе попытка бросить вызов далеко не последнему клану уже чего-то стоила. Но быстро, и, вполне возможно, болезненно. В любом случае, шанс стать городской легендой Ауренны мы упустили, поскольку на такой случай в рукаве паладинши отыскался козырь.

Вспыхнул яркий свет, лишь немногим уступавший тому, что зажётся при создании клана. Мгновенно развеялась магия, просто истаяла, как кубик льда в кузнечном горне. Стрелы остановились, будто врезавшись в прозрачную стену, и бессильно опали на землю.

Использованный навык тут же отозвался резкой болью где-то за рёбрами и сильнейшей слабостью во всём теле. Но Кая, через боль, через не могу, всё же бросилась вперёд, переместившись во фланг строю железноруких и попытавшись достать одного из магов. Вроде, безуспешно — вражеский боец каким-то чудом успел подсунуть щит перед товарищем. Но Кая словно знала, что так будет, и вложила в удар навык такой силы, что щитоносец опрокинулся, и был уже не в силах перехватить укол магу в горло, обесценивший все его старания.

Рядом в образовавшуюся брешь врубился Локрин, и принялся орудовать мечом с такой скоростью, что стало казаться, будто его окружает полупрозрачное стальное облако. Однако, стоило врагам попытаться его окружить, как он исчез — с тем, чтобы вновь выйти из теней уже за их спинами. Как-то отстранённо я заметил, что новый клинок действительно ему подходил — прежний, больше напоминавший паладинский, в такой толчее точно бы уже

увяз. Похоже, именно из-за этого Кае пришлось отступить. Что выглядело побегом, не в последнюю очередь потому, что нас вновь скрутило от боли, и она просто не смогла активировать ветровую поступь для новой атаки. То, что после этого ей удалось парировать удар алебардой, было сродни чуду. А затем её движения замедлились. Не до скорости улитки, конечно, но существенно, а по сравнению с прежним темпом — вовсе катастрофично. Так, что от следующей атаки алебардира мы смогли уйти лишь в последний момент, и то, всего на волос. Чтобы не допустить третьей попытки, очевидно для нас фатальной, Кае пришлось снова оплатить навык болью, телекинезом отшвырнув врага назад. Тут же её попытка застать врасплох мечник, вложивший, похоже, все силы в один рубящий удар сверху. Однако, Кая ответила эталонным исполнением Вороньего клюва — парировала его клинок в высоком блоке и на шаге, используя в том числе и силу его же удара, пронзила врага насквозь.

В следующую секунду скорость Каи вернулась в норму, видимо, из-за смерти снижавшего её мага. А затем рядом соткался из воздуха Локрин, прикрывая паладиншу, пока она высвобождала свой меч.

Теперь врагов оставалось лишь трое — недобитые Каей алебардир и щитonosец, да укрывшаяся за их спинами девушка в жреческой робе, уцелевшая, похоже, лишь благодаря слепой удаче.

— Я признаю вас, — хрипло сказала им паладинша. — Уходите.

— Пошла ты, — сплюнув кровью, процедил в ответ щитonosец.

— И признание своё в зад засунь, — поддержал товарища алебардир.

Понимали они, что это их последний бой, или же на что-то надеялись? Наверняка сказать нельзя, может, вообще оба варианта в равных долях. Но уважения они заслуживали однозначно. Как и жрица, самоотверженно усиливавшая соратников, и даже пытавшаяся, когда они пали, атаковать нас какими-то слабым навыком последней надежды. Пока Локрин, перехватив меч за лезвие, не ударил её по голове наверху рукояти.

— Не смог, — объяснил он свой поступок. На что Кая лишь молча кивнула. Наше самочувствие сейчас было далеко не тем, что подходило бы для многословных бесед о милосердии, морали и прочем тому подобном.

Да что там, даже лестница, уходившая сквозь скалу к первому уровню подземелья, оказалась для неё испытанием.

— Хотя бы зелье выпей, — не выдержал Локрин, в очередной раз не дав ей кубарем скатиться вниз.

— Нет, — задыхаясь, ответила Кая. — От этого... не поможет. Такова цена. Только ждать.

Лишь когда ступени закончились, она распрямилась, подобралась и смогла нормальным не умирающим голосом объяснить наши дальнейшие шаги. Локрин, увидев это, наконец перевёл дух, хотя и бросал на наставницу время от времени обеспокоенные взгляды. Однако, меня Кая обмануть этим не могла. Да, честно говоря, ей стало немного лучше — но объективно не настолько, насколько она пыталась показать. Даже не близко.

— Нет, это никуда не годится, — я попытался возвать к её благоразумию. — Прошу, хватит геройствовать. Я признаю тебя. Давай теперь просто уйдём.

— Эта фраза здесь неуместна, — ответила Кая. — Так говорят врагу, предлагая ему отступить без урона чести. Ты же не считаешь меня врагом, надеюсь?

— Пошути мне ещё! — взорвался я. — Каюшка, родненькая, да ты на ногах с трудом

стоишь! Куда тебе опять в драку лезть? Дана их, культистов этих. В крайнем случае, потом разберёмся. Локрина мы спасли, довольно. Почему вдруг остальное — наше дело?

— Максим, ты обещал, — строго напомнила Кая. — Кроме того, потом разобраться не получится, неизвестно, где их надо будет искать и что они успеют сделать. Не думаю, что нечто доброе. Наконец, мы всё равно не сможем сейчас уйти. Железные закрыли порталы. И изменить это мы сможем, только доведя наш план до конца.

Вот в этом она была права. Нет, мы могли, конечно, попробовать затаиться, понадеяться, что нас не отыщут, а потом придумать что-то по ситуации. Вот только одной выходки в храме уже хватало, чтобы железяки перевернули всю Ауренну вверх дном. А после нападения на замок с них станется и вовсе каждый камешек из мостовой выковырять, чтобы посмотреть, не под ним ли мы спрятались. В таких условиях не стоило даже мечтать о том, что мы как-нибудь проскочим. Закончить всё следовало сейчас. Однако, и без того безумный план, способный пойти наперекосяк буквально на каждом шаге, при нынешнем состоянии Каи был осуществим разве что при прямом божественном вмешательстве.

Или не божественном. Моём. Звучало оно, конечно, дико нескромно, но других кандидатур на роль благожелательного непредвиденного фактора что-то не просматривалось. Правда, в нынешней ситуации я самым буквальным образом был горазд только болтать, и то, лишь с одним единственным собеседником. И если начистоту, по местным реалиям Кайара в моих советах уж точно не нуждалась, скорее наоборот. А передать ей какое-то бронепойное знание из моего мира... Это какое? Свежие хахашечки из интернета? Нет, конечно, я знал много и более конструктивных вещей, вот только их применимость в нынешней ситуации была примерно на том же уровне. Ну, не сподобился я как-то заранее выучить порядок сборки пулемёта из глины и палок.

Впрочем, кое-какое знание могло помочь. Перебирая варианты, я вспомнил, что Виктран советовал мне медитировать. Открывать в себе навыки и выяснять, что мы с Каей такое. По хорошему, правда, начать стоило сразу после того приснопамятного разговора, тогда я, может, уже бы и выяснил что-то конкретное и применимое к нашему случаю. И даже тогда это было бы абсолютной лотереей, по которой мы могли вытянуть как джекпот, так и пустышку, а то и вовсе новую проблему. Сейчас же, прямо на бегу и за очень ограниченное время, вероятность нахождения чего-то полезного была совсем минимальной. Однако, что я терял? Да и конструктивнее оно было, чем нервы себе трепать. Полностью от действительности я, впрочем, отключаться не стал. Вдруг бы и моя носительница от этого в самый ответственный момент в транс впала?

Люди Меоллана обнаружились ровно там, где мы и договаривались — в зале на втором уровне, достаточно удалённом и от подземного притона, и от логова культистов, чтобы там нас никто не побеспокоил.

— Вы пришли, — констатировала очевидное Кая.

— Мы должны были, — отозвался Меоллан. По его тону и выражению лица было видно, что он начал подозревать подвох в своей же собственной готовности погеройствовать. — Что теперь, Лея?

Услышав незнакомое имя, Локрин бросил на Кайару недоумевающий взгляд. Вскоре, правда, одумался и принял безразлично-сосредоточенный вид, однако, его гримасы вряд-ли остались незамеченными.

— Теперь выдвигаемся, — ответила Кая. — Но осторожно. Стараемся не задерживаться. Кого встретим — расправляемся быстро, навалившись все сразу. И главное. Не геройствуем,

потому как незачем. Спокойно и обстоятельно бьём гадов.

Последнюю фразу Кая слышала от меня, когда по пути к Ауренне я ей от нечего делать пересказывал фильмы. И в иных обстоятельствах использование этой цитаты меня бы развлекло. Но сейчас отсылка к панфиловцам звучала иначе — как предсказание, что мы разделим их судьбу. Однако, что добавляло красок к такой параллели, отступить нам было уже некуда.

Подземелья, насколько я успел заметить, толпу не жаловали. Сама их топография восставала против излишне крупных отрядов, вынуждая их непомерно растягиваться по коридорам, делая неповоротливыми и неспособными себя скрыть, что сразу становилось синонимом уязвимости. Толпа была уделом големов, не считавшихся с потерями, поскольку ядро всё едино через пару дней полностью восстанавливало их численность. А каждый авантюрист был для такого слишком ценен.

В том числе поэтому мы двигались к логову йирунитов семью отрядами в среднем по пять человек. Для того чтобы разделяться с дозорными тройками культистов этого вполне хватало, особенно если удавалось заметить их первыми, а темп продвижения позволяло сохранять высоким. Последнее было особенно важно, если учесть, что враг узнал о нашем появлении после первой же стычки. И это плавно подводило к ещё одной причине. Разделение на отряды позволяло скрыть нашу численность и создать впечатление, что мы везде. Запутать того, кто был у врагов за главного, чтобы он не мог определиться, на что ему реагировать в первую очередь. А для большего эффекта мы отзеркалили приём, у йирунитов же и подсмотренный: разделили понятия «группа» и «отряд», так, чтобы в одном отряде не было людей из одной группы. В результате, почти все мы знали, где находятся другие отряды, и потому могли двигаться синхронно, равномерно сжимая кольцо со всех сторон.

Впрочем, была у этого решения и обратная сторона. Так как мы с Локрином уже были в группе, мы предсказуемо оказались в разных отрядах. И, кроме общих переживаний за друга, это означало, что рядом не было никого, перед кем Кая хотя бы на мгновение могла показать слабость. Ей приходилось бодриться особенно сильно, постоянно излучать уверенность и мощь, чтобы наши союзники из полу-клана не сочли, что у них проблемы, и не дрогнули. На деле же она чувствовала себя крайне паршиво, и лишняя нагрузка от необходимости держать марку особенно это усугубляла. Помогало лишь то, что выбранная тактика не требовала от неё выкладываться на полную, и тем позволяла экономить силы. К тому же, паладинша была достаточно хороша с мечом, чтобы справляться без лишних движений. Этим, наверное, можно было бы даже засмотреться. Вот только я совершенно не концентрировался на её боях, слившихся для меня в сплошное мельтешение. Другое дело было. Как я надеялся — важное.

Вот только результатов от него пока никаких не было. Вернее, не так. Значимых результатов, таких, которые можно было бы применить здесь и сейчас. Так-то я узнал про свой класс много нового, понял, что свой потенциал прежде использовал едва ли на четверть, а то и меньше. Но что в этом было толку, пока я оставался лишь голосом в голове? А в вопросах, касавшихся нас с Каей, всё пока было туманно. Возможно, что-то могло проясниться, если бы я погрузился глубже, но пока моя носительница сражалась, так рисковать я не смел.

Тем временем у нас появились потери. В нашем отряде, на секунду зазевавшись, угодил под секиру щитоносец. Вскоре после этого Кая потеряла связь с отрядом Меоллана. Впрочем, наш маг, состоявший в его группе, сказал, что сам усатый главарь жив. Однако, полный состав к этому моменту сохраняли лишь два отряда, и ещё один был выбит полностью. Действия культистов явно становились организованнее. Конечно, их вряд-ли было много, иначе в городе бы уже ходили слухи. Но и ожидать, что они не окажут внятного

сопротивления, явно не стоило. Кая, когда составляла план, иллюзий на этот счёт не строила. Однако, того, что произошло в следующей стычке, она предвидеть не могла.

Отряд культистов, довольно крупный по подземным меркам, выскочил на нас, будто заранее зная, где мы находимся. И это были бойцы, не чета тем, которых мы видели прежде, своего рода гвардия, выделявшаяся снаряжением и, надо полагать, умениями. Во всяком случае, Кая, увидев их, сочла, что здесь эконом-режимом не отделаться, и бросилась вперёд, не жалея сил и готовясь встретить врагов по полной.

Но не смогла. Не из-за усталости, как показалось вначале — боли на этот раз не было. Навык просто не откликнулся, исчез, будто он никогда и не был ей доступен. А вслед за этим накатила слабость, словно и немалая часть выносливости происходила от класса. Хотя, почему «словно»? Паладину следовало быть стойким, и немудрено, что дар этому способствовал.

Кая выронила меч и рухнула на колени. Ей вдруг стало безумно не хватать воздуха, в глазах начало темнеть, и, чтобы не лишиться чувств, она сбросила шлем. Но помогло это не сильно — затхлый подземный воздух словно раскалился и наполнился битым стеклом, рвавшим лёгкие изнутри.

Удивительно, но культисты не атаковали её. Просто пронесли мимо, как будто она вдруг сделалась невидимой, или, что было ближе к истине, более не считая её угрозой. Тут же у нас за спиной зазвенела сталь и послышались крики. А затем всё пугающе быстро стихло, и из темноты выступил старик в тёмной мантии. В одной руке он сжимал узловатый посох, тогда как выставленная вперёд ладонь другой излучала багровый свет.

— Кайара дочь Эйнеона, — провозгласил он. — Молниеносная. Матриарх «Ястребов». Мог ли я предполагать, что видение окажется таким буквальным.

Значит, видение. Это многое объясняло. В первую очередь — почему йируниты подослали к нам убийц. А ведь, если подумать, это и было поворотным моментом, приведшим нас сюда.

— Ты не помнишь меня? — спросил маг. — Нет? Ничего страшного. Мы виделись лишь один раз, и то мельком. Ну, когда я тебя победил.

— Ты не победил, — прохрипела Кая.

— Да-да-да, — проворчал маг, — я не одолел тебя лицом к лицу, с мечом и без магии, так что не считается. Прости, но я на это смотрю иначе. Ты сгинула. Я остался. Победа! Правда, теперь ты вернулась, что немного усложняет дело.

— А по мне, всё просто, — сказала Кая и опустила голову. — Давай заканчивать с этим.

— О, не спеши, не спеши, — возразил маг. — Закончить мы ещё успеем. Мне ведь так много у тебя нужно спросить. Например, каково там?

Кая предпочла промолчать.

— Ну, ладно, это не так важно, — не слишком искренне сказал старик. — Это я сам узнаю. Представь, скоро мы все будем там. Но скажи, как? Как ты сумела вернуться, сумела отвергнуть вознесение? И, главное, зачем?

Последнее, видимо, интересовало его больше всего. Не «как вернуться», на чём сделало бы акцент большинство, а именно «зачем». Как будто туман был каким-то невероятным райским местом. Правда, оставалось загадкой, а что же он тогда оставался по эту сторону. Но это для сектантов как раз типично.

Кая подняла взгляд, исподлобья посмотрев в глаза своему пленителю.

— Ничего там нет, — тихо произнесла она.

Эта короткая фраза привела йирунита в ярость. Он принялся орать что-то бессвязное, цитировать какое-то писание, напоминавшее одновременно эзотерический трактат и манифест компартии и грозить страшными карами, что постигнут всех грешников и маловеров. В общем, практически ничего содержательного. И тогда я решил рискнуть. Полностью отрешиться и уйти в транс, почти такой же глубокий, как при последней встрече с Виктраном. Только немного иной. Без виртуальной картинки, оборачивавшей мой микрокосм в привычные образы. И там, в полной тишине, свободный от белого шума собственных мыслей, я понял.

— *Кая, ты веришь мне?* — спросил я сразу, как только вернулся.

— *Что?*

— *Ты веришь мне?* — повторил я. — *Пожалуйста, ответь.*

На секунду половинка нашей двуединой личности задумалась.

— *Да.*

— *Хорошо,* — сказал я, попытавшись придать своему мыслеголосу самый мягкий и проникновенный тон, на который я только был способен. — *Тогда успокойся. Не нужно бояться. Страх убивает разум, и всё такое. А ещё он сейчас мешает мне, не позволяет тебе помочь. Если ты перестанешь бояться, я защищу тебя. Просто не думай ни о чём. Вообще. Отгони от себя все мысли.*

— *Я попробую,* — отозвалась Кая.

— *Не пробуй. Делай.*

Первым, что я ощутил, была невозможность вдохнуть. Мою грудь, как, кстати, и все четыре конечности, что-то сдавливало, будто тисками, да ещё с такой силой, что уже начинали трещать кости. И если бы так дальше пошло, то там бы я и закончился. Хорошо, что я успел сообразить, в чём дело, и быстро ослабил ремешки на броне. И вдвойне неплохо, что их было мало, да ещё все там, где можно самому дотянуться. И как уцелело ещё всё. А вот сапогам пришёл кирдык. Жалко, хорошие были.

— *Где Кайара?* — истерично воскликнул маг. — *И кто ты такой?*

— *Я-то?* — переспросил я и чуть помолчал, давая себе время сбросить доспехи и избавиться от ошмётков обуви. Остальная одежда, к счастью, была свободного кроя, так что почти не пострадала. — *Ну, я её друг. И сдаётся мне, вы её тут обижаете. Скажи-ка мне, это так?*

С ответом культист как-то затруднился. Впрочем, на это я и рассчитывал.

— *Это так,* — ответил я сам себе. — *Ну, тогда не обессудь.*

Не дожидаясь, пока йирунит выйдет из прострации, я ударил пяткой об пол, и картинным пинком с разворота отправил в полёт взмывший вверх каменный блок.

Скажете, что знаете, откуда я это спёр? Ну, да, не отрицаю. Просто в том я с самого начала и ошибался, что пытался навыками воплощать только вещи, в которых на самом деле хоть что-то понимаю. А это было не нужно.

Кстати, в мага я попал, и его унесло обратно в темноту, из которой он ранее вышел. То есть, итог получился символический. Поразмыслить об этом мне, впрочем, не дали — прочие культисты тут же набросились на меня со всех сторон. А я, извините, всё же не превратился в супермена, который мог бы стучать в такое количество физиономий как бы между делом, отвлекаясь в процессе на посторонние размышления. Хотя, чего скрывать, стало немного легче.

Не дожидаясь, пока меня возьмут в кольцо, я переместился к одному из противников и

слёту опрокинул его ударом кулака в забрало. И тут же попытался лягнуть рванувшего ко мне следующего, но тот сориентировался и сумел заблокировать удар древком секиры. Всё равно, правда, слегка потерял равновесие, чем, однако, воспользоваться мне не дали — пришлось обратным сальто уходить от летевшего в голову двуручника и по приземлению наказывать его владельца пинком в голову.

Следующий культист попытался атаковать меня копьём, и едва не преуспел в этом — лишь в последний момент я успел отбить древко в сторону. На чём решил, что дело почти сделано, и осталось лишь ворваться в мертвую зону да хорошенько врезать. Но просчитался — копейщик тоже владел ветровой поступью, так что удобную ему дистанцию сохранил и вновь ударил, от чего мне пришлось уходить по старинке, переместившись назад, за радиус атаки противника. Которого я счёл достаточно опасным, чтобы использовать на нём каменный снаряд. Как и ещё на одном — не за какие-то заслуги, просто с численным преимуществом культистов надо было что-то делать.

Теперь врагов оставалось двое, недобиток с секирой и коллега-монах. Этот решил, что меня стоит атаковать издали, и запустил с ноги уже известный мне ветряной резак. Увернуться от него я не успевал, так что пришлось импровизировать, разбив воздушное лезвие раскрученным в ладони вихревым шариком. Непонятно, чем я в тот момент думал, и что бы делал, если бы оно не сработало. Впрочем, в следующее мгновение я исправился и перенёсся с линии огня в сторону, укрывшись недобитком. И тут же был вынужден проверить свои новые навыки в акробатике, всяческими кульбитами уворачиваясь от секиры, которой культист принялся размахивать с неожиданной для такого увесистого оружия быстротой. Этим он меня поставил в довольно затруднительное положение: пытаться парировать топор без наручей было глупо, перехватить за древко — страшно, а чтобы куда-то перенестись нужно было хотя бы на долю секунды остановиться, чего мне никто позволять не собирался. К тому же, на помощь к нему подоспел монах, покуда между нами благоразумно не лезший, но явно ждавший, когда я буду неустойчив и открыт, чтобы тогда-то меня наверняка и прибить. На чём я его и подловил, сделав вид, что оступился, поймав тут же полетевшую в меня ногу и швырнув монахом в его же товарища. Атаки секирой прекратились, и я смог перехватить инициативу, закончив бой неприцельным, но сверхъестественно частым градом ударов с обеих рук.

— *Когда ты всё это освоил?* — удивлённо спросила Кая, пока я оглядывал опустевшее поле боя.

— *Давно,* — ответил я. — *Просто мне это нужно было понять. Лучше скажи, как ты?*

— *Сейчас в порядке. Но, думаю, если снова поменяемся, то всё вернётся. Цена должна быть уплачена, так работает тот навык. Но раз сразу не умерла, то оклемаюсь,* — Кая чуть помолчала, видимо, подбирая слова. — *Ты ведь, получается, не только спас меня. Ты ещё и за меня отомстил.*

— *Да прекрати!* — притворно возмутился я. — *Спасал я нас обоих, оно же в этом плане неразделимо, куда ты — туда и я. Что же насчёт мести... Кая, ты же паладин. Это была не месть, а необходимая самооборона. Ну, немного ещё пресечение противоправной деятельности с причинением справедливости в массы. И да. Если собираешься меня своим крышесносно милым смущённым мыслеголосом благодарить, то не вздумай. Ты практически всю работу сделала, тебе и хвала. А я так, в самом конце эффектно появился.*

— *Если бы я могла,* — сказала обладательница крышесносно смущённого мыслеголоса, — *я бы тебя сейчас поцеловала. Но исключительно для того, чтобы ты*

замолчал, не надумай там себе. И мне жаль это говорить, но ты поторопился. Работа сделана не вся, и это ещё не конец.

Увы, здесь она была права. Впереди нас в любом случае ждала, может, не такая активная, но, увы, самая рискованная часть плана. Для которой, к тому же, не имело значения прибытие подкрепления в моём лице. Некоторые вещи, без которых всё становилось напрасным, могла сделать только Кая. Более того, они требовали всех её сил, коих сейчас запросто могло и не хватить.

— Кайара!

С этим испуганным воплем из коридора сбоку в зал вдруг выбежал Локрин. Меч наготове, глаза бешеные, лицо решительное — в общем, самый натуральный герой, примчавшийся на выручку, прямо как с картинки.

— Я за неё, — фраза вырвалась у меня настолько машинально, что я даже не успел подумать о ней, как об отсылочной цитате. — Кая жива, просто отдыхает.

Налётчик ошалело посмотрел на меня, что-то усиленно пытаюсь сообразить.

— Ты мог сделать это сразу, — выдал он результат своих раздумий, и в его тоне мне послышалась укоризна. — Ещё наверху.

— Мог, — виновато согласился я. — Просто не знал об этом. Честно говоря, в последний момент дошло.

Локрин ещё раз оглядел меня, и, мотнув головой, тихо засмеялся — скорее от облегчения, нежели из какого-то особенного веселья.

— Правильно я тебе не поверил, — сквозь смех сказал он. — Обычный парень? Тот, кем кажешься? Да как бы не так!

Я хотел было ему возразить, но спохватился, что стою посреди грандиозного разгрома в очевидно чужой одежде. Не хватало только фразы «это не то, о чём ты подумал». Нет уж, сейчас я объективно казался кем-то другим.

— А ты чего без отряда? — перевёл я тему. — Что произошло?

— Отряд с остальным полу-кланом. А произошло то, что всё уже закончилось. Победа. Да, звучит странно, мы ждали драки пострашнее. Но у них в решающий момент главный куда-то смылся, и самых матёрых бойцов увёл. — Локрин оглядел валявшиеся по залу тела. — Но, думаю, куда они делись, можно уже не спрашивать. И хорошо, у меня как раз есть другие вопросы.

— На которые я задолжал тебе целый ворох ответов. И я всё расскажу, — я покачал головой. — Но прости, дружище, позже. Ничего ещё не закончилось.

Локрин вздохнул.

— Да уж понятно, — сказал он. — Такой шум подняли, что жить нам теперь спокойно не дадут. Но будет ли это «позже»? Так что рассказывай. Скажи для начала, задача твоя та самая — это же сейчас была она?

Я задумался. Могло ли так быть, чтобы Виктран притащил сюда попаданца ради разгрома сектантской ячейки? Звучало сомнительно, если честно. Поскольку, простите, мелко. При всей зловредности этой братии, не тот масштаб, чтобы такой огород городить.

— Моя... — начал говорить я, но осёкся. — Наша с Кайарой задача — не в этом. И она ещё не выполнена. Но вдвоём мы не справимся. Ты с нами?

Локрин усмехнулся.

— Спрашиваешь? Я в вашем клане, вообще-то. Так что говори, что от меня нужно.

Я коротко описал налётчику его роль в заключительной части нашего плана. И когда я

закончил говорить, лицо его вытянулось.

— Сумасшедшие, — сказал он. — Зачем вам это понадобилось?

— Чтобы исполнить один приём, — ответил я, — который ты называл своим коронным.

— Это какой? — не понял Локрин.

— Смотраться отсюда.

Признаюсь, после темницы у меня возникло предвзятое мнение об Ауреннском замке. Конечно, снаружи он был вполне симпатичен, но его роль в нашей истории непроизвольно заставляла примерить на него стереотипы этакой центральной злодейской твердыни, пусть и прекрасной снаружи, но непременно мрачной внутри. Чушь, конечно, однако ассоциациям не прикажешь, они если уж надумают возникнуть, то именно такими, как есть, невзирая на здравый смысл.

Но на практике всё оказалось настолько не так, что мне аж захотелось извиниться перед этими древними камнями за то, что пусть не всерьёз, но всё же оклеветал их. Интерьеры замка были просто великолепны, и никакую мрачность к ним даже за уши притянуть не выходило. Неведомый, а точнее — незнакомый конкретно мне зодчий явно вложил душу в то, чтобы создать этот шедевр, эlegantный без помпезности, практичный в своей красоте, и вместе с тем — живой, не создающий ощущения замороженного во времени экспоната, на который можно только смотреть из-за красного бархатного леера. По крайней мере, именно такое ощущение создавал патриарший этаж главной башни. И, конечно, глупо было бы судить по нему обо всём замке, однако, его достоинств это отнюдь не умаляло.

Но как, спрашивается, мы сюда прошли через кучу других этажей, наполненных недружелюбной к нам и весьма нервной из-за нас же охраны? Очень просто, отвечу я вам. Мы этого не делали. Это сделал Локрин, призвав на помощь дарованные его классу навыки вкупе с глубоко личными осторожностью, наблюдательностью и находчивостью. Плюс, конечно, нельзя забывать и про элементарную удачу. К которой, однако, нельзя всё и сводить: тот факт, что наш первый соклановец ухитрился просочиться через все посты, в том числе рассчитанные на ловлю ему подобных, вполне себе тянуло на подвиг. Который я, к сожалению, живописать не могу, ибо, отсиживаясь по укромным уголкам, куда мы раз в оговоренный период переносились, я ничего толком и не видел. Знаю только, что ему пришлось и подраться, и в догонялки со стражей поиграть, выманивая их на нужное место, и снаружи на башне повисеть, цепляясь пальцами за почти незаметные трещины в камне. Как бы там ни было, со своей задачей он справился, доставив нас в святая святых замка.

Обнаружить нашу цель большой проблемы не было. Достаточно было найти самые наиглавнейшие покои с прилегающими кабинетом и чем-то вроде приемного зала. Даже если ни в одном из этих помещений патриарха «Железной руки» не оказалось бы, он всё равно сюда рано или поздно должен был вернуться. Хотя, для нас, конечно, было предпочтительнее «рано». Всё же, талантами Локрина мы не владели, так что каждая лишняя секунда, проведённая нами в прятках за портьерами, пусть немного, но всё же увеличивала вероятность, что на нас кто-то наткнётся. Кроме того, у штурвала нашей брэнной оболочки находилась Кая, которой, вообще говоря, сейчас бы лучше было прилечь отдохнуть часиков так на четырнадцать, а не вот это вот всё. Но подменить её в этом деле я не мог, пусть даже ненадолго — возможность меняться местами для нас пока была внове, и, не зная, как она себя поведёт, если слишком с этим частить, мы не могли рисковать. Плюс, вариантов, кроме как ждать, не было. Сам-то главнюк без проблем отыскался в приёмной, однако, он там всё время был не один — к нему постоянно кто-то бегал с докладами. Даже странно, с чего бы это? Уж не с того ли, что некие негодяи мало того, что клан у него под носом заделали, так ещё и налёт на тюрьму устроили?

— *Максим, прекрати!* — возмутилась Кая, когда я поделился с ней этим предложением. — *Я тут дышать через раз пытаюсь, чтобы не услышали, а ты меня смешишь вздумал.*

Ну, а куда мне ещё было естественный мандраж девать? Впрочем, если серьёзно, то эти мои замечания и впрямь не выглядели своевременными, и посему я послушно заткнулся.

Тем временем приём докладов наконец подошёл к концу. Вернее сказать, его завершил лично патриарх, устав слушать одно и то же с незначительными вариациями и наорав на последнего докладчика, чтобы он с такими мелочами катился к тем, кому они по чину, а высокое начальство беспокоил только при наличии осязаемых подвижек. Вообще, знатно дядька ругался, мы аж в его покоях всё слышали. И меня от этого конкретно ностальгией накрыло. Случалось мне в своей прежней карьере видеть таких замов больших людей, которые обожали почём зря надоедать генеральным, рассчитывая так создать себе образ погружённого в вверенные ему вопросы человека. Что характерно, с оной погружённостью там на самом деле было не очень, да и срабатывали такие хитрости в большинстве случаев примерно никак. Но, к моему изумлению, такие затейники всё равно нет-нет, да и всплывали время от времени. И вот, похоже, всплыли даже здесь. Что в наложении на местный квази-феодализм наводило на мысли об управленческом кризисе, ибо так-то оно не должно было быть для него характерно. Однако, это в любом случае были рассуждения в пользу бедных. Да и пора было с ними заканчивать, поскольку, судя по приближающимся тяжёлым шагам, патриарх направлялся как раз в нашу сторону.

И в самом деле, вскоре дверь распахнулась, тут же с грохотом захлопнулась, и шаги послышались уже в непосредственной близости от нас. А затем послышался звук, как будто кто-то в изнеможении опустился на небольшую резную скамью, стоявшую как раз возле нашего укрытия.

— Здравствуй, Бедвир, — мягко произнесла Кая, показываясь из-за стойки с богато украшенными доспехами. — Будь так любезен, не кричи и не зови стражу. Я пришла поговорить.

Бедвир и впрямь не закричал, и даже не дёрнулся — лишь медленно повернул голову, обратив к нам совершенно ничего не выражавшее лицо. И стоило признать — глава железноруких был хорош. Этакий ходячий архетип великого короля, с гордым профилем, солидной ухоженной эспаньолкой и умными строгими глазами.

— Вот так встреча, — произнёс он абсолютно спокойным тоном, каким мог бы приказать принести нам по чашечке чая. — Кажется, я был знаком с твоей матерью, дитя. Или с сестрой? Хотя, не упомню, чтобы у неё были братья и сёстры.

— Не было, — ответила Кая. — Как и дочерей. Довольно, ты уже понял, что это я.

— Кайара мертва, — сказал Бедвир. — Но даже будь это иначе, она бы выглядела немного постарше.

Занятно, к вопросам из серии «чего тебе нужно» он переходить не спешил. Тянул время, надеясь, что кто-то решит к нему заглянуть? Скорее всего.

— Думай, что хочешь, я в эти игры играть не буду, — раскусила его Кая. — Ты просто распорядишься, чтобы нас выпустили из Ауренны. И чтобы дали покинуть твои владения. Беспрепятственно.

Бедвир, не меняясь в лице, чуть наклонил голову.

— Не вижу причин это делать, — сказал он. — Это ведь ты устроила весь этот переполох, не так ли? Я не могу игнорировать подобное.

— Можешь, — возразила Кая, и я почувствовал, как она сконцентрировалась, активируя навык убеждения. — И причины у тебя есть. Ты спутался с йирунитами. Ты нанял их, чтобы убить меня. И ты прятал их логово прямо под этим замком. Как думаешь, все ли в клане тебя поймут?

Патриарх тихо рассмеялся, как мне показалось, искренне.

— Так это правда ты, — сказал он. — Что же, всё так. Многие воспримут это превратно. Не все привыкли мыслить теми категориями, которые я учитывал, когда принимал это решение. Но это не про тебя, Кайара. Ты отлично знаешь, что не оставила мне выбора. Ведь пусть ты не согласна с моими методами, но тебе всегда доставало ума, чтобы понять цель. Что мы, все мы, из любых кланов, погибнем, если продолжим в том же духе. Если не объединимся в нечто новое, устойчивое, что свяжет локации воедино и заставит их работать на общее благо. Время вечно грызущихся мелких кланов должно закончиться, и ты понимаешь это. Так пойми и ещё кое-что.

— И что же? — голос Каи чуть заметно дрогнул.

— Твой клан, начав борьбу со мной, стал угрозой. И не для «Железной руки», а для моих целей. Для будущего, которое я хочу построить. Посмотри хотя бы на этот город, он процветает. И ты знаешь, о чём я говорю, ведь ты видела его прежде. Так вот, вы стали врагами этого. Такими же, как культ Йируна, что готовы уничтожить любые ростки порядка за то, что они не соответствуют их нереалистичным идеалам. Ты не поняла этого тогда, но пойми сейчас: нельзя построить справедливый мир сразу. Нельзя просто вести себя так, будто он уже наступил, это путь к провалу. И да, ты можешь уничтожить меня, рассказав всем про йирунитов. Но зная то, что я тебе сейчас сказал, можешь ли ты винить меня, что я дал одной угрозе уничтожить другую? И сможешь ли ты жить, зная, что разрушила то, что я успел сделать? Что обрекла нас всех?

Эта речь меня, честно говоря, впечатлила. То есть, понятно, что у Бедвира был прямой шкурный интерес в том, чтобы достучаться до нас. Но, подумал я, если начистоту, то в чём он так уж неправ? Логика в его словах определённо имелась. К тому же, я знал примеры такого из истории своего мира. Короли, подавившие феодальную вольницу, были, конечно, теми ещё фруктами, да и рай земной при них что-то не настал. Но не будь их — не случилось бы дальнейшего прогресса, и наш мир, скорее всего, был бы намного менее дружелюбным местом. Вот и Бедвир получался именно таким, королём-объединителем. Правильно ли было ему мешать?

Но вдруг я спохватился. Вообще-то, правильно. Поскольку, во-первых, у него свои интересы, а у нас свои. Охота ему играть в монарха — на здоровье, но пусть сначала отпустит с миром. Во-вторых, Кая предупреждала, что он — тоже паладин. Значит, он тоже может применить убеждение, а там — кто кого. У кого правда правдивее, воля железнее, и, главное, сил больше. Правда, какая она есть на самом деле, имела к этому весьма косвенное отношение. А в-третьих...

— *Кая, ты веришь ему?* — спросил я.

— *Это нелегко признать,* — ответила она. — *Но, похоже, да. Он ведь правильно всё говорит.*

Получалось, её тоже пробрало. Сильнее, чем меня, судя по всему, ведь уж ей-то про навыки её же класса должно было быть известно. И если уж она не вспомнила об этом сама, то напоминать, похоже, было бесполезно. Равно как и убеждать, что правильно там не всё. Но что я тогда мог сделать?

— *Кая, а ты веришь Виктрану?* — наудачу спросил я. И вдруг меня осенило. — *Стоп, отставить Виктрана. Кая, ты веришь мне?*

— *Сегодня я это уже говорила,* — напомнила Кая. — *И ты меня не подвёл, так что ничего не поменялось. Я верю тебе.*

— *Прекрасно. Тогда повтори вслух то, что я сейчас скажу. Но не пропускай эти слова через себя. Просто произноси их, сразу же, не думая. Не прекращая убеждение. Сможешь?*

— *Да,* — Кая смутилась. — *Но для чего?*

— *А ты на его реакцию смотри. Там всё увидишь.*

Бедвир тем временем терпеливо ждал нашего ответа. А затем, видимо, разглядев что-то в выражении лица Каи, счёл, что получил его. И перешёл к сути.

— Ты понимаешь, — проникновенно сказал он. — Но, похоже, не знаешь, что теперь делать. Позволь подсказать тебе.

— Выкуси.

Когда моя носительница поняла, что сказала, нас обоих захлестнуло каким-то прямо суеверным ужасом пополам с дичайшим чувством вины. Однако, при виде того, как округлились глаза Бедвира, нам вдруг стало легче.

— Не может быть! — поражённо произнёс патриарх. — Паладин не может так игнорировать убеждение!

— Просто ты несёшь бред. В чём ты хочешь меня убедить? В том, что всё сделанное тобой было нужно и правильно? Да ты даже не понимаешь, что натворил. Позволил одной угрозе уничтожить другую? Как бы не так! Ты расчистил йирунитам путь, дал им избавиться от тех, кто стоял между вами. Не ты первый такой умник, конечно.

Тут я прикусил язык. Примеров из истории моего мира, как разные деятели от большого ума сами вскармливали свои будущие проблемы, Бедвир всё равно бы не понял, а лишние вопросы их перечисление вполне могло вызвать.

— В общем, сейчас ты нас отпустишь, — подытожил я, — и не станешь мешать нам исправлять последствия твоей глупости. А на случай, если тебе, выпустив нас из города, покажется хорошей идеей передумать: то, что мы сотворили здесь — это мы ещё даже не начинали. Обещаю, огласка связей с йирунитами станет меньшей из твоих проблем, если ты вздумаешь нарушить наш договор. Ты меня понял?

Что клиент уже поплыл, я видел отчётливо. Видимо, потерял концентрацию, когда я начал отвечать, и остался беззащитным перед убеждением Каи. Однако, всё равно было не лишним, чтобы он вслух зафиксировал своё поражение. Слово, как известно, не воробей. Тем более из уст паладина, пусть даже и такого неоднозначного.

— Да, — упавшим голосом произнёс Бедвир. — Вы можете уйти. Вам не станут чинить препятствий в том, чтобы как можно скорее покинуть земли «Железной руки».

Всё же, он был не только паладином, но и отменным жуком: отсутствие в такой формулировке упоминаний о том, что нас не попытаются достать в других землях, открывало определённые возможности. Нас это, впрочем, устраивало.

— Ты же мультикласс, верно? — вдруг спросил Бедвир, когда мы уже собрались уходить. — Я всегда считал, что это просто легенда, такое ведь невозможно. Но другого объяснения у меня нет.

— А ты подумай ещё, — ответила Кая и вышла прочь.

— *О чём это он?* — спросил я. — *Не в смысле «что такое мультикласс», это знаю. И от Виктрана слышал, что такое у вас невозможно. Просто к чему Бедвир вдруг это*

упомянул?

— К тому, что отрицать убеждение могут только жрецы и монахи, — пояснила она. — Не всегда и не запросто, конечно. Однако, тебе подобные могут разглядеть нестыковки, и с их помощью освободиться. Я же, как известно, паладин, и такого умения у меня быть не должно. Вот он и предположил, что у меня есть второй класс.

— Ясно, — сказал я. — Чёрт, мне теперь даже немного стыдно. Так старались, а победили роялем из кустов.

Этот фразеологизм Кае, разумеется, был незнаком. Пришлось объяснять.

— Ну, нет, — сказала она, когда я завершил ликбез. — Это ты у нас не знаешь элементарных вещей, я же с самого начала твой класс учла. И имела в виду на случай, если убеждение Бедвира окажется сильнее. Так оно и вышло. Кстати, я думала, что ты в курсе, потому и не обговорила отдельно.

Что же, я был рад, что с точки зрения Каи всё получалось логично. И уж тем более, я ничуть не возражал против такого исхода. Но с моей колокольни это всё едино получался рояль.

Бедвир сдержал своё слово. Правда, насколько понимаю, он всё равно не мог его нарушить, даже чисто технически. Ну, и отсутствие препятствий в том, чтобы покинуть его земли, на поверку оказалось неотличимым от выдворения за их пределы. Всю дорогу нас сопровождали его бойцы в изрядном количестве, которые отнюдь не стеснялись нас поторапливать, стоило нам потратить на еду или сон хоть одну лишнюю минуту. Однако, других неприятностей мы от них не видели, а эти можно было и потерпеть.

Кроме того, патриарх железноруких, похоже, всерьёз воспринял мои слова про исправление его косяков, и мешать нам в этом не собирался. Во всяком случае, в первой же ничейной локации, куда караул за нами уже не последовал, вовсе не обнаружилось команды ликвидации, чего я, признаюсь, опасался. Вместо них прямо на порталной площадке нас поджидала другая персона, с «Железной рукой», очевидно, не связанная.

— Доброго дня, друзья мои, — широко улыбнувшись, сказал Виктран. — Могу я поговорить с Максимом? Да, и тебя, юноша, я бы попросил отойти в сторонку. Твоим патриарху с матриархом ничего не угрожает, просто разговор будет не для твоих ушей. Только не вздумай скрыться в тених и подслушать, я об этом сразу узнаю.

Локрин вопросительно посмотрел на Каю. Та кивнула, мол, всё в порядке, делай, как он сказал.

— А что, так можно было? — сходу спросил я, когда мы остались наедине и я поменялся с Каей местами. — В смысле, это твоё появление во плоти разве не тянет на вмешательство?

— Обычно бы тянуло, — ответил богоподобный. — Но есть одно исключение. Я могу явиться к тому, кого сочту достойным кандидатом, и, проверив его, даровать ему своё благословение и объявить проводником моей воли. А так как проверку ты, на мой взгляд, уже заранее прошёл, то поздравляю. Теперь у тебя есть два новых навыка. Путеводный, который подскажет, куда тебе следует идти, чтобы исполнить новую часть своей задачи. И моя эгида, которая при необходимости сможет доказать, что ты и впрямь мой протеже. Только не злоупотребляй ей, мне такое не понравится.

— Служу Виктрану, — шутливо козырнул я. — Только, не сочти за наглость, мне бы узнать, что это за задача вообще. Такое ты можешь сказать аж целому проводнику своей воли, или мне опять наугад куда-то идти и что-то делать?

— Кое-что я сказать могу, — ухмылка Виктрана приобрела очертания, которые мне не особо понравились. — Получи благословения от остальных богоподобных. Навык подскажет, где начать. Как этого добиться — дело уже твоё. А когда закончишь с этим, ты сам поймёшь, в чём твоя задача, и намного лучше, чем я сейчас смогу тебе объяснить.

— А если я пойму что-то не то? — спросил я. — Что-то, чего ты от меня не ожидаешь? Богоподобный рассмеялся.

— Так в этом и смысл, Максим, — сказал он. — В этом и смысл.

Больше книг на сайте - Knigoed.net